

2017 №3

История российской психологии в лицах: Дайджест

Электронный научный журнал проекта
"История российской психологии в лицах"

ISSN 2415-7953

ISSN 2415-7953

**Электронный научный журнал
«История российской психологии в
лицах: Дайджест»**

Выпускается 6 раз в год

№ 3 – 2017

Редакционный совет

Главный редактор:

Костригин Артем Андреевич, преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Ответственный секретарь:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Технический редактор:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Художественные редакторы:

Кочетков Дмитрий Игоревич (Россия)

Игошина Юлия Игоревна (Россия)

Editors

Editor-in-chief:

Kostrigin Artem Andreevich, Master (Psychology), Faculty Member of Department of Psychology, Kosygin Russian State University; Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Executive secretary:

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Technical editor:

Khusyainov Timur Maratovich, Master (Social Work), Manager of Department of Humanities, National Research University “Higher School of Economics – Nizhny Novgorod”; Chairman of Commission on Quality of Education, Department of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate of Department of Social Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Art editors:

Kochetkov Dmitry Igorevich (Russia)

Igoshina Yulia Igorevna (Russia)

Редакционная коллегия

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной Академии Психологических наук, директор Научно-образовательного центра «Экспериментальная психология личности», профессор кафедры психологии, Медико-психолого-социальный институт ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (Россия)

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Тихонова Элеонора Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Маслов Кирилл Сергеевич, PhD (психология), научный сотрудник, Институт психологии, Таллинский университет (Эстония)

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Маджаров Георги Александров, доцент, PhD (Psychology), Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий» (Болгария)

Проскуликова Лариса Наумовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социальных наук и самоуправления Межрегиональной Академии управления персоналом, лектор Международного института глубинной психологии, докторант сектора философской антропологии ИФ НАНУ (Украина)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, информационных технологий и сервиса, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Россия)

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия)

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, член-корреспондент МАН, доцент, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь)

Чудакова Вера Петровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины; научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины (Украина)

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (Украина)

Editorial Board

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Vice-President and Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Morogin Vladimir Grogorievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Director of Research and Education Center "Experimental Psychology of Personality" of Khakassia State University, Professor of Department of General and Clinical Psychology of Medical-Psychological-Social institution of Khakassia State University

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Tikhonova Eleonora Victorovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of Psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Maslov Kirill Sergeevich, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Psychology, University of Tartu (Эстония)

Bakshutova Ekaterina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia)

Madjarov George A., Associate Professor, PhD (Psychology), St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria).

Proskulikova Larisa Naumovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Governance, Interregional Academy of Personnel Management, Lecturer of International Institute of Depth Psychology, Postdoctoral student of Philosophical Anthropology of Institute of Philosophy of NASU (Ukraine)

Batyrshina Alfiya Robertovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Assistant Professor, Head of Department of Humanities, Information Technologies and Service, Naberezhnye Chelny State Trade and Technological Institute (Russia)

Belobrykina Olga Alfonsasovna, Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Academician of Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (Russia)

Chuprov Leonid Fedorovich, Candidate of Psychological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia" (Russia)

Verzhibok Halina Vladislavovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Corresponding Member of IAS, Assistant Professor of Department of Psychology, Minsk State Linguistic University (Belarus)

Chudakova Vera Petrovna, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Institute of Pedagogy of; Research Corresponding Member of H.S. Kostyuk Institute of Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine (Ukraine)

Sagaydak Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Director of Association of Depth Psychology «Teurung» (Ukraine)

История российской психологии в лицах: Дайджест. – 2017. – № 3. – 259 с.

History of Russian Psychology in Persons: Digest. – 2017. – № 3. – 259 p.

ISSN 2415-7953

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес в интернете: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/index>

Подписано в печать 03.07.2017

© Авторы статей, 2017

Содержание

От редакции..... 12

Биография

Стоюхина Н.Ю. Гайворовский Александр Александрович: данные биографии #1..... 15

Библиография

Ибрагимбекова Р.Ф. Ибрагимбеков Фуад Ахмедович: данные библиографии #1..... 74

Лакомова А.А., Хусяинов Т.М. Потеня Александр Афанасьевич: данные библиографии #1 82

Хусяинов Т.М. Парыгин Борис Дмитриевич: данные библиографии #1..... 85

Фотографии

Стоюхина Н.Ю. Гайворовский Александр Александрович: фотографии #1 91

Возвращение памяти...

Ибрагимбекова Р.Ф. Фуад Ахмедович Ибрагимбеков: большой ученый, истинный гуманист 114

Архив

Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. К истории советской профессиограммы (1930-е гг.)..... 125

Вопросы истории и методологии психологии

Keiler P. „Was einem Menschen allein absolut unmöglich, ist zweien möglich“ – Eine historisch-methodologische Studie über Feuerbachische Elemente im Spätwerk L. S. Vygotskijs 147

Keiler P. “What Is Absolutely Impossible for One Person, Is Possible for Two” — A Historical-Methodological Study Concerning Feuerbachian Elements in the Later Works of L. S. Vygotsky 179

Кайлер П. «Что совершенно невозможно одному человеку в одиночку, то возможно для двух» — историко-методологическое исследование идей Фейербаха в работах позднего периода творчества Л.С. Выготского..... 212

Жарова Д.В., Колышкина Е.В. Историко-психологические аспекты проблемы смеха в отечественной науке конца XIX – начала XX века..... 220

Сабанин П.В. Приключения теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра в СССР и России: дефективно-детективная история 227

Читаем забытую классику...

Костригин А.А. Предисловие публикатора: Трошин Г.Я История неврастении (1927) 242

Трошин Г.Я. История неврастении 245

Не наукой единой

Сагаловский Н. Тест 251

Хроника

Приглашение на Секцию «Философия и история психологии» на Первом Конгрессе Русского общества истории и философии науки «История и философия науки в эпоху перемен» (Москва, 20-21 июня 2018 года) 257

Table of contents

Editorial 12

Biography

Stoyukhina N.Yu. Gaivorovsky Aleksandr Aleksandrovich: facts of biography # 1 15

Bibliography

Ibragimbekova R.F. Ibragimbekov Fuad Ahmedovich: facts of biography #1..... 74
Lakomova A.A., Khusyainov T.M. Potebnja Aleksandr Afanasievich: facts of bibliography #1..... 82
Khusyainov T.M. Parygin Boris Dmitrievich: facts of bibliography #1 85

Photographs

Stoyukhina N.Yu. Gaivorovsky Aleksandr Aleksandrovich: photographs #1..... 91

Retrieval of memory...

Ibragimbekova R.F. Fuad Ahmedovich Ibragimbekov: Great scientist, True Humanist..... 114

Archive

Stoyukhina N.Yu., Kostrigin A.A. On history of Soviet profesfiogarm (1930s) 125

Issues of history and methodology of psychology

Keiler P. „Was einem Menschen allein absolut unmöglich, ist zweien möglich“ – Eine historisch-methodologische Studie über Feuerbachische Elemente im Spätwerk L. S. Vygotskijs 147

Keiler P. “What Is Absolutely Impossible for One Person, Is Possible for Two” — A Historical-Methodological Study Concerning Feuerbachian Elements in the Later Works of L. S. Vygotsky 179

Кайлер П. «Что совершенно невозможно одному человеку в одиночку, то возможно для двух» — историко-методологическое исследование идей Фейербаха в работах позднего периода творчества Л.С. Выготского 212

Zharova D.V, Kolyshkina E.V. Historical and psychological aspects of the problem of laughter in the domestic science of the late XIX - early XX century 220

Sabanin P.V. Adventures of R. Amthauer's intelligence structure test in the USSR and Russia: defective-detective story 227

Reading of forgotten classics...

Kostrigin A.A. Publisher's foreword: Trohin G.Ya. History of neurasthenia (1927) 242

Trohin G.Ya. History of neurasthenia 245

Not by science alone

Sagalovsky N. Test 251

Chronicle

Invitation to Section “Philosophy and History of Psychology” on First Congress of Russian Society of History and Philosophy of Science “History and Philosophy of Science in Changing Times” (Moscow, 2018, June 20-21)..... 257

От редакции

Уважаемые читатели!

История психологии является междисциплинарной дисциплиной, объединяющей в себе как теоретическую разработку психологических проблем в исторической перспективе, так и изучение документального наследия, и определение социального контекста развития науки.

В нашем журнале мы стараемся публиковать статьи, которые бы охватывали бы весь круг историко-психологически проблем, а также выявлять новые области, касающиеся данной научно-исследовательской области прямо или косвенно.

Так, в данном номере журнала мы открываем новые рубрики:

- «Архив»: здесь исследователи будут публиковать свои архивные находки, доподлинно отражающие тот или иной период в становлении психологической науки в России. Открывает эту рубрику публикация Н.Ю. Стоюхиной и А.А. Костригина «К истории советской профессиограммы (1930-е гг.)». Авторы обращаются к 1920-1930-м гг. как времени становления советского профессиографирования; приводят примеры профессиограммы как на стадии ее разработки и сбора экспериментальных данных (профессиограмма клейщицы), так и законченный вид данного направления советской психотехники (профессиограмма наждачницы). По убеждению авторов, данные примеры не потеряли своей актуальности и могут быть полезны для как для исследований в современной психологии труда, так и в преподавании соответствующей учебной дисциплины;

- «Не наукой единой...»: как мы знаем, источниками знаний для психологии являются не только научные исследования; это могут быть художественные произведения или обыденная жизнь людей. В данной рубрике будут публиковаться «околопсихологические» источники – стихи, проза,

записки, дневники, рецепты и другие «продукты жизнедеятельности» психологов. В этом номере данную рубрику представляет стихотворение поэта Наума Сагаловского «Тест».

Обратимся к постоянным рубрикам «Дайджеста».

В рубрике «Биография» вы можете познакомиться с большим очерком Н.Ю. Стоюхиной о жизни Александра Александровича Гайворовского (1899-1963), малоизвестного советского психотехника и педолога. Ученый работал в Самаре (Куйбышеве), Ростове-на-Дону, Минске, сотрудничал с психотехником и педологом С.М. Василейским. Автор использовал источники из личного архива дочери Гайворовского, переписку ученого с коллегами, семьей и другие архивные документы. А.А. Гайворовский относится к такой категории ученых, которых автор относит к представителям «провинциальной психологии», тем людям науки, которые оказались в тени, не снискали славы при жизни, но свой след в психологической науке они оставили.

В рубрике «Библиография» авторы публикуют списки трудов азербайджанского психолога и психиатра Ф.А. Ибрагимбекова (Р.Ф. Ибрагимбекова), этнопсихолога и психолингвиста А.А. Потевни (А.А. Лакомова и Т.М. Хусяинов) и социального психолога Б.Д. Парыгина (Т.М. Хусяинов).

Рубрика «Фотографии» представляет подборку фотографий о жизни А.А. Гайворовского из семейного архива дочери ученого.

В рубрике «Возвращение памяти...» продолжается работа по поиску и восстановлению фактов репрессий и идеологического давления на психологическую науку: Р.Ф. Ибрагимбекова пишет биографический очерк о своем отце Фуаде Ахмедовиче Ибрагимбекове (1901-1985) (репрессированном в 1948 г.).

Рубрика «Вопросы история и методологии психологии» включает в себя следующие материалы:

- впервые мы публикуем статью сразу на трех языках – немецком, английском и русском (для разных языковых аудиторий): Петер Кайлер анализирует творчество Л.С. Выготского как берущее некоторые свои истоки из философии Л. Фейербаха. В приложении к своей статье автор приводит параллельные цитаты, которые показывают переименование идей Фейербаха в работах Выготского;

- Д.В. Жарова и Е.В. Колышкина анализируют истоки развития изучения смеха отечественными психологами на рубеже XIX-XX вв.;

- П.В. Сабанин публикует свое интервью с Л.Ф. Чупровым, посвященное вопросам истории психодиагностики в советской и постсоветской психологии на примере адаптации и модификации теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра (соавтором модификаций которого и был собеседник).

Рубрика «Читаем забытую классику...» представляет фрагмент «История неврастения» (1927) из неопубликованной работы психолога и психиатра Г.Я. Трошина.

«Хроника» содержит информационное письмо к секции «Философия и история психологии» на Первом Конгрессе Русского общества истории и философии науки «История и философия науки в эпоху перемен», который состоится 20-21 июня 2018 г. в Москве. Приглашаем всех желающих участвовать!

Уважаемые коллеги! Приятного чтения! Надеемся вас увидеть среди авторов нашего журнала!

Редакция

Биография

Гайворовский Александр Александрович: данные биографии #1

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. В статье автор рассказывает о судьбе советского психолога, не принадлежавшего к самым известным, Александре Александровиче Гайворовском (1899-1963). Успев активно поработать и педологом, и психотехником в Минске, Краснодаре и Ростове-на-Дону, вторую часть своей жизни он провел в родном городе Самаре (Куйбышеве) на кафедре педагогики. Вместе со своим старшим другом и учителем С.М. Василейским фактически создавший психологию в Беларуси, он забыт современными психологами.

Ключевые слова: Психология, педология, психотехника, СССР, Самарский государственный университет, Инбелкульт, Белорусский государственный университет, Кубанский пединститут, Ростовский пединститут, психотехническая лаборатория, Куйбышевский пединститут, «павловская сессия».

Gaivorovsky Aleksandr Aleksandrovich: facts of biography #1

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. In the article the author tells about the fate of the Soviet psychologist, who did not belong to the most famous ones, Alexander Alexandrovich Gayvorovsky (1899-1963). Having successfully worked as a pedologist and psychotechnician in Minsk, Krasnodar and Rostov-on-Don, he spent the second part of his life in his native city of Samara (Kuibyshev) at the department of pedagogics. Together with his elder friend and teacher S.M. Vasileysky actually created psychology in Belarus, he is forgotten by modern psychologists.

Keywords: Psychology, Pedology, Psychotechnics, USSR, Samara State University, Inbelcult, Belarusian State University, Kuban Pedagogical Institute, Rostov Pedagogical Institute, Psychotechnical Laboratory, Kuibyshev Pedagogical Institute, “Pavlovian Session”.

*Как жаль мне тех, кто не жил никогда
В глухих провинциальных городах,
Кто не дышал нетронутой травой,
Припав к земле кудрявой головою;*

*Кто не встречал на улицах коров,
Не подбирал заржавленных подков,
Кто не глазел на двухэтажный дом,
Как будто мир весь помещался в нем;*

*Кто не гулял в провинциальном сквере,
Где все, казалось, было на фанере,
Кто не впивал с восторгом в детском зоре
Цвета афиш на сгорбленном заборе;*

*Кто не сжимал в своей руке пятак
У входа в цирк среди записных зевак,
Кто не бежал за бочкой водовоза,
С румяных щек стирая наспех слезы;*

*Кто не смотрел на пламя фонарей,
Как на глаза неведомых зверей;*

*Кто по ночам не вздрагивал во сне
И кто лица не поднимал к луне,
Кто не бродил за городской чертой,
Пронизанный несбыточной мечтой.*

Ивнев Р. Провинциальный городок

Жизнь ученого в российской провинции... Кто они, эти ученые – подвижники? чудаки? простые труженики? Как они вообще там рождаются, в провинции? Ученые ли они на фоне тех, чьи имена звучат непременно с эпитетами «фундамент науки», «основатель направления» и пр.?

Александр Александрович Гайворовский был одним из тех многих и многих ученых-психологов, чье имя совершенно незнакомо практически всем современным психологам, да и историки психологии также почти не слышали о нем.

В исторической литературе живые человеческие судьбы часто приносятся в жертву истории, и авторы широкими мазками, смело и решительно «пишут»

историю с большой буквы. Наша задача скромнее, нас интересуют лица, а история обязательно будет присутствовать, ведь на ее фоне разворачивалась жизнь. По мнению Г.О. Винокура «личная жизнь в истории есть история личной жизни... история есть тот контекст, то динамическое целое, в котором как целое же личная жизнь становится. И если мы хотим уразуметь личную жизнь как действительно осмысленное целое, то мы не удовольствуемся уже, разумеется, изучением одной только внешней смены состояний и представлений этого целого, но будем стремиться разглядеть само целое как то внутреннее, которое скрывается за каждым из этих состояний и проявлений как за своим внешним знаком» [7, с. 23].

Попробуем рассмотреть большую историю через судьбу отдельного, частного человека – не вождя, военачальника, философа или известного ученого, а одинокого, незаметного «винтика». Такие люди историю не делали, они были в ней. Они явились случайными, ненамеренными свидетелями того времени, поэтому сохранившиеся свидетельства их жизни потрясают правдивостью. Трудность своей жизни главных героев была разделена с сотнями подобных – малоизвестных ученых, живших в провинции...

Александр Александрович Гайворовский (1899-1963) [18] принадлежал к поколению советских психологов, чья профессиональная жизнь началась в советское время, но детство, юность, учеба в гимназии пришлось на дореволюционное время, и таких в истории психологии – множество: П.К. Анохин (1898-1974), В.А. Артемов (1897-1982), С.Н. Беляева-Экземплярская (1895-1973), Н.А. Бернштейн (1896-1966), Е.С. Браиловский (1898-1948), Л.С. Выготский (1896-1934), С.Г. Геллерштейн (1896-1967), К.М. Дубровский (1900-1972), Л.В. Занков (1901-1977), Б.В. Зейгарник (1900-1988), П.И. Зинченко (1903-1969), А.Г. Иванов-Смоленский (1895-1982), В.М. Коган (1903-1985), Г.С. Костюк (1899-1982), Ю.В. Котелова (1903-1980), А.Н. Леонтьев (1903-1979), А.Р. Лурия (1902-1977), А.А. Люблинская (1903-1983), В.С. Мерлин (1898-1982), М.С. Певзнер (1901-1989), А.Ц. Пуни (1898-1985), Д.И. Рейтынбарг (1899-1977), Л.С. Сахаров (1900-1928), М.Ю. Сыркин (1900-1942), Б.М. Теплов (1896-1965), В.В. Чебышева (1903-1991), В.М. Экземплярский (1899-1957), Д.Б. Эльконин (1904-1984), П.М. Якобсон (1902-1979), А.В. Ярмоленко (1900-1972) и др. Это поколение тех, кто своим рождением знаменовали окончание одного столетия и начало нового... Те, кому выпало родиться на самом переломе столетий, чье детство и ранняя юность были так стабильны и понятны (как это и должно быть у каждого нормального человека), а поздняя юность и молодость пришлась на время, разом опрокинувшее тот крепкий фундамент будущего, заложенное в детстве.

Для этого исследования много документов было любезно предоставлено дочерью Александра Александровича Гайворовского – Галиной Александровной Петербургской (1937-2009), жившей в г. Самаре и бережно хранившей семейный архив; часть данных найдены в Центральном архиве Самарской области благодаря деятельному участию сотрудницы архива Виктории Владиславовны Шестериковой, в Музее истории Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) – благодаря Надежде Ивановне Павловой; также помогали сотрудники Национального архива Республики Беларусь, директор Музея истории Белорусского государственного университета Эмма Леонидовна Малиновская. Печатные источники помогли найти сотрудники Нижегородской Государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина Екатерина Владимировна Боброва и Елена Андреевна Ефремова.

*В моей душе
Царят два мира,
Два океана вековых.
В одном безбрежны желанья
С тревогой творчества слились;
Его удел – одни исканья,
Лететь вперед его удел...
Другой же мир
Красой нетленной
В себе самом себя
хранит
И зачарованный
звездами
Всегда недвижим
и молчит.*

Гайворовский А.А. Два мира

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Александр Александрович Гайворовский родился 16 октября 1899 г., уместно сказать часто употребляемую сейчас фразу – «на сломе эпох». То время действительно было началом длительного и непростого этапа в жизни всей страны, когда человеческие судьбы беспощадно ломались или развивались по какой-то причудливо начерченной траектории, далеко отходя от точки

своего начала. Само время рождения уготовило Александру Александровичу непростую судьбу.

Всю сознательную жизнь он писал в анкетах, что по социальному положению он – из семьи служащих, и за этим лукавой строкой скрывал то, что в новое, советское время знать всем было не нужно. Его отец, Александр Владимирович Гайворовский (1865-1944), уроженец г. Курска, титулярный советник, землемерный чиновник 2-го разряда, работал землемером в имении графа Орлова-Давыдова (сейчас – с. Усолье Шигонского района Самарской области), после революции перешел к педагогической деятельности, преподавал физику в школе № 5 г. Самары, а позже и в педагогическом институте. Ряд лет он работал в рядах Красной Армии. Мать Александра Александровича – Мария Николаевна, урожденная Кандалинская, дочь главного казначея Самарского банка Николая Николаевича Кандалинского.

В семье дочери А.А. Гайворовского – Галины Александровны Петербургской – не осталось никаких официальных документов об этой семейной ветви, и сама Мария Николаевна ничего не рассказывала внучке о своей семье, но по записям в ее записной книжке¹ мы можем попробовать представить эту женщину. Встречаются отметки о посещении театра, например, «“Доходное место” видели я и Валенька 16 сентября 1911 г.», «Концерт Севостьянова не очень хороший», список театральные постановки, которые либо следует посмотреть, либо уже видела, ведь губернский город Самара был культурным городом, и артисты часто бывали с гастролями; есть записи о посещении концертов «всемирного скрипача» Бронислава Губермана («Слушали 2 раза. Чудно!!! Восхитительно!»), сестер Петровой и Звонцевой – скрипачки и виолончелистки, певиц Надежды Плевицкой, Анастасии Вяльцевой, и, конечно же, ее любимого певца – Леонида Собинова, чье имя встречается несколько раз. В этой же записной книжке дореволюционными записями датируется пометки о приеме в прислуги в разное время Авдотьи, Дуняши, Федоски. Семья жила не богато, и Мария Николаевна тщательно записывала все хозяйственные траты, вплоть до копеек.

Сам Александр Александрович, в силу каких-то неизвестных нам семейных обстоятельств, учился в Самарском, а потом в Симбирском реальном училище, которое окончил в 1917 г.

Что такое было – реальное училище? Как мы знаем, в российской империи не было единой средней школы, образование было разноуровневым и разнословным. Выпускники реальных училищ в правление министра просвещения графа И.Д. Делянова (1882-1897) были приравнены к

¹ Из домашнего архива Г.А. Петербургской

выпускникам классических гимназий; по мнению историка С. Рождественского, «с одной стороны осознана была необходимость сгладить крайности предметов; с другой стороны, реальные училища в значительной степени утратили характер профессиональных училищ» [32, с. 646]. К началу XX века выпускников реальных училищ стали принимать на физико-математические и медицинские факультеты университетов.

Когда говорят об ученике, в первую очередь начинают с его успеваемости. Не сохранилось никаких ведомостей, табелей и выпускных аттестатов юного Гайворовского, но мы попробуем разобраться в этом вопросе, основываясь на одном документе, дожившем до наших дней – записной книжке для учащегося², начатой им в 1910/1911 учебном году, далее продолжаемой весьма нерегулярно и неровно до окончания училища. Здесь чистые листы для записей чередуются со справочными сведениями, весьма полезными для учащегося: меры длины и объема, географические и исторические данные, дни религиозных праздников для различных конфессий и пр. И на страницах «Разовые отметки за I, II четверть года» мы видим написанные карандашные пометки напротив школьных предметов. Учитывая характерную черту Александра Александровича – аккуратность и педантичность, можно предположить, что он, будучи учеником, добросовестно заполнял и эти страницы записной книжки. получается, что он не был «отличником» или «хорошистом», оценки по многим дисциплинам балансировали у него на грани «3» и «4», только, пожалуй, история, география, геометрия, немецкий язык заслуживали его большего внимания. Адреса друзей чередуются с различными списками. Например, список, написанный еще детской рукой: «Социализм. Анархизм. Индивидуализм. Коммунизм. Монархизм» (так подростки отмечают мало знакомые слова, чтобы узнать их содержание), или перечень коллекции птичьих яиц (26 шт.). Также есть несколько юношеских стихотворных строф («Отойди, отойди, // не смотри на меня // ты так гневно. // Не боюсь я тебя // и твой выдержу взгляд. // Жизнь, не злись на меня, // не боюсь я тебя. // И твой выдержу // смело я натиск») и пометки, свидетельствующие об увлечении Гайворовского шахматами.

Интересен список, озаглавленный автором «Что надо прочесть и проштудировать», где стоят имена популярных в то время авторов – философов, ученых, писателей, одним словом, круг чтения, который мы даем целиком:

Л. Фейербах. Сущность христианства

М. Мюллер. Шри Рамакришна

² Из домашнего архива Г.А. Петербургской

- А. Шопенгауэр. Афоризмы и максимы*
Радлов. Словарь философских терминов
Карпенгер. Современная наука + Наука будущего
А. Риль. Введение в современную философию
В. Соловьев. Три разговора
Сикорский. Борьба с самоубийствами. Психология и физиология...
Форель. Половой вопрос
Толстой. Исповедь
Николаев. Духовный монизм
Челпанов. Психология
Достоевский. Критика «Униженных и оскорбленных»
Мечников. 40 лет в поисках мировоззрения
Л.С. Франк. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию
Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство. Теория исторического процесса
Ван-Кан. Экономические факторы преступности
Лосский. Материя в системе органического мировоззрения
Иванов Вяч. Родное и вселенское
Лосский. Мир как органическое целое. Интуитивная философия Бергсона
Ралькенбург. История философии
Виндельбанд. История философии
Ренан. Жизнь Иисуса
Вебер. История философии
Введенский. Логика
Штраус. Жизнь Иисуса
Шлеермахер. Речи о религии
Спиноза. Богословско-политический трактат. Переписка Спинозы
Вагнер. Биологические основания сравнительной психологии
Кожевников. Буддизм в сравнении с христианством
Морозов. Толкование апокалипсиса
Мопассан История одной женщины
Фон Поленц. Крестьянин
Котляревский. Мировая скорбь
Овсянко-Куликовский. История русской интеллигенции
Плеханов. История русской общественной мысли
Лемке. История русской цензуры
Конст. Эрберг. Цель творчества
Бердяев. Смысл творчества

Сперанский. Общественная роль философии

Карл Каутский. Античный мир, иудейство и христианство

Г. Чулков. Анархические идеи в драмах Ибсена.

Среди художественной литературы, чей длинный многостраничный список озаглавлен как «Интересные книги», находим Байрона, Герберта Уэллса, Мясницкого, Тургенева, Луи Буссенара, Ж.Верна, А. Дюма, Чехова, графа Салиаса, Гончарова, Немировича-Данченко, Ж. Санд, Конан Дойля, В. Скотта, Г. Сенкевича, Л.Н. Толстого, Данилевского, Диккенса, Брешко-Брешковскую, В. Гюго и много-много других авторов, как очень модных и популярных в то время, так и уже ставших классиками. Надо отметить, особое отношение к книгам у людей того времени: это был взгляд снизу вверх, ощущение необходимости книги, и была полная свобода суждения.

Друзья Гайворовского – юноши и девушки, ищущие в книгах ответа на жизненные – организуют кружок, где читают и изучают философскую литературу. Сохранилась фотография, где изображены сидящие вокруг маленького столика семь молодых людей, среди которых две девушки. На столике лежат толстые книги, некоторые – открытые, свешивается афиша, где с трудом можно разобрать, что объявление связано с именем Толстого. На заднем плане виден плакат-схема учения Спинозы. На обороте рукой Александра Александровича записаны фамилии сидящих: А.М. Гриневич, А. Шеловителев, П. Поддеревянский, С. Эйлер, А. Барткус, З. Жако, А. Гаворовский. И дата – 1917/18 год. Фотография, безусловно, постановочная, но серьезность интеллектуальных намерений присутствующих очевидна.

Вероятно, общение с друзьями юности дало очень много Александру Александровичу в духовном плане, так как позже в своем сборнике «Зачарованные тропинки» [11] он напечатает стихотворение «Симбирцам» с посвящением А. Гриневичу, А. Барткусу, Т. Казанкову. Конечно, строфы несовершенно, но искренни:

*Вы мой исток
В моих исканьях,
Вы светлый край
души больной,
Я в вас нашел
родник нетленный
С живою чуткою
мечтой.
Я вас люблю
всей силой духа*

*Стремлений к счастью
и красоте,
Я вас люблю
В улыбке детской,
В великой замкнутой мечте.*

В 1917 г. Александр Александрович окончил Симбирское частное реальное училище Н.В. Скороходова³ и переехал в Самару. Нам неизвестно, что делал Гайворовский целый год до поступления в Самарский университет, но прочитанные и «проштудированные» книги не прошли даром, и в кампании со своими новыми друзьями он в 1918 г. организует философский кружок, вероятно, подобный тому, какой уже был в Симбирске.

Сохранилось три удивительных свидетельства интеллектуальной деятельности этой небольшой группы влюбленных в литературу и философию людей. Первое – типографская листовка с объявлением:

В г. Самара организовался религиозно-философский кружок. Интересующихся вопросами философии, психологии, этики, эстетики и религии приглашаем записываться в кружок. Запись производится: Алексеевская ул. меж Садовой и Самарской, дом № 63, кв. 4 у А.А. Гайворовского, от 5 до 7 часов вечера⁴.

Второе – афиша, напечатанная также в городской типографии «Печать»:
В единении сила!

Дом Юношества

Общество Потребителей «Самопомощь»

В четверг 17 октября 1918 года А.А. Гайворовский, председатель философского кружка, прочтет лекцию на тему: «Мировая скорбь». Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского.

1. Проблемы пессимизма в его творчестве. 2. Карамазовщина. 3. Униженные и оскорбленные. 4. Так что же делать?

Начало ровно в 5 ½ часов. Вход бесплатный⁵.

Незадолго до собраний этого кружка, видимо в ответ на письмо с проектом его создания, близкий друг Андрей Гриневиц, приветствует саму идею, замысел восторженным и радостным письмом:

26/IV-1918 г.

Сейчас получил твое письмо, Шура, и от души порадовался. Только путем устройства подобного рода кружков и должно распространяться

³ В домашнем архиве хранился Билет ученика V класса Симбирского частного реального училища Н.В. Скороходова с перечнем обязательных правил для учащихся, регламентирующих их жизнь.

⁴ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

⁵ Там же.

просвещение. Это единственная возможная форма передачи знания. Школа, гимназии и университеты – «атавизм». Самое главное – свобода, полная свобода в обмене мнений.

Из таких кружков впоследствии должны возникнуть общества, т.е. союзы лиц, связанных одним интересом, но лишь более осведомленных в том или ином роде знания.

Деятельность этих обществ и их взаимоотношение определяться жизнью. Главное – никаких схем, никаких заранее выработанных «программ» и планов, одно только нужно: подлинный интерес к делу и свобода.

Форма допуска должна быть эластичной и ее укажет успех.

Главное, чтобы знающие сочувствовали ищущим и добровольно, из любви к предмету делились своим знанием. И чтобы, ни в каком случае, не считали себя непогрешимыми.

Ведь надо же, наконец, согласиться, что продажа знаний такая же проституция, как купля и продажа труда или тела. И давно пора перестать проституировать себя людям науки.

(слово неразборчиво – примечание Н. Стоюхина) только благодаря тому, что «наука» уединилась, отошла от жизни, замкнулась в жреческих капищах, называемых «университетами», и стала предметом торговли, - она и уклонилась от своего настоящего пути. Сколько у нас «научных» предрассудков, самых диких суеверий, созданных такой уединившейся наукой, учеными книгоедами, забывшими общение с людьми, так наз. «профанами» и даже разучившимися говорить на человеческом языке!

Уничтожая проституцию науки, мы более всего содействуем распространению и развитию знания.

Сколько гнусного хлама в науке и только оттого, что ей обучали в «научных» домах терпимости!

Пока на основании всех этих соображений я и приветствую бескорыстное выступление в вашем кружке представителей официальной науки. Такое выступление будет полезно не только для «неофитов», но и для самих «посвященных», особенно для «любителей» философии.

Ведь особенно стыдно торговать тем, что претендует на звание истинной мудрости и приписывать какое-то значение званию «доктора» философии. Последнее не столько глупо, сколько смешно...

А. Гриневич⁶

Очевидно, что образованная молодежь, вышедшая из обедневших дворян, мещан, разночинцев с радостью принимала все новое, что несло ей время.

⁶ Там же.

Не исключением стали и формы образования. Какая притягательная мысль – образование для всех! Образование – везде! Казались устаревшими и изжившими себя классические формы образования и науки, свобода и молодость опьяняла их... Научные кружки появились в России в конце XIX в., но стали популярными в начале XX в. Их появление отчасти было связано со стремлением молодежи к самообразованию, не сдерживаемому рамками учебных программ, разочарованием в существующей педагогической системе, что часто обсуждалось на страницах печати. Один из студентов, ушедший из университета по своему желанию, писал: «Подвергнувшись в университете сильной муштровке воли и ума, студент теряет (за редким исключением) всякую тень независимости и внутренней свободы, и покорно бредет по проторенной уже тысячами его предшественников дорожке» [4, с. 3]. Ни средняя школа, ни высшая не могут дать человеку того знания, которые «могут содействовать человеку в выполнении назначения его жизни» [там же, с. 5]. Чтобы обрести то свое, отвечающее личным духовным интересам, не сдерживаемое ограничительными рамками, студенчество стало организовываться в научные общества и кружки с целью сотрудничества для самообразования. «В каждом из этих кружков по своему выбору и очереди могут работать каждый учащийся. Программа, план и прохождение курса устанавливаются и ведутся самим кружком, свободно располагающим представленными ему ...научными силами... Становится всем понятно, что современная школа может дать только диплом, или «право на труд, а знания нужно приобретать самому» [26].

Александр Александрович был прирожденный гуманитарий, тяга к философской, исторической, психологической литературе, желание осмыслить прочитанное привело его к попыткам писательства, которые воплотились в рукописном сборнике «Нить за нитью (эскизы, наброски и афоризмы) 1918-1919 гг.»⁷. Эта тетрадь из 20 страниц в линейку (размером примерно А4) плотно заполнена самым разным материалом: притчи, афоризмы, свои мысли, стихи, по-юношески возвышенные, порой наполненные пессимизмом. Темы, которые так волнуют молодого человека, разнообразны: роль бессознательного в творчестве человека, проблема поиска смысла жизни, роль личности в истории, стремление к творчеству. Стиль Александра Александровича небезупречен и по-юношески демонстративен: фразы перегружены причастными оборотами, тяжеловесны, много «красивостей», кажется, что автор строк надеется оставить эти страницы потомкам, поэтому необходимо «произвести впечатление». Но не стоит забывать, что автору в ту пору 19-20 лет.

⁷ Там же.

Некоторые отрывки – прямые свидетельства переживаемого времени:

Настроение

Угар, придавленность и тупость. В крови задыхающиеся горизонты, костлявая рука, собирающая какую-то необычную жертву. Новый храм с его новым кумиром Рабом и алтарями из его белых костей, с его великой жертвой – целым народом, с его великим праздником кошмара с оргией. С его новым светом – огнем пожаров. С его новым царем – Фанатизмом. Новое царство! Новые зори!

Что наиболее ценно в человеческой жизни – ум или сердце, материя или дух? К наибольшему развитию какой из этих сторон должна стремиться личность? Безусловно, только к гармоническому их развитию. Мы видим, в переживаемую нами эпоху социалисты пытаются устроить гармоническое общество на принципе развития ума и материи. «Физически и умственно воспитывать» - вот их лозунг. Но мы видим, и возможно, что в жизни нам еще не раз придется видеть, что такое одностороннее понимание задач воспитания общества приводит лишь к самым отрицательным результатам. Если взять аскетов или мистиков, то тут опять основное внимание в воспитании личности и общества видят лишь исключительно в воспитании сердца и духа. Односторонность такого воспитания также скоро дает себя чувствовать. Так что можно было бы с полной уверенностью сказать, что только гармоническое развитие всех этих четырех начал, из которых складывается как личность, так и совокупность личностей – общество, может привести к созданию нравственно ценной и органически целой личности и общества, не подверженного никаким сплинам, нравственным сифилисам, бездейственности и тупости.

Двадцатилетний юноша явно был знаком с самыми разными работами по психологии:

Ребенок с задатками творца даже при срисовывании картинок, сам того не замечая, бессознательно отбирает то, что согласуется с его бессознательным еще представлением о красоте и значимости и с глубочайшими индивидуально-личными наклонностями, симпатиями и запросами своего художественного чутья, такта и стиля.

Всякая работа может быть или бессознательной, или сознательной. В первом случае это работа или механическая, или творческая, хотя это полюсы бессознательной работы, но реально имеют свои истоки в

бессознательном. Хотя первое – это действие различных моторных центров, а второе – разная проявляемость истоков и глубин индивидуальных глубочайших сил Духа Личности.

И, конечно же, Гайворовский пишет о Достоевском. Пишет с возвышенным восторгом влюбленного читателя, до мельчайших подробностей знающий любимое произведение. Он сравнивает двух величайших русских писателей – Достоевского и Гоголя, и творчество Федора Михайловича видится ему более оптимистичным:

Перечитывал «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского и еще раз переживая все те муки искания и страдания отчаяния, которыми заполнена эта очаровательная книга. И невольно как то пришел мне на мысль Н.В. Гоголь. Какая чудовищная разница между ним и Достоевским! Первый показал человека с его одежды, с его поступков, грязных, мелочных и эгоистичных. Он показал «тело» человека и не мог показать ничего другого. Совершенно противоположное рисует Ф.М. Достоевский. Он показывает пораженному читателю все бездны, какие только таит в себе душа человеческая, все тончайшие струны этой души он заставляет прожить и доходит до такой наглядности в изображении реальности переживаемых его героями душевных процессов, что среди окружающих тебя людей начинаешь видеть и чувствовать происхождение и ход подобных же процессов, и только один Достоевский смог показать глубину и трагизм этой глубины человеческой жизни. У Гоголя мы готовы были смяться и плакать над его Пульхерией Ивановной, и Шпонькой, и Маниловым, и Собакевичем и т.под., но при этом невольно как-то просилось наружу какое-то неопределенно давящее душу чувство – чувство ничтожности человеческой жизни, ничтожности и грязно-самодовольности его существования. Только в природе – красота, а люди – это что-то настолько ничтожное и грязное, что лучше скорей позабыть их и уйти от них подальше, чтобы не видеть, как Пульхерия Ивановна варит варенье, Манилов любезничает с женой, и Собакевич кушает осетра. Такое настроение охватывает, по крайней мере, меня, после прочтения какого-либо из произведений Гоголя. Делается и в собственных глазах и своя жизнь похожей на жизнь какого-либо типа из гоголевских героев. Страшно! Ужас охватывает меня при мысли – а что, если бы теперь нашелся талант, равный Гоголю, и снова описал бы нам жизнь с той же стороны, что и Гоголь... Я думаю, что он отравил бы жизнь всем, прочитавшим его произведения. Гоголь – это не только пессимист, но и оптимист: он не только не признает нашей жизни за самой худшей, но, что еще ужаснее, он признает природу, он любит природу, пока ее не коснулась самодовольная рука человеческая.

Он кладет такие мазки в своих изображениях природы, что невольно напрашиваются такие слова: «И зачем это на земле появились люди? Ведь гармония есть и была полная до появления человека. Посмотрите, как он загаживает все то, к чему бы ни прикоснулся!» Его пессимизм в том, что, признав мир за совершенный, дав природе красоту, изящность, глубину, чуткость и истинность, и даже мудрость, он на долю человеческой личности оставил лишь уродство, грязь, безобразность, сатиричность, тупость, лживость и мелкость и все в этом же духе... Человек – вошь. Вот вывод из его анализа человеческой личности. Совершенно с другой точки зрения подходит к человеку Ф.М. Достоевский. Он рисует человека с пропастями и началом бесконечного в душе своей, духом, входящим в соприкосновение с мирами потусторонними. Человек – это титан, это циклоп. Все он может выполнить и в этом он равен Богу, но сила его все же меньше Божеской, и он хоть и может все выполнить, но выдержать долго всего, выполненного им, не в состоянии (Раскольников, Ставрогин, Свидригайлов, Смердяков). Человек – богоборец по самой природе своей, но слабый, могущий хоть собственной силой уничтожить Бога своего, но не могущий обходиться без идола и поэтому снова воскрешающий Бога своего.

УНИВЕРСИТЕТ

К началу XX в. Самара стала культурным городом – есть театр, краеведческий музей, книжные лавки, значительный слой интеллигенции, техническое железнодорожное училище, ремесленное училище, учительская семинария, земская школа сельских учительниц, частные мужские и женские пансионы, 3 гимназии, духовная семинария. Из высших учебных заведений был только земский женский педагогический институт, открытый в 1911 г. и через два года преобразованный в Высший женский педагогический институт. В начале Первой мировой войны из Вильно в Самару эвакуируется учительский институт, эти два заведения объединяют, и власти города 21 августа 1917 г. учреждают педагогический институт, куда принимают девушек и юношей. На первый курс было принято 290 студентов [43]. Преподавательских кадров не хватало, их приглашают из других городов. Открытие в Самаре педагогического института имело большое значение, поскольку целью его было «давать слушателям высшее и общее педагогическое образование». В институте намеревались готовить школьных работников, а также специалистов по дошкольному и внешкольному образованию. Предполагалось, что окончившие институт получат дипломы, «дающие те же права, что и

дипломы об окончании университетского курса, и сверх того звание учителей и учительниц средних учебных заведений» [там же].

В трагические дни и месяцы Гражданской войны в Самаре, как и во многих городах Российского государства, власть в городе менялась не раз, но общественность настояла на преобразовании педагогического института «в Самарский университет, со всеми правами и преимуществами, Российским университетам присвоенными, ... и с представлением новому университету права открывать, по мере возможности, такие факультеты и отделения, какие будут вызываться необходимостями местной жизни» [там же]. Первым ректором нового университета был профессор А.П. Нечаев [33] (август 1918 г. – февраль 1919 г.). Вторично он был выдвинут на должность ректора в марте 1920 г. и занимал ее до марта 1921 г. С 10 по 15 сентября 1920 г. в Самаре под его председательством проходил первый научный съезд в России. На нем он сделал доклады: «Психологические основы обучения чтению», «Психология и медицина», «Психолого-этнографическое исследование Самарского края». В Самаре он редактировал сборники «Вопросы современной психологии» и «Новости экспериментальной педагогики» [43].

Еще одним самарским ректором, имеющим отношение к психологии и философии, был профессор В. И. Ивановский (1867-1939), возглавлявший университет с февраля 1919 г. по март 1920 г. (ранее он работал в Казанском и Московском университетах, позднее переехал в Минск, потом – в Ленинград), и с ним Александр Александрович еще встретится.

К 1 января 1918 г. в университете обучались 783 студента; в 1919 г. – уже 2009, в 1921 г. – 2626. В учебном процессе были заняты 61 профессор, 110 преподавателей, 100 научных сотрудников, 45 ассистентов. Работали также научно-исследовательские институты, среди которых – институт дошкольного воспитания, а среди научных обществ было популярно научное общество экспериментальной педагогики.

В 1918 г. Гайворовский поступил в Самарский университет на историческое отделение историко-филологического факультета, который позже преобразовали в социально-исторический факультет; тогда Александр Александрович перешел на педагогическое отделение. За время обучения он слушал следующие курсы, сдав по ним потом зачеты: психологию (общий курс), логику, введение в философию, историю Древней философии, историю новой философии, анатомию и физиологию человека, школьную гигиену, немецкий язык, латинский язык, философию и методологию истории, психологию дошкольного возраста, историю психологии, введение в биологию, историю педагогических учений, историю эстетических учений,

педагогическую психологию, психопатологию, историю новейшей философии, помимо того работал в семинариях и просеминариях: история этических учений, история религий, история новейшей философии, логике, современные направления в психологии. А.А. Гайворовским представлено проф. А.В. Смирнову зачетное сочинение, которое признано удовлетворительным на тему: «Этика Ф.М. Достоевского в свете органической метафизики интуитивизма»⁸. Окончил университет 23 декабря 1921 г. в числе студентов первого выпуска.

Еще во время учебы в университете на Александра Александровича обращает внимание один из его преподавателей, читавший дисциплины психолого-педагогического цикла, как раз то, что так привлекало Гайворовского, – Серафим Михайлович Василейский. Он тоже достаточно молод – старше всего на 11 лет, но уже профессор [41, 42]. Василейский – уроженец Самарской губернии, из семьи священнослужителя, окончил Петербургский Психоневрологический институт и историко-филологический факультет Петербургского университета.

После октября 1917 г., спасаясь от голода, разрухи, хаоса, охвативших столицу, Серафим Михайлович приехал в Самару, и, работая в Самарском институте народного образования, с 1919 г. стал занимать должность доцента психологии и педагогики, а позже возглавил кафедру психологии и педагогики, был председателем школьно-психологического отделения педагогического факультета, заведовал психологической лабораторией, где вел занятия по экспериментальной психологии.

Появление хорошо образованных молодых преподавателей было тогда массовым явлением. К сожалению, историками образования еще не осмыслено это явление – интеллектуальной миграции. Только, пожалуй, А.Н. Еремеева дает обзор перемещений ученых в период 1914 г. – начало 1920 г., выделяя три волны движений: 1914-1917 гг., 1917-1920 гг., начало 1920 г. [15]. В качестве мест, где оседали интеллектуалы, убежавшие от голода и большевиков из столиц, она называет Киев, Одессу, Харьков, Екатеринодар, Ростов-на-Дону, Новороссийск, Симферополь, Тифлис, Омск, Томск, Екатеринбург, Пермь. Революция, повлекшая за собой сразу же слом во всех жизненных отраслях, заставила научные кадры (в первую очередь, молодые) переместиться из Петрограда и Москвы в поисках работы и заработка, а открываемые университеты и институты в провинции давали такую возможность, так как научных кадров на местах не было, например, в Нижегородский университет приехали молодые А.Ф. Лосев, П.В. Попов, Н.В. Петровский – ученики

⁸ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

Г.И. Челпанова [37, 38]. Именно от них тогдашние студенты наследовали традиции российского образования, основанного на научных знаниях, не испорченных еще классовым подходом. Пройдет меньше десяти лет, и студенчество будет приходить из школ второй ступени с плохой подготовкой для учебы в вузе, и этот недостаток невозможно будет восполнить в университете или институте. Каким противопоставлением облику студента Гайворовского (заметим, типичному для того времени) звучит описание студента конца 1920-х гг.: «Целый мир образов, переживаний, представлений, способных обогатить мысли и чувство, для молодежи остается неведомым. А естественная жажда художественного слова удовлетворяется из второстепенных, а иногда и просто мутных источников современного книжного рынка. Клода Фаррера зачитывают до дыр, а имя Эдгара По звучит, как нечто совершенно неизвестное... никто не заглядывает в Стендаля. Старая литературная критика – Белинский, Добролюбов, Писарев, публицистика Герцена и Михайловского редко доходит до студента ближе, чем в беглом, суммарном перечне вводной главы какого-нибудь учебника по истории революционного движения. ...Мировая история начинается с октября 1917 г. Что было раньше, – это либо репетиции Октября, либо беспросветные эпохи диктатуры имущих классов, ни в каком отношении не интересные» [17, с. 227]. Да и профессорство сменится: понятие «чистая наука» будет братья в кавычки, от науки будет требоваться, в первую очередь, чтобы она служила практике, а профессура наполнится «пришельцами из той среды, которая, по необходимости, вооружает своих членов винтовкой, рейсфедером или книжной премудростью» [там же, с. 230]. Но в 1918 г. власть еще не направила свой острый взгляд на преподавателей, разграничивая их по происхождению, по партийности, еще не началась кампания о внедрении беспощадной самокритики и вовлечении в нее широких масс студенчества, поэтому преподаватели могли заниматься своим делом – передавать знания.

О студенческом периоде Гайворовского сохранилась копия диплома и отзыв профессора С.М. Василейского с характеристикой студента, делающего первые шаги в науке:

Среди массы студентов, которую я знал, Гайворовский вместе с немногими другими студентами выделялся по своему напряженному интересу к проблемам философии, психологии и педагогики, по своей даровитости и усердию в занятиях по указанным дисциплинам. В просеминариях и семинариях был одним из самых активных участников; его доклады были всегда

*содержательны и оригинальны. Зачеты по психолого-педагогическим дисциплинам у него проходили весьма успешно*⁹.

Друзья у Александра Александровича были всегда, и дружили они подолгу, годами. Их лица попали на фотографию в августе 1917 г., (неизвестный, И. Кеслер, Я. Белоцерковский, Н. Кебеке, А. Гайворовский, А. Соболев, А. Ваганов), но вызывает особый интерес надпись на обороте, сделанная рукой Гайворовского:

1919 г. И. Кеслер в бел. армии у Колчака

А. Ваганов – анархист

Я. Белоцерковский – коммунист,

А. Гайворовский в Ставрополе зав. музейной секцией

1920 г. И. Кеслер возвратился в Самару, служит в культпросв. Ждороги

А. Ваганов – коммунист телеграфа

Я. Белоцерковский в военном ведомстве инспектором (коммунист)

А. Гайворовский учится в Университете

1921-1922 гг. И. Кеслер учится на мед. факультете в Университете

А. Ваганов ушел из коммунистов, учится в Петроградск. Политехникуме

Я. Белоцерковский (ушел из коммунистов) спекулирует

А. Гайворовский кончил Сам. Университет, работает ассистентом при кафедре психологии и педагогике

1923 г. то же самое

*К. Кебеке за все эти годы служил то бухгалтером, то счетоводом то на ЖДороге, то в других учреждениях*¹⁰

Интересно, что люди еще вольны были менять свои политические убеждения, не сильно скрывая этого. Своим друзьям Гайворовский посвятил стихотворение «Семерке», где рисует маршруты юношеских «странствий» в окрестностях родного города и напоминает своим товарищам о давних мечтах:

Друзья, оглянемся назад.

Все помнят Волгу и Самару –

Как все это смешно...

И близко, и родно...

Вот Ставрополь, вот бор,

Что около него чернеет,

Вот Волги светлое пятно...

Вот Колтубанка, лес дремучий,

Пески сыпучие кругом...

⁹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 1497. Л. 5.

¹⁰ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

*И жизнь поставлена над кручей.
И снова поворот и риск...
Вот Ленинград, Кавказ и Минск,
А вот Сибирь, сокрыта дымкой
И словно шапкой-невидимкой
покрыто каждого чело.
Как это было все недавно...
и давно...*

Тогда же, во время учебы в университете, Александр Александрович женился. Его избранницей стала Ольга Викторовна Плотникова, Лёля, родом из Уфы, с которой они вместе работали в культпросветотделе. Из-за последствий пережитой болезни, она всю свою жизнь проходила на костылях, что, впрочем, не мешало ей быть очень активной, получить высшее образование (она была физиологом), много ездить по стране, всегда работать. И, несмотря на то, что позже они с Александром Александровичем развелись, и у него были другие браки, все годы они сохраняли тесное, живое общение¹¹, а ближе к концу жизни опять стали жить вместе.

Но это все будет потом, а пока Гайворовский – студент, успешно закончивший курс университета, которого по предложению профессора С.М. Василейского оставляют при Самарском университете ассистентом по кафедре психологии и педагогики. И опять Василейский пишет:

За время своего ассистирования А.А. Гайворовский проштудировал целый ряд фундаментальных трудов по психологии и педагогике и умело помогал мне при постановке психологических и педагогических экспериментов. В частности, он особенно хорошо проводил практикум по умственной одаренности и проблеме упрямства и утомления¹².

Кроме работы на кафедре, Александр Александрович руководил переподготовкой учителей и работников детдомов для трудновоспитуемых детей Самарской губернии, вел с ними занятия по экспериментальной психологии и по психологии умственно-отсталых детей, а поступив на службу в Самарский губернский отдел народного образования, получил должность губинспектора. В поисках дополнительного продовольственного пайка он устроился на службу в ряды Красной Армии – Самара была центром Приволжского военного округа, и недостатка в воинских частях не было. С осени 1918 г. Гайворовский состоял на воинской службе в качестве инструктора школ политотдела Самарского Губвоенкомата, потом, с 1920 г.

¹¹ Из личной беседы с Г.А. Петербургской: у О.В. Плотниковой хранились чемоданы их переписки с А.А. Гайворовским, которые были утеряны после смерти самой О.В. Плотниковой.

¹² НАРБ. Ф.205. Оп. 3. Д. 1497. Л. 5

активно работал в частях РККА заведующим культотделом в бригаде войск ВОХР, лектором в пехотно-командирских курсах, на инженерных курсах, в политшколе политотдела дивизии, лектором дивизиона легкой артиллерии и дивизиона ВГПУ, инструктором школьно-курсового отдела Самарского Губвоенкомата, а также политического управления Приволжского военного округа, где дослужился до старшего инструктора¹³.

Именно здесь Гайворовский напечатал первую статью «Как читать лекции» в сборнике «Спутник политработника», издаваемого Политуправлением Приволжского военного округа там же вышло еще ряд мелких статей [28].

В 1923 г. учитель и старший коллега Гайворовского С.М. Василейский уехал работать в Витебский высший педагогический институт, перейдя затем в Белорусский государственный университет, а Александр Александрович в 1924 г. избирается сверхштатным ассистентом по кафедре психопатологии медицинского факультета Самарского государственного университета, руководимой с 1 января 1919 г. Ю.В. Португаловым (1876-1932?).

Юлий Вениаминович относился к той особой породе русской интеллигенции, которые, не ограничиваясь своей непосредственной профессиональной деятельностью, стремились проникнуть в другие профессиональные сферы, рождая от такого симбиоза знаний нечто новое и интересное. Это был увлеченный русской литературой врач-психиатр. В конце XIX-начале XX в. существовало целое направление в медицинской литературе – патография, или жизнеописание знаменитостей с точки зрения их болезней, мнимых, или настоящих. Блестящее общество врачей – П.И. Ковалевский, Н.Н. Баженов, В.Ф. Чиж, В.М. Бехтерев, Я.Ф. Каплан, Г.Я. Трошин, И.А. Сикорский, И.Д. Ермаков – исследовали душу и ставили диагноз своему времени, что также не чуждо задачам литературы. Ю.В. Португалов был одним из них – глубоко любивших и знавших литературу, мастерски анализировавших как произведения, так и душевные глубины их авторов.

Впервые широкому читателю он был представлен в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1903 г. [27], где выступал своеобразным арбитром двух точек зрения коллег на описанную Гоголем личность Плюшкина: В.Ф. Чиж говорил, что Плюшкин болен старческим слабоумием – иначе никак нельзя объяснить его страсть к скупости, а Я.Ф. Каплан настаивал на том, что Плюшкин – продукт нормальных старческих изменений. Ю.В. Португалов, находивший психиатрический анализ литературы преждевременным, предлагал сначала разработать специальный «психопатологический анализ в

¹³ Архив Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ).

литературной критике», привлекая психологов и социологов. Любая психологическая или психиатрическая интерпретация героев Гоголя может перечеркнуть их значение как социальных типов и будет противоречить и замыслу самого писателя, и сюжету произведения, - писал он.

Юрий Вениаминович был известен читающей публике своими работами литературно-критического содержания: «Чехов как психолог», «К психологии русских литературных течений 1860-1890 гг.», «Механизмы литературно-художественного творчества», а научному сообществу психиатров и психологов специальными трудами: «О психолого-антропологических исследованиях преступников», «Детская психология и антропология», «Вопросы психиатрии» и др. Имя Ю.В. Португалова встречается в работе Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», где ее автор критикует сторонников субъективного подхода – к ним он относит Г.И. Челпанова, С.В. Кравкова и Ю.В. Португалова.

Нет сведений, чем занимался А.А. Гайворовский, работая на кафедре психопатологии, но забегаая вперед, скажем, когда в 1929 г. Александр Александрович обратился к Португалову с просьбой об отзыве для очередного представления в кадровую службу, тот написал блестящий отзыв, которым можно гордиться:

А.А. Гайворовский известен мне в течение нескольких лет. В 1924 г. он приглашен был мною в качестве ассистента при психиатрической клинике, т.к. уже тогда обнаруживал сведения и опыт в экспериментальной психологии. Позднее А.А. Гайворовский быстро шел вперед, овладевая как теоретическими течениями, так и приобретая еще больший опыт в экспериментальной теории. Последние 3-4 года А.А. Гайворовский проявляет себя как самостоятельный научный деятель, разрабатывает тщательно, уверенно и с полным знанием дела новейшие психологические проблемы и заявляет себя как один из авторов новых методов, тестов, программ. В этом отношении особенно интересны его исследования по психологии политпросветработы, по психологии профконсультирования, профотбора и пр.

К настоящему времени А.А. Гайворовский представляет из себя хотя и молодого, но законченного специалиста по определенным отраслям психологии, которому можно поручить ведение кафедры при педвузе. Положительными чертами научной деятельности А.А. Гайворовского следует считать спокойную осторожность, чувство меры, несклонность благоговеть перед модными случайными направлениями, захватившими нестойких и пассивных научных работников, самостоятельность, редкую усидчивость и

трудоспособность и совершенно объективное беспристрастное отношение к борющимся лагерям в современной психологии. Необходимо подчеркнуть также бросающуюся в глаза привязанность к эксперименту в психологии, в чем он – согласно тому, как это видно по его последним трудам – быстро совершенствуется.

Ю. Португалов

28/VIII-1929¹⁴

МИНСК – КРАСНОДАР – РОСТОВ-НА-ДОНУ

В 1925 г. Самарский государственный университет реорганизовывают, и молодой ученый, боясь остаться и без средств, и без любимой работы, списывается с С.М. Василейским, успешно работающим в Белорусском государственном университете, с просьбой об устройстве на работу с переездом в Минск.

С точки зрения развития культуры Белорусская ССР к тому времени представляла собой живое, развивающееся пространство с процессами, сходными с теми, что происходили в СССР.

Литература Белоруссии в новый, «пролетарский период», преодолев идеологический кризис и разрешив национальный вопрос, оживилась [13, с. 223]. Целый ряд литературных журналов («Маладняк», «Росквіт»), объединений («Узвышша», «Польмя») и писателей (Купала, Колос, Гартный, Чарот, Зарецкий и др.) после творческих исканий заявили «о своем желании создавать пролетарскую литературу». Главные мотивы в современной литературе связаны с изображением классовой борьбы. «В лирике – радость классовой победы и национального освобождения, чувства борца, повстанца, комсомольца, призыв к освобождению Западной Белоруссии. В поэмах – картины пережитой борьбы, эпизоды борьбы в капиталистических государствах, потрясающие образы из жизни Западной Белоруссии. В повестях и рассказах – гражданская война, война с поляками, борьба с политическим бандитизмом, саботажем, контрабандою, религией и разными явлениями старого быта, в последнее время чаще встречаются рассказы о новом советском быте» [там же, с. 224].

В высшем образовании тоже был подъем. Как писал современник, «до расширения территории республики в Минске было два вуза, находившиеся в ведении белорусского Наркомпроса. В настоящее время, с присоединением Витебщины и Гомельской губернии все имеется: Белорусский

¹⁴ Из архива СГСПУ.

Государственный университет и Белорусский Государственный Сельско-Хозяйственный институт в Минске, Витебский ветеринарный институт, Горецкий Сельско-Хозяйственный институт. На территории в 99220 кв. верст и с населением 3859000 человек имеется 4 крупных вуза. В дореволюционное же время Белоруссия не имела ни одного вуза. Белорусский Государственный университет в Минске открыт в 1921 г. в составе 4 факультетов: 1) ФОН (отделения экономическое и правовое), 2) педфак (отделения историческое, этнолого-лингвистическое, естественное и физико-математическое). 2) медфак и 4) рабфак. Благодаря поддержке всех государственных организаций и учреждений Белорусский Государственный университет обзавелся лабораториями, кабинетами, клиниками, и сейчас на Советском Западе это – мощная “крепость знания”» [2].

У профессора кафедры психологии БГУ С.М. Василейского с учебной нагрузкой все было в порядке, но ему также обещали должность руководителя Центральной психотехнической лаборатории БССР, создаваемой при университете. Таким образом, в протокол № 3 заседания педагогическо-методологической комиссии от 9 апреля 1924 г. были записаны условия создания психотехнической лаборатории:

Слушали: доклад И.М. Соловьева о постановке преподавания психологии и педагогики на педфаке.

Постановили: Ввиду того, что кафедра психологии и кафедра педагогики должны выполнять ответственную задачу в связи с реорганизацией Педфака, а также ввиду незамедлительного перехода к экспериментальным методам, необходимости создания педагогического музея, организуется психотехническая лаборатория.

Комиссия находит необходимым ходатайствовать перед деканатом:

1. Об объединении вспомогательных учреждений, обслуживающих дисциплины психологии, педологии, экспериментальную педагогику, научную организацию труда; комнаты, кабинет, лаборатории, музей... и создать Психопедагогический институт.

2. О предоставлении названному институту на первое время не менее 3-х комнат с общей кубатурой 30 куб. сажень.

3. Об изыскании средств на организацию экспериментальных исследований и практических занятий для студентов, без каковых современная постановка преподавания наиболее видных для педагогических дисциплин явлений совершенно невозможна¹⁵.

¹⁵ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 793.

Василейский, предвидя большой объем работ создаваемой научно-практической структуры, был заинтересован в известных ему, надежных, творческих работниках, поэтому кандидатура Александра Александровича как одного из помощников, была весьма кстати. За строками сохранившегося письма Серафима Михайловича¹⁶, которое мы приводим полностью, стоит многое: глубокое уважение учителя к ученику, забота, желание помочь талантливому молодому человеку, сочувствие к коллеге, чей хлеб так же не сладок, как и твой, тревога, что дело может не получиться ввиду каких-то организационных проволочек, некоторая неловкость от того, что не все зависит от него, наконец – описание сложного процесса становления психотехники.

Дорогой Александр Александрович, простите, что отвечаю с запозданием. Дело в том, что, во-первых, дело с психотехнической лабораторией затормозилось, и ожидаемых денег (около 3-4 тысяч) мы не получили, так что я сначала даже был доволен, что писал Вам с большой осторожностью, отметивши, что гарантировать Вам места пока будет нельзя. Но после возвращения из командировки одного видного работника из Рабкрин т. Ракова (он – молодой человек, только что окончил здешний университет и попал ко мне во временные ассистенты по проведению так называемого профессионального практикума) – дело вновь довольно быстро двинулось вперед, и мы получили 1000 р. на проведение краткосрочных курсов по Н.О.Т. и психотехнике. Вскоре т. Раков сообщил мне, что ему удалось добиться еще ассигнования ежемесячно около 100 р. на содержание ассистента при организуемой психотехнической лаборатории. Тов. Раков попросил меня написать Вам, если я нахожу Вас более или менее подходящим работником, о том, что Вам может быть уже теперь предоставлено место ассистента. Но так как я потом немного прихворнул, то и задержался с письмом, и только теперь пишу Вам.

Итак, Вам теперь же предлагается место ассистента, или, вернее, научного работника при психотехнической лаборатории.

Но жалованье Вам склонны уменьшить (не 100, а около 75 р.) и виновным этого, пожалуй, являюсь я. Дело в том, что здесь хотят поставить дело получше и ищут хороших работников, а я не хотел особенно рекламировать Вас, говоря, чтобы они сами потом присмотрелись к Вам и так или иначе Вас оценили. Я думаю, что Вы сумеете зарекомендовать себя, и с осени (а, может, и ранее) Вам удастся получить 100 р., а возможно и более, потому что с осени, как заявил т. Раков, будут утверждены полные штатные ассигнования на психотехническую лабораторию и ее персонал. Итак, Вам надо решать

¹⁶ Из домашнего архива Г.А. Петербургской

вопрос, согласны ли Вы теперь же переехать на работу или нет. Ответьте возможно скорее и после моего телеграфного вызова: «приезжайте», – Вы должны тронуться в путь. Здесь ко мне уже приходили два врача-психиатра (мужчина и женщина) с просьбой взять их в ассистенты, но я ответил уклончиво: не хотелось бы мне брать их. Сам я числа с 10-го мая начинаю читать лекции на краткосрочных курсах и буду вести эту работу приблизительно до конца июня; к этому же времени закончатся занятия и в Университете. Следовательно, если бы Вы приехали сюда числа в 20-х мая, я ввел бы Вас в курс работ, и мы вместе выработали бы план дальнейшей работы. Кстати, я познакомил бы Вас и с небольшой аппаратурой, которая недавно прибыла из Германии для нашей Университетской психологической лаборатории.

В конце же июня или начале июля я, вероятно, приеду в Самару отдохнуть на даче, так что мы с Вами на лето поменяемся местами.

Я думаю Вам также хотелось бы отдохнуть летом, а тут надо ехать в Минск, но такая уж создается комбинация. Возможно, впрочем, что мы как-нибудь обошлись бы без ассистента до осени, а с осени предоставили бы место Вам, но я не могу ручаться за такую комбинацию, потому что не я один решаю вопрос. Теперь же Вам определенно предлагается место с условием поскорее приступить к работе. Теперь же Вам определенно предлагается место с условием поскорее приступить к работе. Мне, впрочем, кажется, что летом (июль–август–сентябрь) не будет особенно напряженной работы, кроме, пожалуй, июля, когда т. Раков хочет развернуть какие-то исследовательские работы по НОТу на краткосрочных курсах (курсы эти будут с начала мая по конец июля – начало августа). О квартирах я Вам писал в первом письме: в общем, как и всюду большой квартирный кризис, но комнату все-таки всегда находят (от 10 до 20 р.), особенно подальше от центра. Продовольствие как будто равно Самарскому.

Что касается Университета, то кое-что, может быть, удастся найти с осени для Вас и там, например, будет свободно место лаборанта по психологии. Но пока все еще под вопросом.

Если Вы согласитесь поехать теперь же на место ассистента, то постарайтесь еще до приезда вчитать в следующие две книги на выбор:

Фр. Баумгартен. Психотехника

Амар. Человеческая машина

Ерманский. Научная организация труда и система Тейлора

Ляи Ж. Система Тейлора и физиология труда

Рыбников. Психология и выбор профессии

Мейерс. Психика и труд

Чахотин С. Организация

Шпильрейн. Психотехника (прибл.назв.)

Мюнстерберг. Основы психотехники, ч. I

Мессно Бернард. Рациональная организация труда и психология

Кроме того, желательны, чтобы Вы ознакомились у Александра Владимировича (отец Гайворовского – прим. Н.Стоюхиной) с основами электротехники (элементы, их соединение, измерение напряжения, силы, сопротивл. электр. тока и проч). И элементарными приборами.

Ну, пока до свидания.

Тот или другой ответ давайте возможно скорее.

Уважающий Вас С. Василейский

Адрес: Минск, Университетская, д. 5. Общежитие профессоров.

Кланяйтесь Александру Владимировичу и Марии Николаевне.

С.В.

Письмо, вероятно, написано весной 1925 г., а чуть позже Василейский прислал телеграмму с одной фразой «Выезжайте». Таким образом появилась в трудовом списке Гайворовского новая запись:

20 мая 1925 – был приглашен Ассоциацией НОТа для работы в качестве ассистента по организуемой в Минске психотехнической лаборатории (при институте Бел. культуры)¹⁷.

О том, какие трудные хлопоты сопровождали отъезд Александра Александровича из дому, говорят строки из записной книжки его матери Марии Николаевны. Отношения между матерью и сыном были очень теплые, в семье не таили взаимную любовь, было принято целовать друг друга, говорить ласковые слова и смешные прозвища.

Мария Николаевна собирает сына в другой город, где он будет жить один, где о нем некому заботится (к тому времени он развелся с О.В. Плотниковой), и самое главное – ничего нельзя купить в магазине. После революции Мария Николаевна служила на Трубочном заводе талонщицей, потом перешла в Самарский совнархоз; их с сыном зарплат не хватало, да и скудость быта тогдашнего человека была ужасающей, еще не закончилась пора НЭПа, продукты и изделия легкой промышленности, продававшиеся в частных магазинах, стоили больших денег, а в государственных все было по карточкам. Пробрести изделие из мануфактуры, проще говоря, рубашку, постельное белье, обувь и пр., было практически невозможно! И Мария Николаевна собирает

¹⁷ Институт белорусской культуры (Инбелкульт) – первая белорусская научная организация, существовавшая в 1922-1928 гг., затем реорганизованная в белорусскую Академию наук.

сына в самостоятельную жизнь так, чтобы он был обеспечен необходимыми вещами (как это понимали люди из их круга) на первое время: достается полотно на простыни и наволочки, полотно на носовые платки, полотно на нижнее белье, полотно на костюм, достаются нитки и пуговицы, шляпа, обувь, и все это шьется, – ведь сын едет в столичный город, он будет работать в республиканской организации, к тому же, он преподаватель в вузе. Они старались сохранить достоинство быта, как будто были виноваты в его всеобщем падении, наверное, понимая, что на многое нужно махнуть рукой, но не могли и не хотели приспособиться к тому, что нужно удовлетворяться тем крошечным и неприглядным минимумом, которое диктовала окружающая действительность.

Вероятно, было тревожно уезжать в неизвестность, но об Александре Александровиче заботился и Серафим Михайлович, который дал такую рекомендацию молодому коллеге, вспоминая время совместной работы в Самаре:

За время своего ассистирования А.А. Гайворовский проштудировал целый ряд фундаментальных трудов по психологии и педагогике и умело помогал мне при постановке психологических и педагогических экспериментов. В частности, он особенно хорошо проводил практикум по умственной одаренности и проблеме упрямства и утомления.

Ввиду всего сказанного я думаю, что А.А. Гайворовский мог бы не без успеха работать в БГУ в качестве ассистента по педологии и психотехнике (под моим руководством)¹⁸.

25/VI-1925

Педагогическая сторона его новой жизни в Минске устраивается достаточно успешно: он избирается на должность ассистента по кафедре педологии психотехники БГУ (1925-1929), преподает педологию и психологию в Польском педагогическом техникуме г. Минска (1926-1928), руководит работой по переподготовке учителей и работников детских домов Минска (1928), а с 1 октября 1929 г. утверждаются доцентом по кафедре педологии БГУ¹⁹.

Сохранился отчет по учебной и научной деятельности ассистента педфака А.А. Гайворовского за 1926-27 уч.гг.: кроме учебной работы – занятия по педологии на естественном отделении II курса и по психологии на I курсе, насыщенная научная деятельность, а речь идет всего на всего об ассистенте:

Научная работа:

А) по проработке научной литературы:

¹⁸ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1497. Л. 5

¹⁹ Из домашнего архива Петербургской Г.А. Трудовой список.

За данный год проработаны следующие научные труды:

О. Ши «Роль активности в жизни ребенка»;

Павлов «Лекции о работе больших полушарий мозга»;

Уотсон «Психология как наука о поведении»;

Штерн «Проблемы умственной одаренности»;

Болтунов «Практикум по методике психологических исследований»;

Юнг «Психологические типы», а также ряд других статей.

Б) по экспериментальным исследованиям:

Проведено широкое исследование круга реальных представлений и знаний детей и взрослых различных социальных, национальных и культурных групп населения БССР (работа проведена на материале в 2700 человек); исследование проф. одаренности студентов Минского железнодорожного техникума (исследование до 120 человек); исследование круга литературного опыта различных групп молодежи (400 человек); разбивка по спецодаренности молодежи, прибывшей в местные военные части (до 500 человек).

В) научные труды:

За этот год мною были написаны следующие работы:

1) Основы психотехники политпросветработы (капитальная работа на 13 печатных листов);

2) Круг знаний и представлений современного белорусского ребенка (печатается в Педагогическом сборнике);

3) Психотехника и бибдело (в рукописи);

4) Очерк методологии профессиологии (печатается в трудах ассоциации НОТ);

5) Психологические параллели (в «Асьвете»)²⁰.

Г) научные доклады:

1. Справка-характеристика методов изучения профессий;

2. Основы психотехники политпросветработы (в Москве на съезде по психофизиологии труда);

3. Психотехника политпросветработы (в Инбелкульте);

4. Личность и профессия (в ВСНХ);

5. Изучение личности читателя (на Поволжском съезде бибработников).

Д) научная командировка:

1. в Ленинград в Институт изучения мозга (краткосрочно за свой счет);

2. в Москву (на съезд по психофизиологии труда).

Е) конструкторская работа:

²⁰ Статья о научном творчестве А.А. Гайворовского можно будет прочитать в следующем номере журнала «История российской психологии в лицах: Дайджест».

1. сконструирован аппарат для исследования сложных реакций на комплексные ситуации;

2. сконструирован аппарат для исследования меткости удара²¹.

Действительно, его научная карьера складывается удачно, сфера его разносторонних интересов расширяется: Гайворовский заявляет себя как педолог, психотехник и психолог, готовый рассматривать и решать общие, методологические проблемы психологии. Его поддерживал К.Н. Корнилов, под редакцией и с предисловием которого вышла книга Александра Александровича «Основы психотехники политпросветработы» (1928), а в 1930 г. в сборнике «Основные механизмы человеческого поведения», изданном во 2-м МГУ под редакцией К.Н. Корнилова, были представлены несколько статей Гайворовского: «основы чувств и их функции», «Влечения и инстинкты», «Чувство и эмоция», «Установка при реакциях (внимание)», «Память и воображение», «Связь реакций», «Мышление и речь», «Регулятивные механизмы (Волевая деятельность)».

За период 1925-1928 гг. Центральная психотехническая лаборатория БССР охватила широкий круг проблем, в том числе и педологических, например, обследовались выпускники Минской Объединенной Профтехшколы с целью выяснения значения общей умственной одаренности для их школьной и профессиональной успеваемости; был исследован круг литературного опыта современной молодежи в целях выявления различных типов литературного опыта различных групп современной молодежи (около 800 чел.), для чего был составлен ряд специальных тестов; проводились профконсультации для подростков, направляемых Минской биржей труда на производство; у учащихся, оканчивающих школу II ступени, и у разных групп населения в целях выявления уровней общежизненного и общекультурного развития различных возрастных, половых, национальных и социальных групп населения БССР (3500 чел.) исследовался круг реальных представлений и знаний; была составлена специальная система тестов для данного исследования. Но все-таки основная работа лаборатории была в рамках психотехники.

В отдельное направление деятельности была выделена работа с частями Красной Армии, тем более, что с 1925 г. Гайворовского назначили руководителем всей научно-исследовательской работы по психотехническим испытаниям в частях ОГПУ Белорусского военного округа, и он проводил психотехнический отбор кандидатов, поступающих в Военную Окружную Школу Погранохраны, в целях их разбивки на 6 параллельных групп по их умственной одаренности (получено совпадение с оценкой преподавателей

²¹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1497. ЛЛ. 17-18.

более, чем в 90%), разрабатывал психogramмы красноармейцев погранохраны, кавалеристов и т.д., обследовал курсантов Пограншколы Комсостава для выделения отличившихся в особую кавалерийскую группу и курсантов Полковой Школы N-ской дивизии (300 чел.) для выявления связи между их умственной одаренностью и пригодностью к занятию различных командных должностей, занимался психотехническими испытаниями с молодежью (750 чел.), поступающей в отряды погранохраны, изучал круг реальных представлений и знаний (из области современности, царского строя, природы и техники) у кавалеристов N дивизии (200 чел.) и в школе Погранохраны (140 чел.). Александр Александрович писал:

Помимо работы в ВУЗах и научно-исследовательских учреждениях я с 1918 года вел работу в частях Красной Армии в качестве добровольца, занимая должности старшего и высшего политпросветсостава (последняя моя должность, с которой я демобилизовался в 1924 году – должность старшего инструктора Политуправления ПРИВО). В 1925-1927 годах я руководил всеми психотехническими исследованиями в частях погранохраны и др. военных частях Бел. Военного Округа. Проводил исследования бронечастей, артиллеристов и кавалеристов²².

Мирные профессии подвергались еще большему психотехническому охвату:

- изучалась профодаренность учеников школ фабзауча, зубных врачей, хирургов клиник Белорусского Государственного Университета, шахматистов (участников одного из окружных шахматных турниров), кочегаров, слушателей железнодорожного техникума;

- составлялись профессиogramмы труда телефонистки центральной городской станции г. Минска, инспекторов Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции, шофера, кондуктора, железнодорожника, дежурного по станции, фабзаучников, зубных врачей, хирургов, шахматистов;

- проводился профотбор студентов Комвуза им. Ленина, лиц, поступающих в объединенную профтехшколу металлистов и деревообделочников, молодежи, поступающей в профтехшколы фабзавуча, кандидатов, поступающих на отделение строителей и на столярное отделение Белорусского Центрального Института Труда, кандидатов, поступающих в Минский Комвуз им. Ленина;

- изучалась профквалификация шоферов Белавтопромторга (получено совпадение в 75% с данными администрации и значительно большее

²² Из домашнего архива Петербургской Г.А. Автобиография.

совпадение с практикой езды и статистикой несчастных случаев) и профпригодность у кондукторов Автопромторга

- организовывалась систематическая и широкая профконсультация для лиц, оканчивающих школу II ступени, где читались массовые доклады на тему о выборе профессии и психологических особенностях основных профессий.

В 1927 году штат лаборатории увеличился на двух сотрудников: д-ра Школьникова, который должен был повести работу по вопросам изучения физиологии труда, и технической сотрудницы Н.И. Трубенюк, выделенной для работ в лаборатории Минским Окр. Отд. Народного Образования, так как в этот год лаборатория ставила себе ряд педолого-психотехнических задач в своей работе. Кроме этого, за все время своей работы лаборатория часто проводила целый ряд побочных работ в контакте с целым рядом учреждений, научных работников и практических работников школ и диспансеров. Так была проведена работа по организации психологических испытаний в нервной клинике Бел. Гос. университета по организации профконсультации при центральном детском диспансере г. Минска, по организации ряда психотехнических исследований в ряде Н частей и частей погранохраны, в результате чего создавался даже кабинет по изучению вопросов психофизиологии при соответствующем управлении. Кроме того, в исследовательских работах лаборатории принимали деятельное участие ряд педагогов, врачей и других работников... Психотехническая лаборатория принимала также самое деятельное участие в работе Всебелорусской Ассоциации НОТ и Методико-Педологической Ассоциации при Наркомпросе. Кроме этого, лаборатория стала своего рода центром по снабжению педологических и психотехнических кабинетов белорусских педтехникумов необходимыми им приборами и тестами [6, с. 129].

Жизнь потихоньку налаживалась, с безденежьем, так мучившим первых сотрудников лаборатории, было покончено и в середине 1927 г. лаборатория получила из Германии аппаратуру, расширила площадь на целых три больших комнаты, в одной проводили коллективные испытания, в другой была аппаратурные установки, а в третьей находился кабинет заведующего лабораторией.

Многое делали они сами – Серафим Михайлович Василейский и его ставший вполне самостоятельным ученик – например, конструировали тестовые методики: прогрессивный тест Эббингауза, тесты на наблюдательность, картографическую память и точность восприимчивости, тест на знание слов и объектов, тест на исследование круга литературного опыта, буквенный тест Бурдона, прогрессивный тест Бурдона.

И еще один вид научной деятельности психологов того бурного времени упомянем особо. Василейский, обучаясь в Санкт-Петербургском университете на историко-филологическом факультете, дополнительно изучил основы математики, физики и химии, причем, по физике сдал зачет как студент естественного отделения со специальным курсом электричества, а Александру Александровичу помог в получении знаний по физике его отец Александр Владимирович, учитель физики, имевший дома много физических приборов. Таким образом, будучи неплохо знакомы с физикой, они для рабочих нужд сконструировали ряд оригинальных приборов: сложный экспозиционный прибор для исследования дежурного по станции; прибор на мышечную память; прибор на меткость удара; сложно комплексный прибор, объединяющий в себе кимограф, мнемометр, complicationные часы и хроноскоп, отмечающий время до 1/50 доли секунды); прибор для исследования точности и координированности работы на узко ограниченном поле (для исследования зубных врачей); видоизмененный и упрощенный аппарат Мюнстерберга для исследования шоферов; аппарат для исследования подвижного глазомера и ряд других менее значительных приборов и аппаратов.

Забегая вперед, скажем, что работа в лаборатории была четко организована и после отъезда Серафима Михайловича в Нижний Новгород (1929 г.). психотехническое движение продолжало развиваться, уже под руководством Александра Александровича, назначенного заведующим в январе 1929 г. А в январе 1930 г. Гайворовского утвердили еще и заведующим кафедрой психотехники Научно-исследовательского института педологии и педагогики²³. Впрочем, совсем вскоре началась реорганизация института, и 1 апреля 1930 г. он был освобожден от занимаемой должности зав. психотехнической лаборатории от должности доцента Белорусского университета.

За время жизни в Минске Александр Александрович ездил на все большие организационные мероприятия, где собирались педологи и психотехники. Там же был его старший друг и коллега С.М. Василейский.

Первая Всесоюзная конференция по психофизиологии труда и профподбору (Москва, 29.05.1927-03.06.1927). Гайворовский выступил с двумя докладами – «Основы психотехники политпросветработы» и «Сравнительная оценка методов психотехнической характеристики профессий», активно участвовал в прениях по выступлениям своих коллег [30].

²³ Из домашнего архива Г.А. Петербургской. Автобиография.

Первый Всесоюзный педологический съезд (Москва, 27.12-1927-04.01.1928). С.М. Василейский – член Президиума съезда от Белорусской ССР [19].

Александр Александрович участвовал в работе секции первого школьного возраста, «особенно богатой докладами, которые с трудом уложились в рамки отведенных для работы восьми заседаний» [35, с. 43]. Прослушав 39 выступлений, педологи проработали следующие вопросы: идеология современного школьника, его физическое развитие, физкультура в школе I ступени, детский труд, школьные тесты как метод школьной успешности, педологический анализ школьной работы, педологический анализ основных навыков (чтения, письма), типологические особенности школьника и язык и круг его представлений, ребенок и кино, учебные пособия и школьное оборудование. Доклад Гайворовского назывался «Круг знаний слов белорусского ребенка», подобное же было выступление Афонского «Речевые ресурсы современного школьника». Как отметил Н. Рыбников, «доклады вскрыли, что наблюдается расширение объема словаря за последние годы, и что современный школьник обладает широко развитым умением использовать имеющийся у него словарь» [там же, с. 48].

Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека (Ленинград, 25.01-01.02.1930). С.М. Василейский – член Президиума психотехнической секции от Белорусской ССР [1]. Гайворовский выступает дважды – в секции «Социальная психология и изучение поведения» с докладом «Музыка и коллектив» и в секции «Одаренность и профпригодность» с докладом «Основные проблемы методологии и теории теста» [30].

Первый съезд Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии (Ленинград, 20.05-25.05.1931). Василейский выступал уже как нижегородский психотехник, а Гайворовский представил доклад, написанный совместно с В.Н. Андреевой, «Проблемы психотехники политехнизма» [10].

Кроме карьерных ступеней, работа в Белоруссии дала молодому ученому много в научном становлении – работа и общение с такими учеными, как В.Н. Ивановский, А.К. Ленц, С.М. Ривес значили для молодого ученого многое. В это же десятилетие он познакомился с К.Н. Корниловым и сотрудничал с ним. Роль С.М. Василейского, учителя и старшего товарища, в жизни Александра Александровича велика, именно от него была получена «путевка в жизнь», он сумел разглядеть в нем жажду нового, трудолюбие, аккуратность...

Мы очень мало знаем о личной жизни нашего героя, но о некоторых фактах нам бы хотелось упомянуть.

Александр Александрович осуществил свою давнюю мечту – опубликовал свои стихи. Наверное, каждому, кто хоть немного пишет, хочется видеть свои строки набранными в типографии. Как уже упоминалось ранее, это был небольшой сборник стихов «Зачарованные тропинки», в подзаголовке значилось: «Эскизы, настроения, фантазии, интуиции, реальности», накопленные автором с 1916 по 1926 гг. Вероятно, книга вышла за счет автора, она имеет надпись: «на правах рукописи» и «без права продажи».

Интересно посвящение, предваряющее стихи:

ВАМ, небольшому кружку друзей и спутников своей одинокой и замкнутой в глубоких недрах своих же собственных переживаний и родников жизни, посвящаю я этот сборник. Примите эту дань моей глубокой и искренней признательности Вам за те дни и годы совместных исканий, которые в стальных вихрях жизни выковали наши жизненные пути. Они дали нам познать всю глубину человеческих отношений, поставленных перед грозными ударами внешних и внутренних шквалов жизни и природы. Мы победили; да, именно сейчас мы с полным правом можем сказать это. Все мы были то друзьями, то врагами, жизнь ставила нас во все многообразие возможных отношений. Она каленым железом пробовала наши силы, но мы оказались сильнее ее, мы смеялись под ее шквалами. Нам нипочем была игра слепых стихий, ее извечного круговорота. Мы остались все теми же ищущими и стремящимися к глубокой и внутренней восполненной и целостной жизни. Мы падали, мы обрывались, нас засасывала трясина, но не мы ли поднимались и с новым подъемом и с новой и преобразившейся мыслью и мечтой шли своими заповедными тропинками к своим далеким маякам-целям. Примите эту скромную дань моей и нашей дружбы, эти бледные и робкие эскизы моих и ваших переживаний. Это прелюдии еще неосознанных стремлений и целей, это едва забрезжившая заря самосознания пройденных нами этапов и перевалов жизни. И если форма подчас не выдержана и угловата, и если само содержание прихотливо и эскизно, то помните, что не поэзия это, что не перед литературным сборником находитесь Вы, а что перед Вами лежат осколки и эскизы моей и нашей жизни, а осколки всегда угловаты и незакончены. В этом сборнике осколки, но не сонаты, прелюдии, но не симфонии, эскизы, но не песни.

А. Г.

Здесь и высокая оценка дружбе, которая сохранилась, выдержала испытания непростым временем (вспомнить хотя бы надпись на юношеском фото), и благодарность. Интересны два эпитафия, первый – строки из стихотворения друга юности Александра Александровича Андрея Гриневича:

И вечной мысли льется мура²⁴

На полудетские черты.

Второй эпитафия – строки поэта начала XX в. И. Рукавишников:

И да и нет, и да и нет

И вечно – да и нет.

Ни да, ни нет, ни да, ни нет,

А только да и нет.

Гайворонский верно выбрал эпитафия, он видел себя действительно таким: постоянно думающим, сохранившим в себе что-то детское, не сомневающимся, а скорее, диалектиком. Несмотря на то, что стихи собраны за 10 лет, т.е. с его 17 лет, он не стал в них ничего менять, а может быть ... он сам не сильно изменился

Первое стихотворение он посвящает своей горячо любимой матери:

Ты эхо вечности,

мелодия немая,

Тень красоты

и истины любви.

Ты искра пламенно

живая

Ты меди зов,

рыдающий в ночи [11, с. 5].

В домашнем архиве хранилось несколько нежных и теплых писем Александра Александровича матери, отправленные им из Минска в разное время.

Дорогая мамуся!

Получила ли ты мои открытки, одну с дороги, другую из Минска, эта уже 3-я, и деньги сто сорок руб., которые я перевел по телеграфу, из них 50 руб. тебе на жизнь и 90 руб. на лестницу, белье и другие хозяйственные расходы? Питаюсь хорошо. Температура колеблется от 36,3 до 37,1, но в большинстве нормальная. Как здоровье Нинки? Поцелуй ее от меня. Привет отцу. Шью пальто. Дела идут хорошо, только скучаю о Самаре. Мамуся, напиши немедленно о себе, о том, как вы там живете. Ты была, кажется, в опере? Крепко целую. А.

5/III-26²⁵

²⁴ Мура (церк.-слав) – миро.

²⁵ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

Мне лично очень бы хотелось проехать с тобой в Ленинград, чтобы иметь возможность показать тебе Ленинградские музеи и Эрмитаж. Мы побывали бы с тобой в лучших картинных галереях, в театрах и во всем, что есть в Ленинграде интересного. Остановились бы у Луки Ильмеева или у Лёльки, и у того, и у другой имеется полная возможность дать нам приют. Сейчас я получаю достаточно денег, и мы могли бы с тобой эту поездку сделать вполне хорошо, а кто знает, вдруг, обстоятельства изменятся и нам с тобой уж не удастся никогда сделать такой поездки. Хотя, конечно, мы можем на каникулы с таким же успехом приехать и в Самару и провести мои каникулы в Самаре. Хорошенько обдумай мое предложение и напиши мне. В Минск лучше всего будет, если ты приедешь в первой половине декабря, в 10-15-х числах. Ну пока, всего хорошего. Крепко целую и очень-очень люблю...

Еще раз крепко целую свою любимую мамусю. Пиши.

Гайворовский А.

Р.С. Получила ли ты журнал «Асьвета», сиречь «Просвещение», с моей статьей? «Вопросник»?²⁶

Мы не можем назвать точную причину, по которой А.А. Гайворовский уехал из Минска, можем лишь предположительно назвать несколько причин.

В небольшой заметке пересказывается публикация статья «Выше бдительность» из газеты «Правда» от 1 марта 1932 г.²⁷, где некто Х.Д. указывал на ряд отклонений в сторону великодержавного шовинизма, имеющих место в Белоруссии, в том числе. В «Трудах Института охраны труда» при Наркомтруде БССР (издание конца 1931 г.); доцент этого Института Гайворовский в статье «Интересы и запросы современной молодежи» пытается «научно» доказать, что дети белорусских школ любят, главным образом, русский язык, но не любят белорусского и еврейского народного языка. В ряде мест своих «трудов» Гайворовский делает вывод, что специфические профессиональные стремления находятся в зависимости от... национального происхождения. Этот поклеп на молодое поколение белорусских трудящихся со стороны явного великодержавника прикрыл доцент Дихтяр²⁸ – член партии, директор названного института, проявивший гнилой либерализм, заявляя в предисловии к этой книге, что работах Гайворовского имеются лишь некоторые «методологические ошибки» [16, с. 141].

Работать в Белоруссии становится опасно из-за начавшихся политических процессов, обусловленных «классовой борьбой на научном фронте»,

²⁶ Там же.

²⁷ Заявленную статью нам найти не удалось, вероятно, редакцией была допущена ошибка в указании номера.

²⁸ Директор Белорусского НИИ организации и охраны труда Дихтяр Соломон Романович (1894-1980).

протекающей «в наиболее сложных, наиболее завуалированных, а потому наиболее трудно распознаваемых формах. Борьба эта вращается сплошь и рядом вокруг разрешения национального вопроса, и национальный вопрос поэтому сплошь и рядом служит той лакмусовой бумажкой, которая выявляет классовое лицо научных работников Белоруссии» [9, с. 37]. Академик, директор Института философии и права АН БССР С.Я. Вольфсон указывает на основную и главенствующую опасность – «как и во всем Союзе, великодержавный российский шовинизм, выражающем, по определению Сталина, стремления отживающих классов господствующей ранее нации вернуть себе утраченные позиции» [там же]. Фабрикуется дело «Союза освобождения Белоруссии», в результате весной-летом 1930 г. арестована большая группа сотрудников Наркомзема, Наркомпроса, деятелей науки и культуры. Только в белорусской Академии наук было арестовано более 30 человек» [8, с. 7].

Есть еще одно предположение: 14 октября 1930 г. был арестован отец Гайворовского Александр Владимирович, учитель физики. в железнодорожной школе № 5. По воспоминаниям Г.А. Петербургской его обвиняли в попытке убийства И.В. Сталина и М.В. Хатаевича (первый секретарь Куйбышевского обкома партии, также репрессированный и расстрелянный в 1937 г.). Александру Владимировичу было в то время 75 лет. Он, преподавая физику много лет, имел дома много интересных для ребят физических приборов, к нему приходило много подростков, и может быть, это послужило основой какого-нибудь сфабрикованного дела об антиправительственной группе. Обвинение выдвигалось по статьям 58-6, 58-8 и 58-11 (соответственно: шпионаж, террористические акты, направленные против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, всякого рода организационная антисоветская деятельность). 28 ноября 1930 г. был приговорен к 3 годам условно. А.В. Гайворовский был реабилитирован в 18 октября 1967 г. Военным трибуналом ПриВО за полным отсутствием состава преступления. Сам Александр Владимирович умер в 1944 г.

Возможно, это событие привлекло к самому Александру Александровичу пристальный интерес со стороны органов, либо же он сам решил сменить место жительства и в 1930 г. Александр Александрович переезжает в Краснодар, а потом в Ростов-на-Дону.

В 1930 году был избран профессором Кубанского пед. института по кафедре психологии и психотехники. В этом звании утвержден Наркомпросом РСФСР. Там же в Краснодаре заведовал крупной психотехнической лабораторией Гортруда и ГорОНО.

В 1932 году был приглашен заведовать психотехнической лабораторией Института Организации труда в Ростове-на-Дону. Там же я работал профессором Ростовского пед. института и вел курсы по экспериментальной психологии и педагогической психологии со студентами и аспирантами института. Был научным консультантом психотехнической лаборатории Россельмаша. Был профессором института Охраны материнства и младенчества по психологии женского труда²⁹.

Трудовой список, хранящийся в архиве СГСПУ, показывает:

Кубанский педагогический институт

1 сентября 1930 – назначен профессором, завед. педолого-психотехнической лабораторией

1 октября 1930 – назначен зав. политико-просветительским отделением института

1 июня 1931 – уволен в 2-мес. трудовой отпуск

Государственный педагогический институт г. Краснодар

25 апреля 1932 – зачислен зав. психотехнической лабораторией С.К. Краевого института Профпатологии и Труда

1932, 1933, 1934 – вел спец. курсы на педологическом отделении по экспериментальной психологии, психотехники и курс психологии с аспирантами

29 августа 1934 – уволен со службы в Азово-Черноморском Институте труда.

Гайворовский попал был в состав нового правления Ростовского отделения ВОПиПП, где, кроме него, были: Я.Ф. Самтер, Гарибьян, Покровский, Голонзко, Бирюков [46].

И снова мы вынуждены сказать, что нам известно о работе нашего героя в тот период ничтожно мало. Кроме участия в VII-й Международной психотехнической конференции³⁰ (Москва, 09-13.09.1931), он проводил исследования технически конструктивного развития школьников [12] и вместе с коллегами врачами-гигиенистами составил полную профессиограмму наждачницы (публикуется в этом номере журнала) [3]. Также была написана статья о труде полотняниц³¹. Остались в рукописи подготовленные статьи «Опыт изучения факторов быстроты простой реакции», являющейся «опытом хроноскопического изучения факторов, определяющих собою быстроту простой реакции в целях определения значения этих факторов в работе

²⁹ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

³⁰ Автобиография. Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

³¹ Из домашнего архива Г.А. Петербургской: Труд полотняниц завода Ростсельмаш // Труды Азово-Черноморского института охраны материнства, 1934 (совм. с бригадой института)

станочных и водительских профессий. Выполнена на материале 20.000 полученных и замеренных реакций в 1933-1934 гг.»³², и «Психологическая классификация ведущих профессий Ростсельмаша», о чем сам Александр Александрович писал: «работа выполнена в Азово-Черноморском институте Труда коллективов врачей и психологов под его руководством в 1933-1934 году на основании детального изучения 50-ти ведущих профессий сельхозмашиностроения, охватывающих собою до 70% всех рабочих Ростсельмаша»³³.

Еще одна деталь о своей работе, не оставившей печатного следа:

*В моей лаборатории (в Ростове-на-Дону) проводились испытания летчиков (1932-33 гг.)*³⁴.

Из письма к близким мы узнаем о бытовых и материальных проблемах Александра Александровича:

13 октября 1932 г.

Дорогая моя мамуся, папа, Нина, Ляля, Таничка и Вера!

Как-то все вы, дорогие мои, живете сейчас? Жизнь сейчас настолько тяжела, что мне просто жутко временами, когда я думаю о том, как все вы там живете и как питаетесь, ведь сейчас все это так трудно и так дорого. Моя работа в Ростове все как-то до настоящего времени не вполне налаживается и по своему содержанию и по зарплате, а отсюда у меня страшно угнетенное состояние из-за того, что я тебе, мамуся, все эти месяцы, начиная с весны, нерегулярно высылаю деньги на жизнь. Это меня безумно угнетает, и я жду не дождусь, когда я получу тот или иное место по совместительству, которое могло бы давать мне возможность бесперебойно снабжать тебя хотя бы небольшим прожиточным минимумом рублей в 150 в месяц. Думаю, что в ближайшие месяцы я себе что-нибудь в этом роде раздобуду. Мама, последний перевод по телеграфу я перевел в середине августа (кажется 17-18 числа), но я до сих пор не знаю, получила ли ты его (150 руб.). Получила ли ты два моих письма из Крыма (в конце августа и в середине сентября)? Через три-четыре дня пошлю тебе перевод на сто рублей, а 2-3 ноября постараюсь еще сделать перевод на такую же сумму. А в эти месяцы я только и надеялся на то, что у тебя на сберкнижке есть немножко денег, и что благодаря этому ты как-нибудь сумеешь устроиться. Но теперь я уже смогу посылать тебе деньги регулярно раз в месяц.

³² Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Автобиография.

Эх, мамуся, как меня мучало все эти месяцы мое безденежье и невозможность регулярно тебе посылать, ты и представить себе не можешь, как это угнетало меня! Но сейчас начинается работа в пединституте, правда, в нем я буду получать очень маленькую ставку, но плюс основной оклад по институту в 400 руб. (хотя на руки фактически получаю не более 300-320 руб.) дает мне возможность регулярно посылать тебе.

В Крыму я очень загорел, прибавил на 2 килограмма, а от морских купаний окрепла все же и нервная система. Вообще я поездкой в Крым очень доволен. В Ростове после Крыма показалось очень неважно и пыльно и грязно. А тут еще кой какие неприятности по службе были и вызывали на переучет в военкомат, так что за это время писать писем просто как-то не хотелось.

У нас уже холодновато, хотя стоят солнечные дни, деревья уже наполовину стоят голые и дуют холодные ветра. В Институте еще не топят, поэтому в лаборатории и дома немного мерзну, но пока еще немного. Здесь отопление центральное и, кажется, угля все же хоть и немного, но запас институт, так что топить будут. Обедаю в столовке научных работников. И это единственное спасение, так как все очень дорого.

Запаслись ли вы дровами на зиму? Как устраиваетесь с обедом, не прикрепилась ли к той или иной столовке? Как твоё здоровье, мамуся? Как папа и все остальные себя чувствуют? Что у вас нового? Пишите чаще.

Крепко-крепко целую. Александр.

Интересен упоминаемый в письме факт пребывания Гайворовского в Крыму. Там, в знаменитом санатории «Бобровка» (детский костнотуберкулезный санаторий им. А.А. Боброва находится в Алушке; о нем трогательно и проникновенно написал К. Чуковский [44]) он провел исследование в 1932-1933 г., результатом которого стала рукописная статья «Психогигиена лежачего ребенка-костника», выполненная совместно с О.В. Плотниковой и В.Н. Андреевой³⁵.

Вероятно, в 1934 г. Гайворовский подал документы для участия в конкурсе в Самарский педагогический институт и выиграл, т.к. 29 августа он был назначен там профессором.

И с этого времени начинается новый период жизни Александра Александровича в родном городе, где жили его родители и друзья.

³⁵ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

САМАРА – КУЙБЫШЕВ

Вскоре по приезду в Самару Александр Александрович женился. Его избранницей стала Мария Семеновна Петербургская. Она родилась в 1902 г. в с. Олинск Читинской губернии (сейчас – село Олинское Нерчинского района Читинской области), окончила Академию коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. С 1930 г. жила в Самаре, преподавала педагогику в Самарском педагогическом техникуме. С 1933 г. и до 1964 г. работала в Самарском (Куйбышевском) государственном педагогическом институте (КГПИ), сначала ассистентом, потом старшим преподавателем кафедры педагогики и психологии, кандидат педагогических наук. Человек очень активный и ответственный, в годы войны она была заместителем директора по заочному отделению (1943-1946 гг.), а также несла большую общественную нагрузку как член женсовета КГПИ и создала первую в Куйбышеве донорскую группу. Научным руководителем ее диссертации была Н.А. Менчинская.

В 1937 г. у Александра Александровича и Марии Семеновны родилась дочь Галина.

В родном городе его жизнь складывается, на первый взгляд, нормально: в конце 1934 г. в Доме художественного воспитания детей открывается педологический кабинет, и Гайворовский назначается его руководителем [45], потом – заместителем заведующего кафедрой в педагогическом институте.

Вскоре педология перестала существовать [21, 40] и после Постановления «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» 4 июля 1936 г. всем психологам, ранее занимавшимся вопросами педологии и психотехники, пришлось корректировать научные планы. Кафедры педологии реорганизуются в педагогические или психологические, ученые, переходя в психологов или педагогов, выбирают для своих исследований «безопасные» темы, одной из которых становятся различные аспекты преподавания психологии в педагогических институтах. Тон задают известные ученые В.Н. Колбановский, К.Н. Корнилов, С.Л. Рубинштейн, публикуя свои статьи в ведущих журналах [20, 21, 34]; с 25 августа по 3 сентября 1936 г. проходит совещание заведующих кафедрами педагогики и преподавателей психологии в педвузах по перестройке программ по педагогическим дисциплинам [24].

Докладчики говорили о существовавшей до Постановления «двусмысленной позиции психологии в системе педагогических наук, педология вытеснила психологию и психологов» [24, с. 39], о новой программе для педвузов, построенной как программе функциональной психологии

(В.Н. Колбановский), которая «дает онтогенез, дает функции в возрастном плане и в этом же плане проблему личности, и все это построение в единстве в общей логике науки» (С.Л. Рубинштейн) [там же, с. 40]. К.Н. Корнилов остановился на двух вопросах преподавания психологии – на практических занятиях и методах психологии [там же, с. 41].

В 1936 г. А.А. Гайворовский выбирает себе тему будущей докторской диссертации – «Наглядность в преподавании психологии», и в 1937 г. на кафедре Куйбышевского педагогического института делает доклад «Содержание и методы преподавания психологии в пединституте»³⁶.

Не следует забывать, что прошел всего лишь год после Постановления ЦК, воспоминания о закрытии педологии еще живы и часть присутствующих сами были педологами в недавнем прошлом.

В хранящейся в архиве стенограмме заседания кафедры мы читаем в самом начале заверения Гайворовского «в полном соответствии с программными указаниями Наркопроса»³⁷ преподаваемого им курса психологии; далее «красной нитью» он проводит две линии развития науки – идеалистическая (Платон, Декарт, Беркли, Гербарт, Мейман, Вундт) и материалистическая (Демокрит, Ламетри, Уотсон, Павлов), подчеркивает значение трудов Маркса, Энгельса и Ленина. Докладчик представляет тематический план всего курса и предлагает план лекции по теме «Мышление». Нам показался интересным этот материал, поэтому мы приведем большую цитату:

Как приходится работать над курсом

Несмотря на то, что я уже четырнадцать лет читаю курсы психологии в вузе, мне приходится очень много готовиться. Моими настольными книгами при работе над курсом являются «Диалектика природы» Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, «Теория отражения» Тодора Павлова. Используются мною и другие произведения классиков марксизма-ленинизма.

Используются мои записи и данные, полученные в Университете Марксизма—Ленинизма. По отдельным вопросам я консультировался у тов. Шохара³⁸ и у тов. Тяхта³⁹. Кое-что новое и интересное дали мне лекции товарища, читавшего «Диалектику природы» в Университете Марксизма—Ленинизма. Кроме чисто литературы в настоящем году я использовал ряд

³⁶ Государственный архив Самарской области (ГАСО). Р-2304. Оп. 1. Д. 22.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ Шохор В.М. – автор нескольких книг по идеологической пропаганде, в основном по антирелигиозной пропаганде, член МГ ВКП (б).

³⁹ Лицо не установлено.

работ по психиатрии и психопатологии. Ряд интересных данных я получил из работ Ю. Каннабиха (с предисловием Ганнушкина) «История психиатрии», ряд интересных статей из журналов «Советская невропатология», «Психиатрия», «Психогигиена» за 1935-1936 гг., которые дают не мало нового и интересного материала для психолога (например, статья Загарника и Биренбаум о проблеме смыслового восприятия⁴⁰, статья Кюнцель «К вопросу о ритме и его воспитании»⁴¹ и др.). Не мало интересного я извлек из работ по зоопсихологии, например, можно отметить двухтомную работу Ладыгиной-Котс (изд. 1935 г.) «Дитя шимпанзе и дитя человека», работы анатома-биолога Когхилла по анатомии и поведению простейших⁴², работы Мальковского по изучению движений-поведения зародыша⁴³. Не мало интересного получил я для курса из проработки исключительно интересной работы Элтрингема «Строение и деятельность органов чувств насекомых»⁴⁴. Использовал ряд физиологических работ, из которых особенно хотел бы подчеркнуть работы про электрофизиологии одного из крупнейших электрофизиологов современности Эбриана «Образы ощущений»⁴⁵. Помимо этого по курсу детской психологии я перебрал, кажется, почти всю существующую на русском языке литературу по экспериментальному изучению детской памяти, внимания, восприятий и т.д. Иногда удавалось натолкнуться на ценный материал экспериментального характера в таких журналах как «Детская литература», где я нашел работы Института по изучению детского чтения о развитии чувства смешного у детей (работа тов. Григорьевой⁴⁶). В среднем на подготовку к лекции я затрачиваю по 8-10 часов. В результате этой работы у меня собирается альбом сводок экспериментальных табличных данных всех наиболее интересных работ в этой области. В прошлом году я закончил атлас изобразительно-графического расположения всего курса психологии и получил довольно высокую оценку кафедры. В этом году я работаю над некоторыми дополнениями к этому

⁴⁰ Имеется в виду статья Зейгарник Б. В., Биренбаум Г. В. К проблеме смыслового восприятия // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1935. Т. IV. В. 6.

⁴¹ Речь идет о статье Кюнцеля А.А. (1898-1984) – российского ученого-медика, преподавателя Пермского медицинского и педагогического институтов, основателя скаутской организации в Перми, основателя Пермского общества врачей-физиотерапевтов «К вопросу о ритме и его воспитании» // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1935. Т. IV. В. 6.

⁴² Вероятно, речь идет о: Когхилл, Дж.Э. Анатомия и проблема поведения: Эмбриология против рефлексологии. Пер. с англ. под ред. В.М. Боровского. М.-Л.: Биомедгиз, 1934.

⁴³ Работу найти не удалось.

⁴⁴ Элтрингем Г. Строение и деятельность органов чувств насекомых. Пер. с англ. Под ред. проф. Э.Е. Беккера и Н.Ю. Войтониса. М.-Л.: Биомедгиз, 1934.

⁴⁵ Эдриан Э.Д. Основы ощущений. Деятельность органов чувств. Пер. с англ. В.А. Дорфмана. Под ред. А.Ф. Самойлова, И.Л. Кана. М.: Госмедиздат, 1931.

⁴⁶ Речь идет о Татьяне Александровне Григорьевой (1877-?), сотруднице Института детского чтения.

атласу и над изменением отдельных таблиц, в особенности по разделу методов психологии (в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) о педологических извращениях). Также работаю над созданием нового атласа по детской психологии. Работаю над созданием хрестоматии из отрывков художественной литературы, иллюстрирующих те или иные разделы курса психологии. Не мало в этом отношении уже сделано. Уже в этом году использовались отрывки из произведений Пушкина, Толстого, Островского, Шолохова и ряда других авторов для иллюстрации курса. Внимательно слежу я за газетами и журналами по вопросам внутренней международной политики и уже в этом году мною использован ряд материалов Кольцова об Испании, материалы по стахановскому движению и т.д. в целях связи курса с современностью. Внимательно в этом году останавливаюсь и прорабатываю со студентами основные педагогические выводы из каждого пройденного раздела.

Отношение студентов к занятиям

Есть ли у студентов интерес к читаемым курсам. Трудно ответить за всю массу студентов, но мне кажется, что этот интерес имеется. Так, например, по одному из последних моих занятий по воле я получил не менее 12 вопросов, подходят студенты с вопросами и после лекции. Студенты спешат на лекцию, чтобы занять лучшие места. Студенты на лекции внимательны, подавляющее большинство студентов ведет конспекты и многие очень неплохо, например, тов. Сайкина.

Показательным в этом отношении является III курс дошкольного отделения, который слушает с исключительно серьезным вниманием курс психологии, который мы кратко повторяем прежде чем перейти к проблемам детской психологии. Несмотря на то, что II курс уже слушал лекции по психологии у проф. Сырцова⁴⁷ и асс. Захарова, которые дали им по 100 часов по этому курсу, внимание их не снижается. По-моему, моя большая работа над курсом психологии находит свое отражение и интерес и внимание слушателей, в их контакте со мной и отражается в студенческих записях.

Отрицательные и положительные моменты в работе

Основными минусами в моей работе был: в отдельных случаях перенос лекций на другой час, не всегда давал план лекции, трудности. Связанные с чтением лекции перед аудиторией в 300 человек, что мешало использовать

⁴⁷ Речь идет о профессоре Анатолии Ивановиче Сырцове (род. в 1880), специалисте в области философии, гносеологии, логики, психологии и педологии, приехавшем из Пермского университета, где был деканом и членом первого президиума педагогического факультета. Занимался изучением философских взглядов Лейбница, Липпса, Мейнонга и Эйнштейна, феноменологии и большой логики Гегеля. В октябре 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован в сентябре 1956 г.

наглядные пособия и демонстрацию приборов. В актовом зале наличие столбов не дает возможность использовать доску, так как две трети студентов не видят ее и т.д.

Некоторые добавочные замечания по поводу своих позиций в области психологии:

С самого начала своей научно-исследовательской деятельности я всегда стоял на позиции материалистической психологии. Я подчас делал те или иные ошибки в своих работах. Я был одним из первых, кто сознательно встал вслед за проф. Корниловым на путь создания марксистской психологии. И, если на прошлом заседании кафедры отмечалось, что целый ряд моих работ построен на фундаменте реактологии, то ведь в свое время это направление наиболее приближалось к позициям марксистской психологии, нежели все другие существующие тогда направления. Я вслед и вместе с Корниловым, Добрыниным и другими работниками пытался строить марксистскую психологию (пусть даже неумело механистически). Я рос, искал, ошибался и находил новые позиции вместе с ростом и развитием нашей советской марксистской психологии в лице ее научных представителей, и даже то, что я сделал попытку написать работу «Биологические и социальные основы современной психологии» показывает, что я один из первых понял недостатки позиции реактологии и попытался двинуться куда-то дальше, пусть даже неудачно. Мимо всего этого нельзя пройти при оценивании ни моего прошлого, ни моего настоящего. Сейчас я твердо стою на позициях марксистской психологии.

Мое заявление на прошлом заседании кафедры, что я считаю, что еще не вполне перестроился, означало и означает, что я слишком серьезно подходил к этому центральному вопросу, что не пересмотрел по отдельным проблемам всего своего багажа, всех проблем психологии, я не смел сказать, что я уже перестроился. За это полугодие я провел в этом направлении громадную работу и считаю, что она сейчас уже близится к концу, хотя еще не закончена полностью. Сейчас я уже мог бы сказать, что в основном я просмотрел весь материал своих лекций и считаю этот материал стоящим на уровне современных требований марксистской психологии данного этапа ее развития. В моих работах по психологии выражается не только мое личное мировоззрение, но и весь тот зигзагообразный и скачкообразные путь развития той научной дисциплины, представителем которой я являюсь. Что мои исследования, охватывающие не менее 10-12 тысяч испытуемых, как и мои работы и мои доклады на всех Всесоюзных съездах и конференциях отражают собой этот извилистый и чреватый подчас самыми

разнообразными ошибками путь советской психологии. Я, как показывают мои работы, был не вне этого кипящего котла борьбы, исканий, ошибок и стремлений к правильному пути, а в самом этом котле, но я всегда был вместе с наиболее прогрессивной и передовой группой наших советских психологов. Смею думать, что и сейчас, в год большого перелома и пересмотра целого ряда позиций нашей науки, я не остаюсь в стороне от общих усилий по перестройке всех своих позиций на основе постановления ЦК, а буду, как и раньше, идти в ногу со всем передовым, что есть в нашей психологии. Буду идти к полному овладению высотами подлинно марксистской психологии, очищенной от всего чуждого и вредного⁴⁸.

Александр Александрович эмоционально заявил о разрыве с прошлым, о своем переосмыслении прежних ошибок, не забыв, правда, вспомнить имя К.Н. Корнилова, бывшего какое-то отстраненным от руководства Институтом психологии, но в 1937 г., после очередной смены руководства Института, снова ставший его директором; с ним Гайворовский, как и С.М. Василейский, были в уважительно-дружеских отношениях.

В июле 1938 г. в Институте психологии было созвано широкое совещание, где «были подвергнуты обстоятельному аналитическому рассмотрению содержание и программы преподавания психологии в вузе. Психологи, приехавшие на это научно-методологическое мероприятие со всех концов СССР, не ограничились только критическим анализом структуры, содержания и пр. учебного пособия, но подвергли обсуждению и ряд вопросов, связанных с его выпуском, и информировали о текущей работе специалистов на местах» [29, с. 78]. Гайворовский и Василейский были в числе участников и на групповой фотографии они сидят рядом [там же].

Вводный доклад сделал директор Института профессор К.Н. Корнилов. «Психология, — сказал докладчик, — пока не заняла подобающего ей места среди других наук, выпускаемые психологами работы все еще отстают от практики социалистического строительства. Основную причину отставания надо видеть в недостаточной высоте идейно-политического уровня психологов, их неумении отобразить в научной тематике практические актуальные запросы современности и обеспечить теоретическую полноценность своих работ, что выражается прежде всего в том, что советская психология еще не сумела сломить традиций, норм и установок буржуазной науки и поставить на их место свои традиции, свои нормы и установки [там же].

За Гайворовским закрепились тема диссертации «Наглядность преподавания психологии», запись о которой встречается в плане научно-

⁴⁸ ГАСО. Р-2304. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 7-10.

исследовательской работы кафедры и на 1939 г. Своим опытом преподавания психологии с использованием таблиц-схем он делится в статье, опубликованной в «Ученых записках» КГПИ им. В.В. Куйбышева. К этому времени учителя и старшего друга Александра Александровича – С.М. Василейского – уволили из Горьковского педагогического института с формулировкой «за протаскивание педологических извращений в курсе детской психологии» [41], и он был вынужден уехать в Киров. Заметим, что больше мы не встречали подтверждений их дружбы.

Во время войны Александр Александрович оставался в Куйбышеве, продолжая работать в педагогическом институте. С ним на этой же кафедре педагогики работала и М.С. Петербургская. Несмотря на то, что они уже не жили вместе, отношения у них были дружеские. Их имена встречаются в годовом отчете о научно-исследовательской работе кафедры за 1942 г.:

Кафедра педагогики /зав. – доцент, кандидат педагогических наук т. Смирнов/. Большинство сотрудников кафедры успешно и с должным напряжением работало над научными работами, в особенности доценты Смирнов, Шиммель, Темкин. Доцент Шиммель защитил в 1942 году кандидатскую диссертацию на тему: «Педагогические и ...ческие (начало слова утрачено – примечание Н. Стоюхина) взгляды Лесгафта»; доцент Смирнов успешно работал над докторской диссертацией «Школьные реформы в России в 60-х годах XIX века». Однако крупным недочетом в работе этой кафедры следует считать тот факт, что профессор Гайворовский /психолог/, числящийся за собой докторскую диссертацию «Наглядность в преподавании психологии»⁴⁹, с 1936 года фактически никакой научной работы в 1942 году не вел, как, впрочем, не вел ее и в прошлые годы, вводя и себя и других в заблуждение. Это же относится к преподавателям Лепешинской и Петербургской. Но особенно крупным недочетом в научно-исследовательской работе каф. педагогики следует считать явно упорный уход ее сотрудников от актуальных проблем современной советской школы. У сотрудников кафедры сильно выражено стремление заниматься спокойными темами в области ранней истории педагогики. Такой энергичный отказ работать над современными проблемами воспитания в советской школе сотрудники кафедры объясняют большой трудностью работать и невозможностью совмещать систематическое исследование в школе с преподаванием в ВУЗе. Вряд ли это объяснение удовлетворительно. Однако Наркомпросу серьезно

⁴⁹ Официально было заявлено о работе в Куйбышевском пединституте над темами диссертаций: «Внеклассные беседы о героях Отечественной войны», «Воспитательное значение военно-физкультурных занятий в школе», «Санитарно-гигиенический режим в школе при двух- и трехдневных занятиях» [14].

подумать не только над формулировкой тем по педагогике, но и над созданием известных условий для их выполнения в Пединститутах.

На кафедре педагогики еще не создан настоящий творческий коллектив. Имеется тематическая распыленность в научной работе. Слаб и несовершенен контроль за научной работой со стороны зав.кафедрой, отчеты сотрудников на кафедре носят формальный, статистический характер, работы по их содержанию не заслушивались, сотрудники кафедры не участвовали в проведении ни одной научной конференции⁵⁰.

Сразу после войны Александр Александрович меняет тему диссертации, о чем мы узнаем из письма, подписанного директором института психологии А.А. Смирновым директору Куйбышевского пединститута:

АПН

Институт психологии

11/X-1947

Директору Куйбышевского пед.института

В начале 1946 г. на заседании Ученого совета Института психологии АПН был заслушан доклад проф. А.А. Гайворовского на тему «Ситуационная психология».

Замыслы автора готовить свою докторскую диссертацию в плане разработки психологии личности получили со стороны Ученого совета положительную оценку. Однако некоторые основные положения его доклада встретили серьезные возражения. Докладчику было указано на неясность употребления им терминов и понятий, на недостаточность аргументации по отдельным вопросам, на слишком широкий и расплывчатый характер поставленной им в своей работе проблемы.

Ввиду того, что со времени указанного доклада прошло около двух месяцев, целесообразно, чтобы проф. Гайворовский вторично выступил с докладом на ученом совете Института психологии и сообщил, как продвинулась его работа за истекший период. При этом желательно получить от проф. Гайворовского подробный проспект его диссертации с развернутой характеристикой содержания каждой главы.

Директор Института психологии,

действительный член АПН РСФСР А.А. Смирнов⁵¹.

Действительно, Галина Александровна вспоминала, что примерно в это время, т.е. когда ей было лет десять, ее отец изучал восприятие детьми художественных картин и как-то опрашивал Галину Александровну на эту

⁵⁰ ГАСО. Р. 2304. Оп. 1. Д. 106. Л. 2об.-3.

⁵¹ Из архива СГСПУ.

тему. Опрос проходил так. Он ей предъявил две открытки, на которой изображены мальчики, играющие на скрипке. Одна открытка – сусальная, красивая, где мальчик играет один. Вторая более прозаическая: играет мальчик, рядом сидящий старик низко опустил голову и обхватил ее руками. Вероятно, так тронула его музыка. Дочь должна была выбрать ту открытку, которая ей больше понравилась. Когда она выбрала вторую, Александр Александрович обрадовался.

Из характеристики на Гайворовского узнаем, что

В ученом звании профессора утвержден ГУСом Наркомпроса в 1931 г.

Имеет 38 научных работ, из них – 15 печатных.

С 1949/50 уч.г. ведет специальное экспериментальное исследование, охватившее 600 детей и подростков «Идейная направленность и развитие эстетических вкусов детей и подростков в области русской живописи 19 в.».

А.А. Гайворовский – член межфакультетского профбюро и в течение ряда лет руководит секцией преподавания психологии в средних школах города. 17/XI-1950

И еще одни «след в истории», оставленный Гайворовским. Это событие связано с Павловской сессией, проходившей 28 июня – 4 июля 1950 г. Основная задача сессии была озвучена академиком К.М. Быковым: «добиться во всех областях теории и практики коренного изменения отношения к павловскому учению с полным признанием классических открытий И.П. Павлова, как имеющих принципиальное и всеобщее значение для всех областей физиологии медицины. Исследования по разработке учения Павлова следует вести в строгом соответствии с тем проблемами, которые ставил сам Павлов, или вытекающие из существа его учения» [5, с. 36]. Выступавшие на сессии психологи Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн, В.Н. Колбановский, А.Р. Лурия объясняли высокому собранию причины того, что советские психологи не сумели положить в основу своей науки учение Павлова [25, с. 157], самокритично признавая, что они «искусственно отрывали свою работу свою работу от физиологического анализа, ограничивались описанием форм психической жизни и явно недостаточно преодолевали вредные влияния зарубежной идеалистической психологии» [там же, с. 630], называли темы, которые должны войти в новые учебники по психологии [там же, с. 311], призывали психологов «направить научно-исследовательскую работу в сторону изучения закономерностей высшей нервной деятельности, порождающих психические явления» [там же, с. 426], впрочем, не забывая «общественных закономерностей, существенно преобразующих деятельность материального субстрата психических явлений» [там же, с. 429].

Важным этапом в развитии психологии в этих условиях стало Совецание по вопросам психологии, созванное Президиумом Академии педагогических наук РСФСР (30 июня – 5 июля 1952 г.), посвященное перестройке психологии в соответствии с павловским учением. Совецание проходило «через два года после выхода в свет гениальных трудов И.В. Сталина о языкознании и после Объединенной сессии АН СССР и АМН СССР... Основная задача совещания состояла в том, чтобы развернуть свободный обмен мнениями по коренным вопросам перестройки психологии, вскрыть основные причины отставания психологической науки от современных требований, наметить пути ее дальнейшего развития» [23, с. 88]. Присутствовало более 400 научных работников из РСФСР и союзных республик. Особое внимание было уделено обсуждению двух важных положений: методологическому принципу изучения психического на основе взаимосвязи психических явлений и внешних материальных условий (доклад профессора А.А. Смирнова), а также признание и доказательство того, что возможно объективное изучение субъективных по своей природе психических явлений (доклад профессора Б.М. Теплова). В числе выступавших (их было 44 человека, а те, кто не успели выступить, передали письменные доклады в Президиум) – В.А. Просецкий, В.С. Мерлин (Казань), Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, М.Н. Шардаков, Ю.А. Самарин (Ленинград), С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, И.А. Каиров, Н.А. Менчинская, И.А. Арямов, З.И. Чучмарев, Л.В. Занков, В.В. Артемов, Н.Ф. Добрынин, Д.Б. Эльконин, А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, Е.Н. Соколов, Е.И. Бойко (Москва), Р.Г. Натадзе, И.Т. Бжалава (Тбилиси), М.А. Мазманян (Ереван), Г.С. Костюк (Киев), П.И. Зинченко (Харьков), В.М. Экземплярский (Челябинск) и др. – вдруг раздался голос профессора А.А. Гайворовского, «нарочито преувеличившего опасность вульгаризации павловского учения при внедрении его в психологию» [там же, с. 95]. Как пишут участники совещания, «он утверждал: “В нашей области больше, чем где бы то ни было, требуется очень большая осторожность и вдумчивость, чтобы не получилось на практике, что от великого до смешного один шаг... И сейчас в высказываниях отдельных товарищей мне кажется опасным их легкое и слишком свободное оперирование павловскими терминами”. В подтверждение своей мысли проф. Гайворовский позволил себе сослаться на сделанную лет тридцать тому назад идеалистом и противником павловского учения Португаловым издевательскую интерпретацию в терминах условных рефлексов “сказки о сереньком козликe”. Эту позицию проф. Гайворовского трудно оценить иначе, как одну из форм скрытого сопротивления решительной перестройке психологии на павловской основе» [там же].

Вот такая эскапада от провинциала напоследок...

Реплика Александра Александровича, опубликованная группой авторитетных авторов статьи, не осталась незамеченной на кафедре. 14 октября 1952 г. на заседании кафедры разбирали «сообщение профессора А.А. Гайворовского по поводу замечания группы авторов относительно его выступления на съезде в июле 1952 г.»⁵². Он зачитал фрагмент статьи, после чего выступила старший преподаватель М.С. Петербургская:

1. Авторы замечания оценили выступление А.А. Гайворовского по вопросу о том, что требуется большая осторожность и вдумчивость, чтобы не получилось на практике вульгаризация учения Павлова, расценив как одну из форм скрытого сопротивления решительной перестройке психологии на павловских основах.

Считаю, что такого скрытого сопротивления у А.А. Гайворовского нет. Он основательно и глубоко изучает учение Павлова. Он первый стала выступать с докладами об учении Павлова применительно к вопросам психологии (на Ученом Совете, кафедре, методическом объединении учителей). На кафедре обсуждались его конспекты, которые также говорили о значительной перестройке работы.

2. Считаю большой ошибкой то, что А.А. выступил на совещании без предварительной подготовки, не обсудив содержание своего выступления на кафедре.

3. Считаю большой ошибкой то, что он говорил о необходимости осторожного подхода к внедрению учения Павлова в практику, чтобы не допустить вульгаризации его. Опасность вульгаризации имеется, но на данном этапе главной опасностью является то, что перестройка работы на основе учения Павлова идет недостаточно интенсивно и надо было акцентировать внимание совещания не на вопросе осторожного подхода к внедрению учения Павлова в практику работы, а наоборот говорить о необходимости более глубокого изучения учения Павлова и призвать к решительной перестройке все работы на его основе.

4. Ошибкой А.А. Гайворовского является привычка выступать на собраниях без предварительной тщательной подготовки.

Ассистент Л.И. Кадочкин в своем выступлении отмечает, что согласен с М.С. Петербургской, что выступление, особенно по важным вопросам, нужно продумывать тщательно и. если это выступление делается от лица кафедры, то его нужно вначале обсудить на заседании. Согласен и с тем, что А.А. Гайворовский уделяет очень много внимания научению учения

⁵² ГАСО. Ф. 2304. Оп. 1. Д. 404. Л. 10.

И.П. Павлова и советовал нам это делать неоднократно, очевидно, его мысли о форме, способах перестройки не были четко сформулированы и тщательно продуманы, а цитирование о козлике из Португалова я склонен объяснять тем, что А.А. Гайворовский в погоне за эффектным, забавным примером не увидел главное содержания, не соответствующего необходимости, что профессор А.А. Гайворовский разъяснил устно или письменно свои взгляды по этому вопросу.

Зав. кафедрой профессор Сергиевский в своем выступлении по этому вопросу отметил, по тому, что цитирует Менчинская, нет основания думать, что у профессора А.А. Гайворовского имеется скрытое сопротивление учению И.П. Павлова. Большое значение имеет, в каком тоне было выступление профессора А.А. Гайворовского. Мы об этом в данный момент не можем иметь правильных суждений⁵³.

Коллеги поддержали Александра Александровича, ведь, действительно, он искренне внедрял учение И.П. Павлова, о чем свидетельствует рукопись его статьи «Наглядность в свете учения И.П. Павлова о 1-й и 2-й сигнальных системах»⁵⁴.

В это же время его заинтересовали люди с необычными возможностями, и он дружил с артистами цирка, среди которых были укротители Н.П. Гладильщиков, И.Ф. Рубан, И.Н. Бугримова, артист оригинального жанра, исполнитель номера «Живая счетная машина» Я.Г. Острин. Общается с директором Куйбышевского художественного музея и председателем правления Куйбышевского областного Союза художников А.Н. Михрянном. Интерес к психологии творческих людей подтолкнул его к сбору материала для будущей книги, о чем можно узнать из письма Н.П. Гладильщикова: он сообщает, с кем ему удалось договориться для интервью Гайворовского (один из них – дрессировщик Н.П. Волков). Сохранилась фотография, подаренная Я.Г. Остриным Гайворовскому, где на обороте надпись: «1953 г. Милому профессору А.А. Гайворовскому на память о совместной работе на пользу человечеству». Фото от И.Ф. Рубана также подписано: «На долгую, добрую память товарищу А.А. Гайворовскому. г. Куйбышев, 9.VII. 1952 год».

Ничего не известно о научной деятельности Александра Александровича в 1950-е гг. Он ушел на пенсию в феврале 1961 г., умер 8 мая 1963 г., предварительно написав на листочке, «что нужно сделать». В трогательных восьми пунктах содержится последняя забота о своих близких. Галина Александровна вспоминала, что 29 апреля он объехал всех своих знакомых и

⁵³ ГАСО. Ф. 2304. Оп. 1. Д. 404. Лл. 12-13.

⁵⁴ Из домашнего архива Г.А. Петербургской.

пригласил их на свое последнее торжество. Никто, конечно, ничего не понял, а вскоре он скончался»⁵⁵.

В частной переписке Галина Александровна вспоминала: «отец был интеллигентом типа Лихачева. Их манера поведения очень похожа. Человек был высоко эрудированный. Говорят, что лектор был блестящий. Гайворовского все окружающие обожали, любили и почитали. Все, кроме его жен. Те жалели, но расставались с ним. Между собой они были очень дружны, т.к. понимали друг друга. ... А.А. любил красивые вещи. Вся его квартира была уставлена старинными статуэтками, старинными часами, был стол орехового дерева из имения Орловых-Давыдовых, где его отец работал землемером».

Вот такая жизнь одного малоизвестного ученого, со всем своим романтическим энтузиазмом откликнувшегося на лозунги и требования новой жизни, искренно участвовавшим в перестройке психологии в 1920-х гг. Постановление 1936 г. изменило его, как и других педологов и психотехников. Немедленно начав мимикрировать, чтобы стать незаметными и уцелеть, они взялись разрабатывать новые темы и проблемы, как правило, педагогические. Было ли им также интересно? Трудно ответить, наверное, кому как... Но из их работ будто пропал свежий ветер и звонкий ритм, ощутимый и слышимый порой в их ранних «сырых», небрежных, дерзких исследованиях. «Время, вперед!» закончилось надолго.

Список литературы:

1. Антонюк С. I Всесоюзный съезда по изучению поведения человека // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2-3. С. 226-231.
2. Асіповіч М.П. Высшее образование в Белоруссии // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 157.
3. Бебчук Л.С., Гайворовский А.А., Резников М.А. Показания и противопоказания к приему женщин в профессию наждачницы на Ростсельмаше // Труды Азово-Черноморского краевого научно-исследовательского института охраны материнства и младенчества. 1934. Вып. 1. С. 12-27

⁵⁵ Из писем Г.А. Петербургской Н. Стоюхиной.

4. Булгаков В. О высшей школе и о науке // *Голос студенчества*. 1910. № 7. С. 2-5.
5. Быков К.М. Развитие идей И.П. Павлова (задачи и перспективы) // К.М. Быков. Избр. произведения. Т. 1. М., 1953. С. 316–364.
6. Василейский С.М., Гайворовский А.А., Вержболович С.М. Из теории и практики профориентации и профконсультации (для педагогов, педологов, врачей и студентов). Минск, 1929. 138 с.
7. Винокур Г.О. Биография и культура /Предисловие В.А. Виноградова. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 96 с.
8. Возвращенные имена: Сотрудники Академии наук Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий /Сост. и автор предисл. Н.В. Токарев; Под ред. А.С. Махнач. Мн.: Навука і тэхніка, 1992. 120 с.
9. Вольфсон С. Классовая борьба на научном фронте Белоруссии // *Фронт науки и техники*. 1931. № 1. С. 35-42.
10. Всесоюзный психотехнический съезд // *Психотехника и психофизиология труда*. 1931. № 2-3. С. 171-173.
11. Гайворовский А. Зачарованные тропинки (Эскизы, настроения, фантазии, интуиции, реальности). 1916-1926. Б/м.
12. Гайворовский А.А., Андреева В.Н. опыт применения целостного эксперимента для исследования технически конструктивного развития школьников (к типологии технически-конструктивного развития) // *Труды Северо-Кавказского института организации труда*. 1932. С. 67-86.
13. Горецкий М. Белорусская литература // *Октябрь*. 1928. № 4. С. 220-225.
14. Доброхотов С.П. О научно-исследовательской тематике кафедр педагогики педагогических институтов // *Советская педагогика*. 1944. « 2-3. С. 47-50.
15. Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»; практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. 208 с.
16. Из газет и журналов // *Советская психотехника*. 1932. № 1-2. С. 139-142.
17. Ильинский И. Заметки о высшей школе // *Новый мир*. 1929. № 3. С. 225-232.
18. Кандыбович Л.А., Стоюхина Н.Ю. Александр Александрович Гайворовский: психолог, педагог, психотехник // *Проблемы выхавання*. 2009. № 6. С. 27-34.
19. Кириенко А. Из работ I Педологического съезда // *На путях к новой школе*. 1928. № 1. С. 22-31.
20. Колбановский В. О психологическом образовании в СССР // *Фронт науки и техники*. 1936. № 8. С. 50-55.

21. Корнилов К.Н. Методика преподавания психологии в педагогических институтах // Педагогическое образование. 1935. № 5. С. 40-53.
22. Мазилев В.А., Стоюхина Н.Ю. Последняя осень советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 223-236.
23. Менчинская, Н.А., Соколов М.В., Шемякин Ф. Н. К итогам совещания по вопросам психологии // Советская педагогика. 1952. № 8. С. 88-99.
24. На совещаниях заведующих кафедрами педагогики и преподавателей психологии в педвузах // Педагогическое образование. 1936. № 5. С. 39-43.
25. Научная сессия, посвященная проблемам, физиологического учения И.П. Павлова. 28 июня – 4 июля 1950. Стенографический отчет. М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 735 с.
26. Полянский Н.Я. Научные кружки их задачи // Голос студенчества. 1910. № 4. С. 2.
27. Португалов Ю.В. По поводу полемики проф. Чижа и д-ра Каплана // Вопросы философии и психологии. 1903. № 1. С. 146-155.
28. Преподавание психолого-педагогических дисциплин на педагогическом факультете БГУ // Асьвета. 1926. № 4. С. 141.
29. Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. 248 с.
30. Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека). Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л.: Госмедиздат, 1930. 384 с.
31. Психофизиология труда и психотехника. М.: Госмедиздат, 1929. 250 с.
32. Рождественский С.И. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. 785 с.
33. Романов А.А. Опыт-экспериментальная педагогика первой трети XX века. М.: Кн.-журн. изд-во «Школа», 1997. 304 с.
34. Рубинштейн С.Л. Вопросы преподавания психологии в педвузе // Педагогическое образование. 1935. № 4. С. 40-44.
35. Рыбников Н. Советский школьник по работам секции первого школьного возраста // На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 43-49.
36. Стоюхина Н.Ю. Взаимодействие и противостояние психологии и физиологии в школьных учебниках в СССР в 1950-е гг. // Методология и история психологии. 2009. Том 4. Выпуск 2. С. 76-86.
37. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи педагоги в Нижегородском университете: 1918-1921 гг. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2013. 307 с.

38. Стоюхина Н.Ю. Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы советской власти. Санкт-Петербург: Любавич, 2011. 232 с.
39. Стоюхина Н.Ю. Проблемы изучения истории «провинциальной психологии» // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С. 152-157.
40. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 429 с.
41. Стоюхина Н.Ю. Судьба и научное творчество Серафима Михайловича Василейского // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 2. С. 115-131.
42. Стоюхина Н.Ю., Кандыбович Л.А. Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20-30-е гг. XX ст.). Минск: Тесей, 2009. 328 с.
43. Храмов Л.В. Рождение Самарского государственного университета // http://www.universite.ssau.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=295&Itemid=73
44. Чуковский К. Бобровка на Сапе // Новый мир. 1931. № 2. С. 128-137.
45. Хроника // Волжская коммуна. 1934. 12 декабря. С. 4.
46. Хроника. Новый состав Правления Ростовского отделения ВОПиПП // Советская психотехника. 1933. № 3. С. 289.

References:

1. Antonyuk S. I Vsesoyuznyiy s'ezda po izucheniyu povedeniya cheloveka // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. 1930. # 2-3. S. 226-231.
2. Asipovich M.P. Vyishee obrazovanie v Belorussii // Krasnaya molo-dezh. 1924. # 2. S. 157.
3. Bebchuk L.S., Gayvorovskiy A.A., Reznikov M.A. Pokazaniya i protivopokazaniya k priemu zhenshin v professiyu nazhdachnitsyi na Rost-selmashe // Trudyi Azovo-Chernomorskogo kraevogo nauchno-issledovatel-skogo instituta ohranyi materinstva i mladenchestva. 1934. Vyip. 1. S. 12-27
4. Bulgakov V. O vyisshy shkole i o nauke // Golos studenchestva. 1910. # 7. S. 2-5.
5. Byikov K.M. Razvitie idey I.P. Pavlova (zadachi i perspektivy) // K.M. Byikov. Izbr. proizvedeniya. T. 1. M., 1953. S. 316–364.
6. Vasileyskiy S.M., Gayvorovskiy A.A., Verzhbolovich S.M. Iz teorii i praktiki proforientatsii i profkonsultatsii (dlya pedagogov, pe-dologov, vrachey i studentov). Minsk, 1929. 138 s.

7. Vinokur G.O. Biografiya i kultura /Predislovie V.A. Vinogrado-va. M.: Izdatelstvo LKI, 2007. 96 s.
8. Vozvraschennyye imena: Sotrudniki Akademii nauk Belarusi, postra-davshie v period stalinskih repressiy /Sost. i avtor predisl. N.V. Tokarev; Pod red. A.S. Mahnacha. Mn.: Navuka i tehnika, 1992. 120 s.
9. Volfson S. Klassovaya borba na nauchnom fronte Belorussii // Front nauki i tehniki. 1931. # 1. S. 35-42.
10. Vsesoyuznyiy psihotekhnicheskiiy s'ezd // Psihotekhnika i psiho-fiziologiya truda. 1931. # 2-3. S. 171-173.
11. Gayvorovskiy A. Zacharovannyye tropinki (Eskizyi, nastroyeniya, fantazii, intuitsii, realnosti). 1916-1926. B/m.
12. Gayvorovskiy A.A., Andreeva V.N. opyt primeneniya tselostno-go eksperimenta dlya issledovaniya tekhnicheskii konstruktivnogo raz-vitiya shkolkov (k tipologii tekhnicheskii-konstruktivnogo razvi-tiya) // Trudy Severo-Kavkazskogo instituta organizatsii truda. 1932. S. 67-86.
13. Goret'skiy M. Belorusskaya literatura // Oktyabr. 1928. # 4. S. 220-225.
14. Dobrohotov S.P. O nauchno-issledovatel'skoy tematike kafedr pedagogiki pedagogicheskiih institutov // Sovetskaya pedagogika. 1944. « 2-3. S. 47-50.
15. Ere'meeva A.N. «Nahodyas po usloviyam vremeni v provin-tsii...»; praktiki vyizhivaniya rossiyskiih uchenyih v gody Grazhdan-skoy voynyi. Krasnodar: Platonov I., 2017. 208 s.
16. Iz gazet i zhurnalov // Sovetskaya psihotekhnika. 1932. # 1-2. S. 139-142.
17. Ilinskiy I. Zametki o vyisshey shkole // Novyy mir. 1929. # 3. S. 225-232.
18. Kandyibovich L.A., Stoyuhina N.Yu. Aleksandr Aleksandrovich Gayvorovskiy: psiholog, pedagog, psihotekhnik // Prablemy vyiha-vannya. 2009. # 6. S. 27-34.
19. Kirienko A. Iz rabot I Pedologicheskogo s'ezda // Na putyah k novoy shkole. 1928. # 1. S. 22-31.
20. Kolbanovskiy V. O psihologicheskome obrazovanii v SSSR // Front nauki i tehniki. 1936. # 8. S. 50-55.
21. Kornilov K.N. Metodika prepodavaniya psihologii v pedago-gicheskiih institutah // Pedagogicheskoe obrazovanie. 1935. # 5. S. 40-53.
22. Mazilov V.A., Stoyuhina N.Yu. Poslednyaya osen sovetskoy psi-hotekhniki // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. 2014. T. 2. # 4. S. 223-236.
23. Menchinskaya, N.A., Sokolov M.V., Shemyakin F. N. K itogam so-veschaniya po voprosam psihologii // Sovetskaya pedagogika. 1952. # 8. S. 88-99.
24. Na soveschaniyah zaveduyuschiih kafedrami pedagogiki i prepoda-vateley psihologii v pedvuzah // Pedagogicheskoe obrazovanie. 1936. # 5. S. 39-43.

25. Nauchnaya sessiya, posvyaschennaya problemam, fiziologicheskogo ucheniya I.P. Pavlova. 28 iyunya – 4 iyulya 1950. Stenograficheskiy otchet. M.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 735 s.
26. Polyanskiy N.Ya. Nauchnyie kruzhki ih zadachi // Golos studenche-stva. 1910. # 4. S. 2.
27. Portugalov Yu.V. Po povodu polemiki prof. Chizha i d-ra Kap-lana //Voprosyi filosofii i psihologii. 1903. # 1. S. 146-155.
28. Prepodavanie psihologo-pedagogicheskikh distsiplin na pedago-gicheskom fakultete BGU // Asveta. 1926. # 4. S. 141.
29. Psihologicheskiiy institut v Moskve: rossiyskiy tsentr psiho-logicheskoy nauki, kulturyi i obrazovaniya. Dokumentalnaya leto-pis k 100-letiyu so dnya osnovaniya. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. 248 s.
30. Psihonevrologicheskie nauki v SSSR (Materialyi I Vsesoyuz-nogo s'ezda po izucheniyu povedeniya cheloveka). Otv. red. A.B. Zal-kind. M.-L.: Gosmedizdat, 1930. 384 s.
31. Psihofiziologiya truda i psihotekhnika. M.: Gosmedizdat, 1929. 250 s.
32. Rozhdestvenskiy S.I. Istoricheskiy obzor deyatelnosti Mini-sterstva narodnogo prosvescheniya. 1802-1902. SPb., 1902. 785 s.
33. Romanov A.A. Opyitno-eksperimentalnaya pedagogika pervoy treti HH veka. M.: Kn.-zhurn. izd-vo «Shkola», 1997. 304 s.
34. Rubinshteyn S.L. Voprosyi prepodavaniya psihologii v pedvuze // Pedagogicheskoe obrazovanie. 1935. # 4. S. 40-44.
35. Ryibnikov N. Sovetskiy shkolnik po rabotam seksii pervogo shkolnogo vozrasta // Na putyah k novoy shkole. 1928. # 1. S. 43-49.
36. Stoyuhina N.Yu. Vzaimodeystvie i protivostoyanie psihologii i fiziologii v shkolnyih uchebnikah v SSSR v 1950-e gg. // Metodo-logiya i istoriya psihologii. 2009. Tom 4. Vyipusk 2. S. 76-86.
37. Stoyuhina N.Yu. Vyidayuschiesya psihologi pedagogi v Nizhego-rodskom universitete: 1918-1921 gg. Nizhniy Novgorod: Izdatel-stvo Nizhegorodskogo universiteta, 2013. 307 s. Pechataetsya po re-sheniyu UchYonogo soveta NNGU. Ser. K 100-letiyu NNGU
38. Stoyuhina N.Yu. Gumanitarnoe obrazovanie v provintsii. Ni-zhegorodskiy universitet v pervyie godyi sovetskoy vlasti. Sankt-Peterburg: Lyubavich, 2011. 232 s.
39. Stoyuhina N.Yu. Problemyi izucheniya istorii «provintsial-noy psihologii» // Mir nauki, kulturyi, obrazovaniya. 2013. # 1 (38). S. 152-157.
40. Stoyuhina N.Yu. Psihologiya vozdeystviya v sovetskoy psihoteh-nike: 1920-1930-e gg. Yaroslavl: RIO YaGPU, 2016. 429 s.

41. Stoyuhina N.Yu. Sudba i nauchnoe tvorchestvo Serafima Mi-haylovicha Vasileyskogo // Metodologiya i istoriya psihologii. 2010. T. 5. # 2. S. 115-131.
42. Stoyuhina N.Yu., Kandyibovich L.A. Psihotehniki Belarusi: imena i sudbyi (20-30-e gg. НН st.). Minsk: Tesey, 2009. 328 s.
43. Hramkov L.V. Rozhdenie Samarskogo gosudarstvennogo univer-siteta // http://www.universite.ssau.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=295&Itemid=73
44. Chukovskiy K. Bobrovka na Sare // Novyy mir. 1931. # 2. S. 128-137.
45. Hronika // Volzhskaya kommuna. 1934. 12 dekabrya. S. 4.
46. Hronika. Novyyi sostav Pravleniya Rostovskogo otdeleniya VOPIPP // Sovetskaya psihotehnika. 1933. # 3. S. 289.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/gaivarovskyaa.php>

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Библиография

Ибрагимбеков Фуад Ахмедович: данные библиографии #1

Ибрагимбекова Рена Фуадовна

Бакинский государственный университет, Азербайджан

e-mail: ibrrena@gmail.com

Аннотация. Приводится список трудов Ф.А. Ибрагимбекова (1901-1985), советского и азербайджанского психолога, психопатолога и психолингвиста.

Ключевые слова: психология, наука, Ф.А. Ибрагимбеков, Азербайджан, библиография, психопатология, психолингвистика

Ibragimbekov Fuad Ahmedovich: facts of biography #1

Ibragimbekova Rena Fuadovna

Baku State University, Azerbaijan

e-mail: ibrrena@gmail.com

Abstract. The author presented a list of the works of F.A. Ibragimbekov (1901-1985), Soviet and Azerbaijani psychologist, psychopathologist and psycholinguist.

Keywords: Psychology, science, F.A. Ibragimbekov, Azerbaijan, bibliography, psychopathology, psycholinguistics

1930

1. Ибрагимбеков Ф. Сочетанная моторно-выразительная методика исследования гиперэмоции // Психоневрологические науки в СССР. Материалы Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека. Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л., 1930. С.104-105.

2. İbrahimbəyov F. Məktəblərə yeni daxil olan uşaqlara səviyyəyə eyni qruplara ayırmaq üçün pedaqoqlar necə müayinə etməlidir. Kommunist Tərbiyəsi uğrunda. 1930.
3. Ибрагимбеков Ф. О синкретической структуре умственно отсталых. Оттиск. 1930.

1931

4. İbrahimbəyov F. Antropometriya ölçüləri. Оттиск. 1931.
5. Ибрагимбеков Ф. Метод бессловесного исследования интеллектуальных функций. Тезисы докладов VII Международной Психотехнической конференции. Ленинград, 1931.
6. Ибрагимбеков Ф. К проблеме национальных тестов // На психотехническом фронте. Материалы к Первому съезду Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии. Май 1931, Ленинград. Ч. 1. М.-Л., 1931. С. 55-56.

1934

7. Ибрагимбеков Ф.А. О методе исследования интеллекта. Рукопись. 1934.
8. Ибрагимбеков Ф.А. К вопросу о трудовой терапии шизофрении. Рукопись. 1934.

1936

9. Ибрагимбеков Ф.А. К проблеме психопатии. Рукопись. 1936.

1937

10. Ибрагимбеков Ф.А. О последовательном изучении психозов. Рукопись. 1937.

1938

11. Ибрагимбеков Ф.А. О гипнотических реакциях // Невропатология и психиатрия. 1938. № 7-8.

1939

12. Ибрагимбеков Ф.А. Анашизм с военно-психиатрической точки зрения. Рукопись. 1939.
13. Ибрагимбеков Ф.А. Об одном механизме атипичной формы маниакально-депрессивного психоза. Рукопись. 1939.

1940

14. Ибрагимбеков Ф.А. Расстройства сознания в генезе шизофреноподобной симптоматики // Доклады научной конференции АМИ, 1940.
15. Ибрагимбеков Ф.А. Атипичные формы маниакально-депрессивного психоза. Рукопись. 1940.

1942

16. Ибрагимбеков Ф.А. Вопросы судебно-психологической экспертизы при воинских преступлениях, совершенных психопатичными личностями. Рукопись. 1942.

1943

17. Ибрагимбеков Ф.А. О реактивных тенденциях психопатической личности // Сборник трудов Центрального Института Психиатрии. 1943.
18. Ибрагимбеков Ф.А. Психогенные реакции военного времени и экспертизы при них. Рукопись. 1943.
19. Ибрагимбеков Ф.А. Посттравматические шизофреноподобные состояния // Сборник трудов Центрального Института Психиатрии. 1943. № 4.

1944

20. Ибрагимбеков Ф.А. О состоянии психиатрической помощи в Азерб. ССР в годы Отечественной войны. Рукопись. 1944.
21. Ибрагимбеков Ф.А. О симуляции душевных заболеваний в военное время. Рукопись. 1944.
22. Ибрагимбеков Ф.А. Вопросы экспертизы невро-психических отклонений. Рукопись. 1944.
23. Ибрагимбеков Ф.А. О поздних психогениях. Рукопись. 1944.
24. Ибрагимбеков Ф.А. Психические нарушения на основе хронического раневого сепсиса. Рукопись. 1944.
25. Ибрагимбеков Ф.А. Суицидальные попытки и высказывания в свете психиатрической экспертизы. Рукопись. 1944.

1945

26. Ибрагимбеков Ф.А. Психозы при внечерепных ранениях. 1945
27. Ибрагимбеков Ф.А. Отдаленное посттравматическое состояние в свете судебно-психиатрической экспертизы. Доклад на юбилейном сессии Центр. Института Психиатрии. 1945.

1946

28. Ибрагимбеков Ф.А. Развитие психологической помощи в Азербайджане. Рукопись. 1946.

1947

29. Ибрагимбеков Ф.А. Психозы при хронических инфекциях. Рукопись. 1947.
30. Ибрагимбеков Ф.А. Состояние психологической помощи в Азербайджане. Рукопись. 1947.
31. Ибрагимбеков Ф.А. Психолого-психиатрические представления Низами. Рукопись. Доклад на конференции АМИ. 1947.
32. İbrahimbəyov F.Ə. Əyüaşlıq və onunla mübarizə. Azərbaycan. 1947.

1948

33. Ибрагимбеков Ф.А. О «факторах выхода из психоза». Доклад на III Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров // Ученые записки АПИЯ им. М.Ф. Ахундова. 1948. № 11.

1956

34. Ибрагимбеков Ф.А. О языковых взаимодействиях в индивидуальном сознании // Ученые записки Азербайджанского госпединститута. 1956. Вып. 3. С. 111.
35. İbrahimbəyov F.Ə. Fərdi şüurda dillərin qarşılıqlı münasibətləri. M.F. Axundov adına APRDƏİ-nin elmi əsərləri. 1956, III buraxılış.

1957

36. Ибрагимбеков Ф.А. О языковых взаимодействиях в индивидуальном сознании. Баку, 1957.

1958

37. Ибрагимбеков Ф.А. Некоторые вопросы психологической терминологии на азербайджанском языке. Ученые записки АПИЯ им. М.Ф. Ахундова. 1958. № 6.

1959

38. Ибрагимбеков Ф.А. О языковых взаимодействиях. Тезисы докладов I Закавказского совещания психологов. Тбилиси. 1959.
39. Ибрагимбеков Ф.А. Двухязычие, его структура и индивидуальная типология. Тезисы докладов I Всесоюзного съезда психологов. Москва. 1959.

1960

40. Ибрагимбеков Ф.А. Идеи психической реактивности в Азербайджанской классической литературе. Тезисы докладов II Закавказского Сопещения психологов. Ереван.1960.

1961

41. Ибрагимбеков Ф.А. К вопросу о связях мышления и речи при двуязычии и многоязычии // Ученые записки Азербайджанского гос. пед.института им. Ахундова. 1961. Вып. 9. С. 169-188.
42. Ибрагимбеков Ф.А. К психологическим основам обучения двум языкам. Тезисы докладов межвузовской конференции. 1961.
43. Ибрагимбеков Ф.А. Некоторые вопросы обучения русскому языку в нерусской школе // Вопросы психологии. 1961. № 4. С. 136-141.

1962

44. Ибрагимбеков Ф.А. Произведения азербайджанской классической литературы как источник по истории психологии // Ученые записки АПИЯ им. М.Ф. Ахундова. 1962. № 16.
45. Ибрагимбеков Ф.А. О психологических основах обучения русскому языку в азербайджанской школе // Русский язык в национальной школе. 1962. № 4.
46. Ибрагимбеков Ф.А. О психологических основах обучения русскому языку в национальной школе // Сб. работ II Межреспубликанской конференции по вопросам улучшения преподавания русского языка в национальных школах. Ташкент, 1962. С. 185-203.
47. Ибрагимбеков Ф.А. О психологических основах обучения русского языка в национальной школе. Баку, 1962. 25 с.
48. Ибрагимбеков Ф.А. О психологических основах обучения русскому языку в национальной школе. Баку: БГУ, 1962. 43 с.
49. Ибрагимбеков Ф.А. О психологических основах повышения эффективности обучения русскому языку в нерусской школе. Материалы III Закавказской конференции психологов. Баку. 1962. 87 с.
50. Ибрагимбеков Ф.А. Психологические основы овладения вторым языком. Баку, 1962. 148 с.

1963

51. Ибрагимбеков Ф.А. О взаимодействии во второй сигнальной системе при билингвизме и полиглосии // Материалы VIII научной конференции Закавказских педагогических институтов по проблемам физиологии. Баку. 1963.

52. Ибрагимбеков Ф.А. «Чувство языка»: его возникновение, развитие и методика исследования // Тезисы докладов II Съезда общества психологов. Вып. I. Общая психология. М., 1963. С. 104-105.

1964

53. Ибрагимбеков Ф.А. Метод стимулирования развития независимости речи на изучаемом языке от родной речи // Материалы I республиканской конференции высших учебных заведений по проблемам филологии и педагогики. Баку 1964.
54. Ибрагимбеков Ф.А. Избирательность речевого восприятия и обучение языкам. Материалы III Узбекской Республиканской конференции по вопросам психологии. Ташкент 1964.
55. Ибрагимбеков Ф.А. Развитие независимости речи на изучаемом языке от родной ведущая задача обучения языкам // Республиканская конференция по вопросам языкознания и методики преподавания иностранных языков. Алма-Ата, 1964. С. 53-57.
56. Ибрагимбеков Ф.А. Метод исследования явлений билингвизма, основывающийся на теории селекции и обратной связи // Вестник высшей школы. 1964. № 9.
57. İbrahimbəyov F.Ə. Psixologiya. Ali məktəblər üçün dərslik. III fəsil: Psixikanın inkişafı. IX fəsil: Nitq. XVIII fəsil: Temperament. Bakı 1964.

1965

58. Ибрагимбеков Ф.А. Развитие психологии в Азербайджане после III Закавказской конференции 1962 г. Материалы Закавказской конференции психологов. Тбилиси 1965.
59. Ибрагимбеков Ф.А. О психологических основах обучения русскому языку в национальной школе // Велик и могуч. Ташкент, 1965. С. 185-203.

1966

60. Ибрагимбеков Ф.А. О «чувстве языка» // Русский язык в национальной школе. 1966. № 3.
61. Ибрагимбеков Ф.А. Восприятие речи при билингвизме // XVIII Международный конгресс по психологии. Общие проблемы психологии. Москва. 1966.

62. Ибрагимбеков Ф.А. Взаимодействие речевых явлений с эволюцией языка // Основные проблемы эволюции языка. Всесоюзная конференция по языкознанию. Самарканд. 1966.

1968

63. Ибрагимбеков Ф.А. О языковых полях в сознании при билингвизме // III Всесоюзный съезд общества психологов СССР. Т.1. М., 1968. С. 289-290.
64. Ибрагимбеков Ф.А. Тренировка билингвизма в зоне преодолимых помех // XVI Международный конгресс по прикладной психологии. Амстердам. 18-27 август, 1968.

1969

65. Ибрагимбеков Ф.А. Об актуальности исследований в области психологии отношения и исторических изменений личности. Доклад на сессии Общества Психологов АПН СССР. г. Тарту, 1969.

1970

66. Ибрагимбеков Ф.А. Эволюция личности // Проблемы личности. М., 1970. Т. 2. С. 57-71.

1971

67. Ибрагимбеков Ф.А. Смещение реакции и расширение сознания. Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов СССР. Тбилиси, 1971.

1972

68. Ибрагимбеков, Ф.А. Развитие психологической науки в СССР. Азербайджанская ССР // Вопросы психологии. 1972. № 6. С. 36-40.
69. Ибрагимбеков Ф.А. Мультикультуральное скрещивание и изменения психики // Тезисы докладов XX Международного Психологического Конгресса (Токио, 13-19 августа). Москва, 1972.

1973

70. Байрамов А.С., Ибрагимбеков Ф.А. Психологический аспект в творчестве революционного демократа М.Ф. Ахундова // Вопросы психологии. 1973. № 2. С. 117-122.

1974

71. Ибрагимбеков Ф.А. Уровни изменений личности в исторической психологии // VI Закавказская конференция психологов (29-31 января 1974 г.). Тезисы докладов. Баку 1974.

1977

72. Ибрагимбеков Ф.А. Проблема «Восток-Запад» в сфере психологической мысли // VII Закавказская конференция психологов. 1- 4 февраля 1977 г. Тезисы докладов. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

1982

73. Ибрагимбеков Ф.А. Восток-Запад: Взаимообогащение психологических исканий в различные исторические периоды // Актуальные проблемы истории психологии. Всесоюзная конференция. Тексты докладов. Ереван, 25-26 марта 1982. Т. 1. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1982. С. 19-28.

1985

74. Ибрагимбеков Ф.А. Мультикультурное скрещивание и взаимообогащение психологических исканий в различные исторические периоды // Этнопсихологические проблемы развития личности. Тематический сборник научных трудов. Баку. 1985. С. 6-18.

1989

75. Байрамов А.С., Ибрагимбеков Ф.А. Психологический аспект в творчестве революционного демократа М.Ф. Ахундова // Психологические этюды. Баку: Азернешр, 1989. 219 с.

Сведения об авторе:

Ибрагимбекова Рена Фуадовна, Д-р философии (психология), зав.кафедрой «Гендер и прикладная психология», Бакинский государственный университет (Азербайджан)

Потебня Александр Афанасьевич: данные библиографии #1

Лакомова Анастасия Александровна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;

Лицей №28 имени академика Б.А.Королева, Россия

e-mail: nastyalakomova@mail.ru

Хусяинов Тимур Маратович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: timur@husyainov.ru

Аннотация. В данной статье представлен список научных трудов известного российского этнопсихолога, языковеда, философа, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук Александра Афанасьевича Потебня (1835-1891).

Ключевые слова: Потебня, этнопсихология, лингвистика, украинистика

Potebnja Aleksandr Afanasievich: facts of bibliography #1

Lakomova Anastasia Aleksandrovna

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Liceum № 28 named after B.A. Korolev, Russia

e-mail: nastyalakomova@mail.ru

Khusyainov Timur Maratovich

National Research University “Higher School of Economics – Nizhny Novgorod”;

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

e-mail: timur@husyainov.ru

Abstract. This article presents a list of scientific works of the famous Russian ethnopsychologist, linguist, philosopher, corresponding member of the Imperial St.-Petersburg Academy of Sciences Alexander Afanasievich Potebnja (1835-1891).

Keywords: Potebnja, ethnopsychology, linguistics, Ukrainian Studies

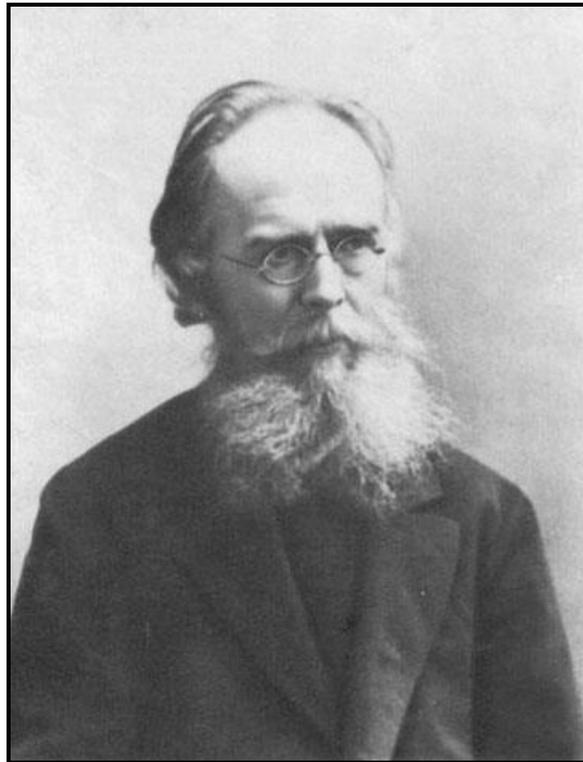

Рис. 1. Потebня Александр Афанасьевич

1. Потebня А.А. Из записок о русской грамматике. Харьков, 1874. Тт. 1–2.
2. Потebня А.А. Мысль и язык. СПб., 1892.
3. Потebня А.А. Отзыв о сочинении А. Соболевского // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1896. Т. I. Кн. 4. С. 804–831. (Рец. на кн.: Соболевский А. Очерки из истории Русского языка. Киев, 1884. Ч. 1.)
4. Потebня А.А. Из записок о русской грамматике. Харьков, 1899. Т. 3.
5. Потebня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
6. Потebня А.А. Мысль и язык. 3 издание. Харьков: Типография Мирный труд, 1913.
7. Потebня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. 2-е изд. Харьков, 1914.
8. Потebня А.А. Из лекций по теории словесности. 3-е изд. Харьков, 1930.

9. Потебня А.А. Из записок о русской грамматике. М.–Л., 1941. т. 4.
10. Потебня А.А. Из записок о русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1–2. 536 с.
11. Потебня А.А. Из записок о русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 552 с.
12. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 616 с.
13. Потебня А.А. Из записок о русской грамматике. М., 1977. т. 4, вып. 2.
14. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.
15. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.
16. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. — М.: Высш. шк., 1990. 313 с.
17. Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
18. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
19. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М., 2007.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/potebnjaaa.php>

Сведения об авторах:

Лакомова Анастасия Александровна, магистрантка 1 года обучения кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; социальный педагог, Лицей №28 имени академика Б.А.Королева (Россия)

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Парыгин Борис Дмитриевич: данные библиографии #1

Хусяинов Тимур Маратович

*Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" –
Нижний Новгород;*

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: timur@husyainov.ru

Аннотация. В данной статье представлен список научных трудов известного советского социального психолога Бориса Дмитриевича Парыгина (1930-2012) Специалист в области философско-социологических проблем социальной психологии — её истории, методологии, теории и праксиологии, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Ключевые слова: Парыгин, библиография, социальная психиатрия, общественные настроения.

Parygin Boris Dmitrievich: facts of bibliography #1

Khusyainov Timur Maratovich

National Research University "Higher School of Economics – Nizhny Novgorod";

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

e-mail: timur@husyainov.ru

Abstract. This article presents a list of the scientific works of the famous Soviet social psychologist Boris Dmitrievich Parygin (1930-2012). He was a specialist in the field of philosophical and sociological problems of social psychology - its history, methodology, theory and praxeology, Honored Scientist of the Russian Federation.

Keywords: Parygin, bibliography, social psychiatry, public attitudes

1958

1. Парыгин Б.Д. В. И. Ленин о социальной психологии масс как важнейшем элементе надстройки // Труды ЛПМИ. Л., 1958.

2. Парыгин Б.Д. В. И. Ленин об общественных настроениях // Вестник ЛГУ. 1959. №17.

1959

3. Парыгин Б.Д. О психологическом направлении в современной буржуазной социологии и о социальной психологии (рец.) // Вестник ЛГУ. 1959. №23.

1962

4. Парыгин Б.Д. К вопросу о предмете социальной психологии // Вопросы психологии. 1962. №5.

1963

5. Парыгин Б.Д. Вопросы социальной психологии в работах Г. В. Плеханова // Проблемы общественной психологии. М., 1965.
6. Парыгин Б.Д. К. Маркс и Ф. Энгельс об общественной психологии // Проблемы общественной психологии. М., 1965.
7. Парыгин Б.Д. Общественное настроение, его природа и динамика // Проблемы общественной психологии. М., 1965.
8. Парыгин Б.Д. Общественная психология как социальное явление // Философские науки. 1964. №6.
9. Парыгин Б.Д. Общественное настроение как социологическая категория // Вестник ЛГУ. 1963. №5.
10. Парыгин Б.Д. Общественное настроение как объект социально-психологического исследования // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов». Вып. 5. Симпозиум по социальной психологии. Л. 1963.
11. Парыгин Б.Д. Сопещение по проблемам социальной психологии // Вопросы психологии. 1963. №3. С. 181-183.

1965

12. Выпуск 1: Вопросы философии и психологии : сборник работ аспирантов философского факультета ЛГУ / Ред. Б.Д. Парыгин, А.В. Ярмоленко. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1965. 148 с.
13. Парыгин Б.Д. О некоторых особенностях формирования коммунистической общественной психологии // Уч. записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. VI. Философия. 1965.
14. Парыгин Б.Д. Что такое социальная психология. Л. «Знание», 1965.
15. Парыгин Б.Д., Рожин В.П. Формирование коммунистической психологии. М. 1965.

1966

16. Парыгин Б.Д. Общественное настроение / ред. В.И. Евсевичев. Москва: Мысль, 1966. 327 с.
17. Парыгин Б.Д., Крундышев А.А. К итогам Иенского симпозиума по проблем социальной психологии // Вопросы психологии. 1966. №2. С. 185-188.
18. Парыгин Б.Д. Глава III. Формирование коммунистической общественной психологии (в соавт. с В. П. Рожиным) // Социализм и коммунизм. Т. III. «Строительство коммунизма и духовный мир человека». М. 1966.

1967

19. Баранов А. В., Парыгин Б.Д. Об измерении ориентации личности в условиях принятия оперативного решения // Количественные методы в социальных исследованиях: Материалы симпозиума. Сухуми, 1967.
20. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. 2-е издание, исправленное и дополненное. Ленинград: Лениздат, 1967. 264 с.
21. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука (вопросы истории, методологии и теории): Автореф. дис. ... докт. философ. наук. Л.: 1967.
URL:
http://www.childpsy.ru/upload/dissertations/%CF%E0%F0%FB%E3%E8%ED%C1%C4_8_1967.htm
22. Парыгин Б.Д. Социальная психология и история // Вопросы психологии. 1967. №6. С. 164-167.

1971

23. Личность и группа: опыт социально-психологического исследования / ред. Б.Д. Парыгин. – Ленинград : Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1971. 196 с. (Ученые записки ; том 468) .
24. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. Москва: Мысль, 1971. 348 с.

1973

25. Выпуск 2 : Социальная психология и философия : сборник научных трудов / ред. Б.Д. Парыгин. Ленинград: Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, 1973. 244 с.

1975

26. Выпуск 3 : Социальная психология и философия / ред. Б.Д. Парыгин. Ленинград: Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, 1975. 180 с.
27. Понятия, принципы, категории: опыт философского и социально-психологического исследования: сборник научных трудов / Б.Д. Парыгин. Ленинград: Ленинградский ГПИ им.А.И.Герцена, 1975. 198 с.

1978

28. Парыгин Б.Д. Научно-техническая революция и личность: социально-психологические проблемы. Москва: Политиздат, 1978. 240 с.

1981

29. Научно-техническая революция и социальная психология : материалы межгородской конференции / Ред. Б.Д. Парыгин. Москва: Наука, 1981. 160 с.
30. Парыгин Б.Д. Социально-психологический климат коллектива. Пути и методы изучения. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1981. 192 с.

1982

31. Парыгин Б.Д. Климат коллектива как предмет диагностического исследования // Психологический журнал. 1982. Том3. №3. С. 49-63.

1986

32. Парыгин Б.Д. Психологическая готовность к работе в новых условиях: проблемы, тенденции и пути решения // Психологический журнал. 1986. Том7. №6. С. 3-14.

1989

33. Парыгин Б.Д. Психологическая готовность в условиях перестройки // Человек в системе наук / Ред. И.Т. Фролов. Москва: Наука, 1989. С. 402-412.

1992

34. Парыгин Б.Д. Жизненная стратегия личности // Психологический журнал. 1992. Том13. №2. С. 170-172.

1997

35. Практикум по социально-психологическому тренингу / ред. Б.Д. Парыгин. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, 1997. 308 с.

1999

36. Парыгин Б.Д. Социальная психология : проблемы методологии, истории и теории. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, 1999. 592 с.

2000

37. Парыгин Б.Д. Лидерство как инструмент интеграции общности // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. А.Л. Свенцицкий. Санкт-Петербург: Питер, 2000.
38. Практикум по социально-психологическому тренингу / ред. Б.Д. Парыгин. 3-е изд., испр. и доп. СПб: Издательство Михайлова В.А., 2000. 352 с.

2001

39. Парыгин Б.Д. Лидерство и руководство в структуре организации групповой деятельности и общения / Б.Д. Парыгин // Организационная психология: хрестоматия [психологический климат и организационная культура. Информационные процессы в организационно-управленческой деятельности. Парадигмы исследования и описания организаций. Организационное поведение, взаимодействие и развитие] / сост. Л.В. Винокуров, Л.В. Скрипюк. Санкт-Петербург: Питер, 2001. С. 119-129.
40. Парыгин Б.Д. Общение как информационный процесс в системе руководства и подчинения // Организационная психология: хрестоматия [психологический климат и организационная культура. Информационные процессы в организационно-управленческой деятельности. Парадигмы исследования и описания организаций. Организационное поведение, взаимодействие и развитие] / сост. Л.В. Винокуров, Л.В. Скрипюк. Санкт-Петербург: Питер, 2001. С. 495-507.
41. Парыгин Б.Д. Структура социально-психологического климата // Организационная психология: хрестоматия [психологический климат и организационная культура. Информационные процессы в организационно-управленческой деятельности. Парадигмы исследования и описания организаций. Организационное поведение, взаимодействие и развитие] /

сост. Л.В. Винокуров, Л.В. Скрипюк. Санкт-Петербург: Питер, 2001. С. 404-408.

2006

42. Парыгин Б.Д. История отечественной социальной психологии // Методология и история психологии. 2006. Том 1. №2. С. 5-20.

2010

43. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Истоки и перспективы. СПб: СПбГУП, 2010. 533 с.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/paryginbd.php>

Сведения об авторе:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Фотографии

Гайворовский Александр Александрович: фотографии #1

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. Представлены фотографии советского психолога, педолога, психотехника А.А. Гайворовского (1899-1963).

Ключевые слова: фотографии, детство, студенчество, биография, семья, Самара, Минск

Gaivorovsky Aleksandr Aleksandrovich: photographs #1

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. Photos of the Soviet psychologist, pedologist, psychotechnician A.A. Gaivorovsky (1899-1963) are presented.

Keywords: photographs, childhood, studenthood, biography, family, Samara, Minsk.

Фото 1-11, 15-17, 19, 20 предоставлено Г.А. Петербургской. Публикуются впервые.

Фото 12, 13, 14 предоставлено директором Музея истории Белорусского государственного университета Э.Л. Малиновской. Публикуются впервые.

Фото 18 предоставлено сотрудниками Архива ПИ РАО Е.П. Гусевой и О.Е. Серовой. Опубликовано в кн.: Психологический институт в Москве:

российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. 248 с. С. 78.

Рис. 1. А.А. Гайворовский в детстве

Рис. 2. Александр Владимирович – отец А.А. Гайворовского

Рис. 3. Мария Николаевна – мать А.А. Гайворовского

Рис. 4. Александр Владимирович Гайворовский с физическим прибором

Рис. 5. Члены религиозно-философского кружка. А. Гайворовский сидит на ступеньках справа. (1917/18 г. Самара)

**Рис. 6. Религиозно-философский кружок. А. Гайворовский сидит второй слева.
(1917/18 г. Самара)**

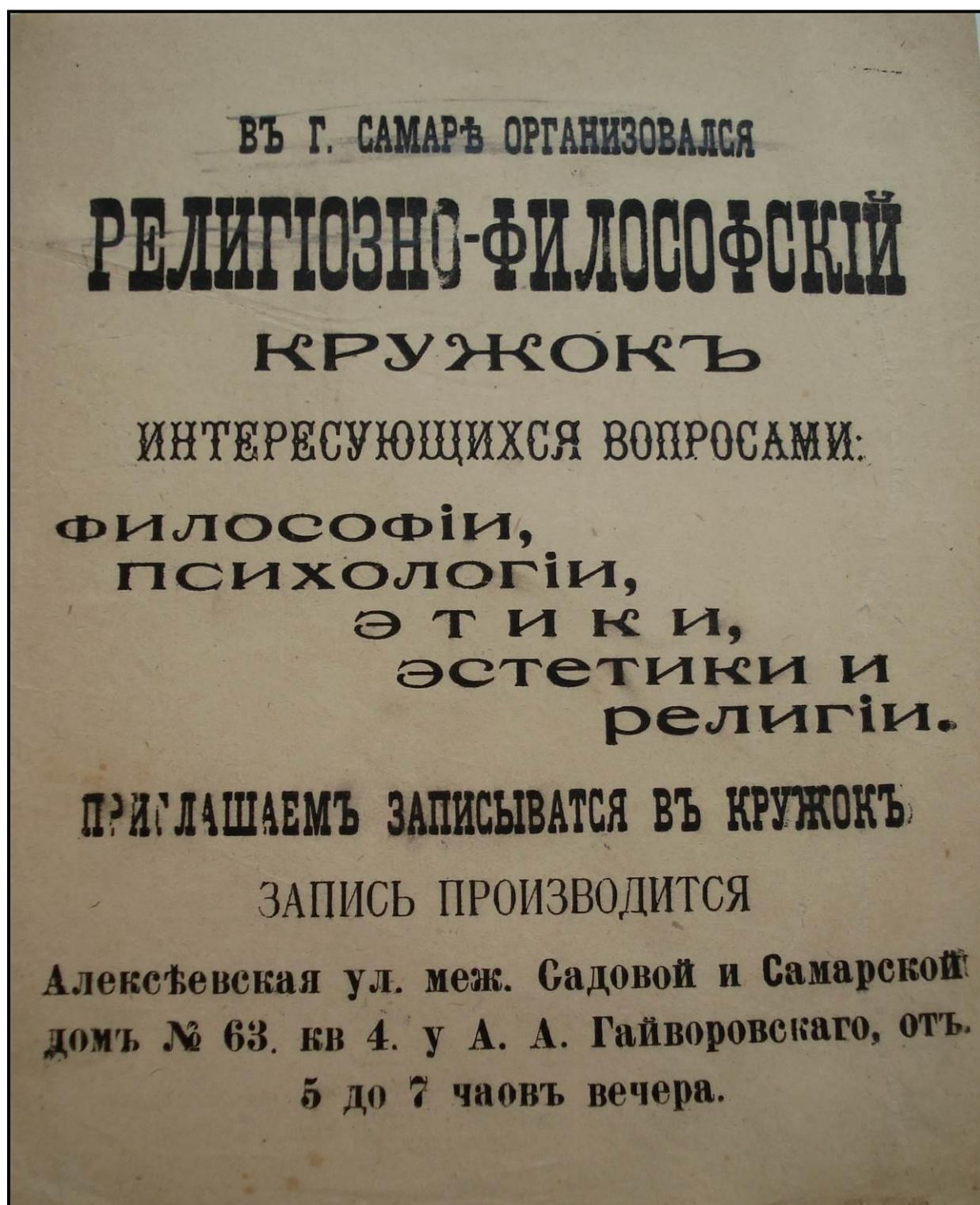

Рис. 7. Объявление о создании религиозно-философского кружка.

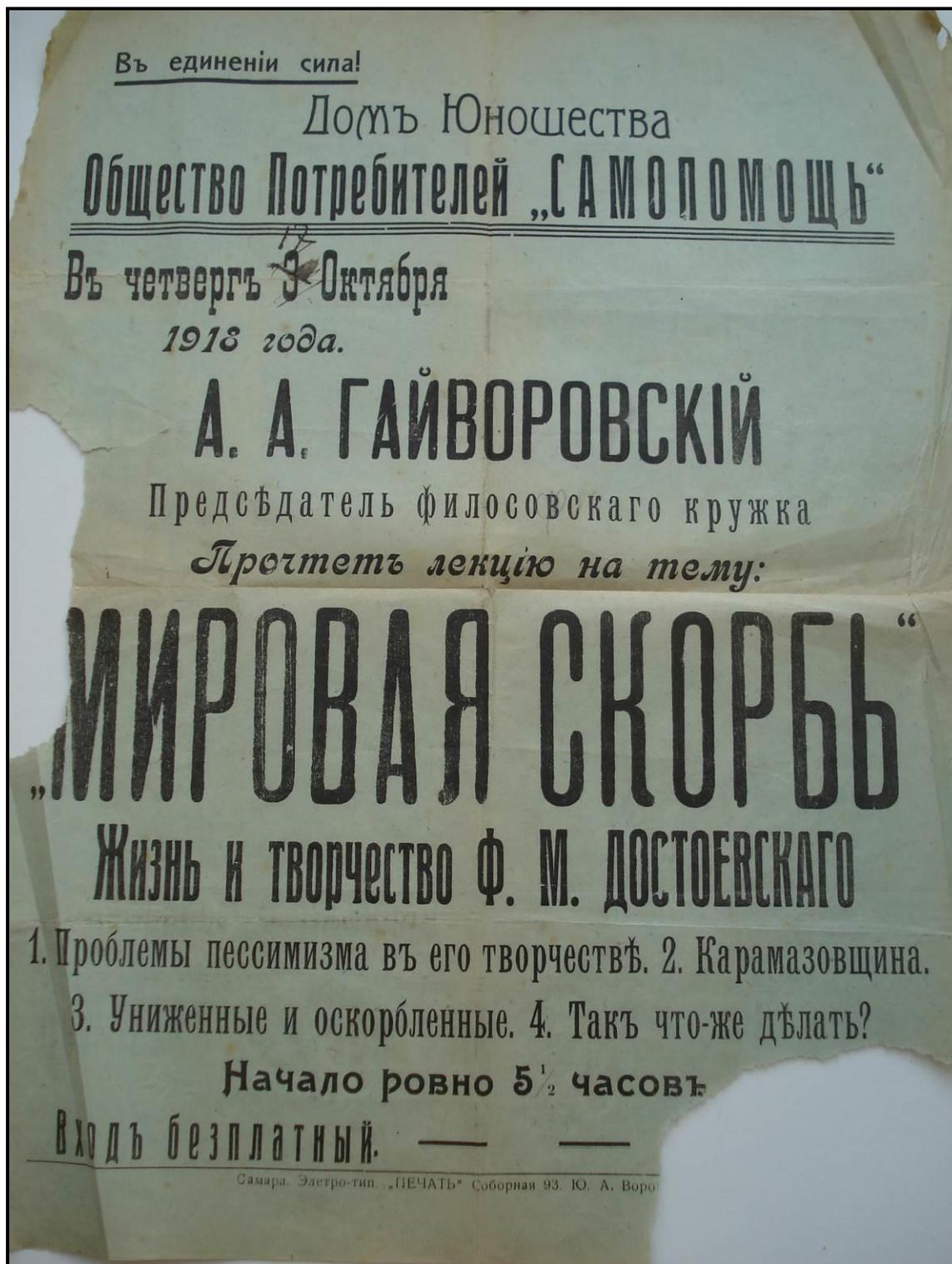

Рис. 8. Афиша лекции А. Гайворовского (1918 г.)

**Рис. 9. А. Гайворонский с друзьями. Стоят: неизвестный, И. Кеслер, Я. Белоцерковский.
Сидят: Н. Кебеке, А. Гайворонский, А. Соболев, А. Ваганов (1917 г., август. Самара)**

Рис. 10. А.А. Гайворовский в 1920-е гг.

Рис. 11. А.А. Гайворовский в 1920-е гг.

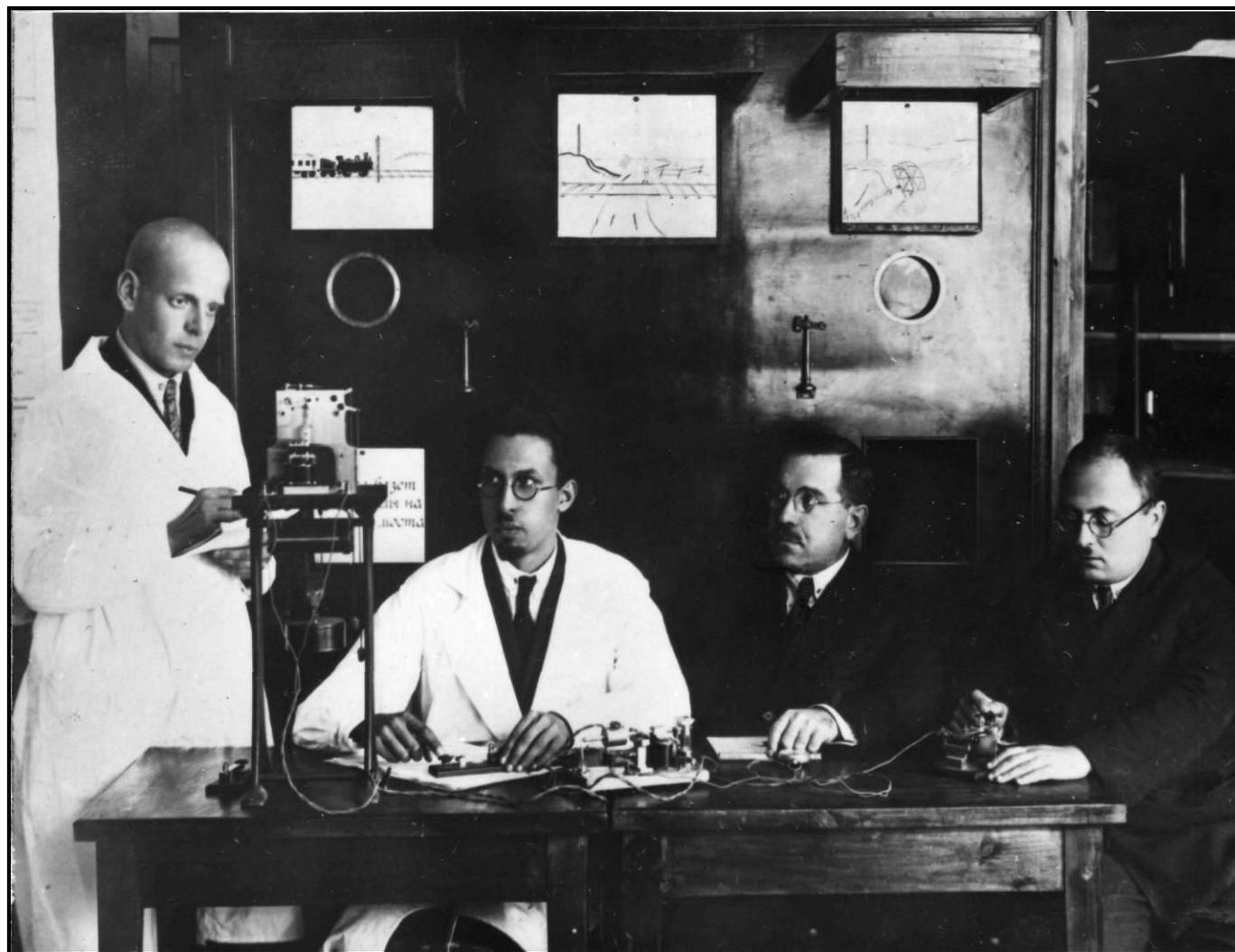

Рис. 12. В психотехнической лаборатории БГУ. С.М. Вержбалович (стоит), А.А. Гайворовский, проф. С.М. Василейский и неизвестный (сидят) (Минск, 1920-е гг.)

Рис. 13. В психотехнической лаборатории. Сотрудники психотехнической лаборатории БГУ: С.М. Вержбалович, проф. С.М. Василейский, А.А. Гайворовский. (Вторая половина 1920-х гг., Минск)

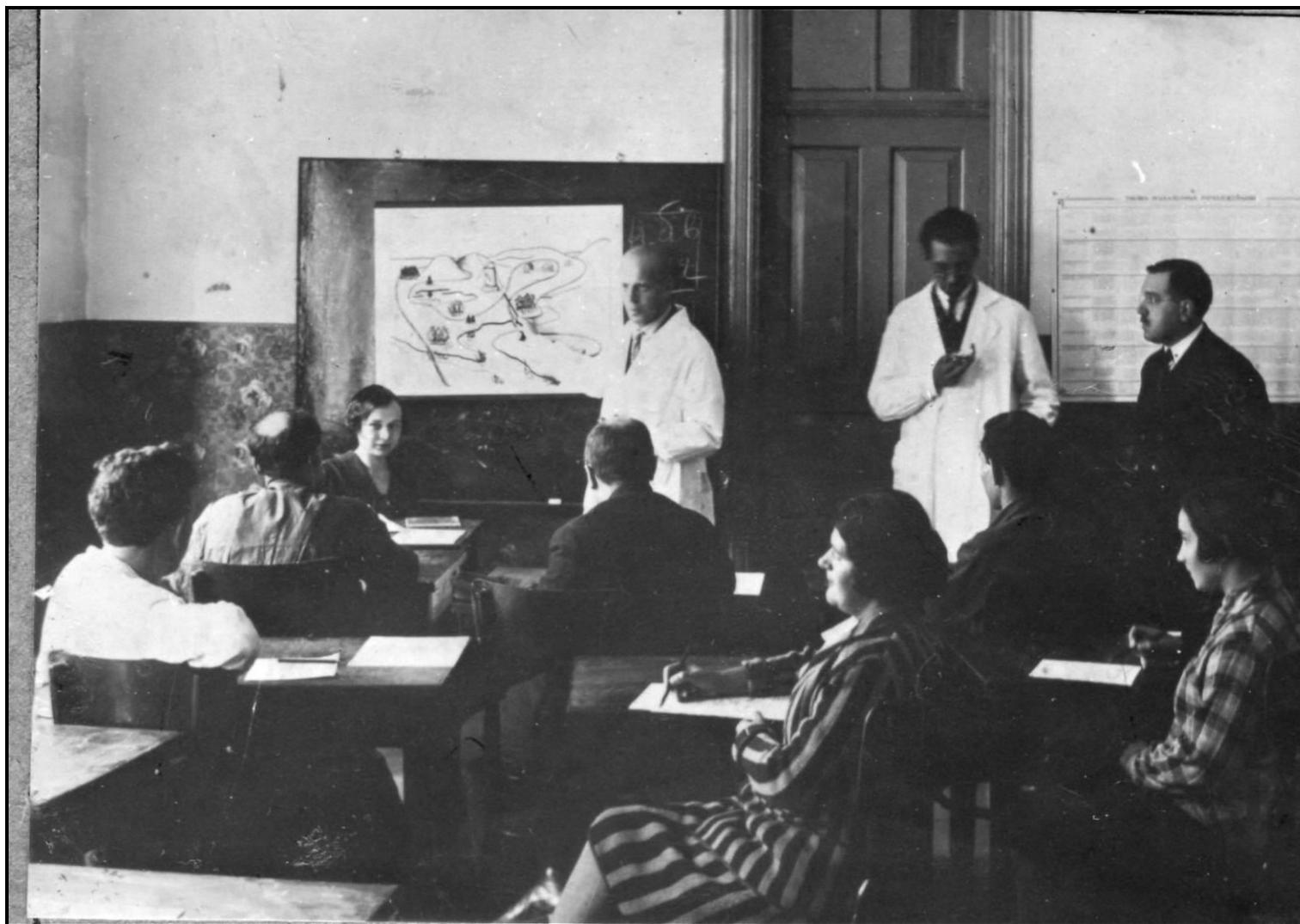

Рис. 14. В психотехнической лаборатории БГУ проводится исследование. Стоят: С.М. Вержбалович, А.А. Гайворовский, проф. С.М. Василейский (Вторая половина 1920-х гг., Минск)

**Рис. 15. А.А. Гайворовский с экспериментальным прибором
(Вторая половина 1920-х гг., Минск)**

Рис. 16. А.А. Гайворовский проводит исследование на экспериментальном приборе. 1930-е гг.

Рис. 17. А.А. Гайворовский в 1930-е гг.

Рис. 18. Конференция психологов 1-6 июля 1938 г. Среди участников конференции С.М. Василейский и А.А. Гайворонский (во 2-м ряду 2-я (в панаме) Е.Н. Кабанова-Меллер, рядом – З.И. Калмыкова, рядом – С.М. Василейский, слева от него, в 3-м ряду – А.А. Гайворонский (в белой рубашке))

Рис. 19. А.А. Гайворонский в 1950-е гг.

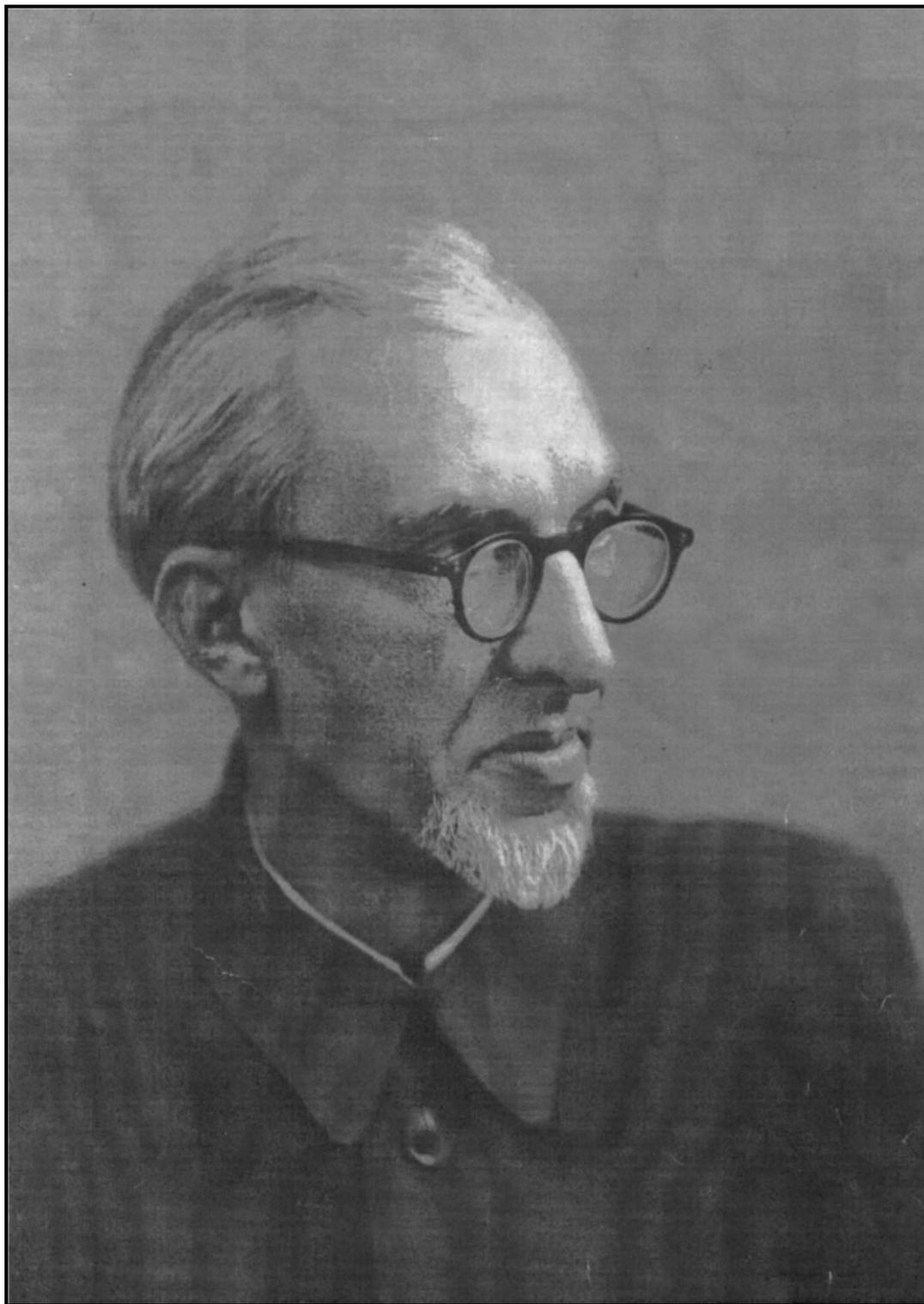

Рис. 20. А.А. Гайворонский в конце жизни

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/gaivorovskyaa.php>

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Возвращение памяти...

Фуад Ахмедович Ибрагимбеков: большой ученый, истинный гуманист

Ибрагимбекова Рена Фуадовна

Бакинский государственный университет, Азербайджан

e-mail: ibrrena@gmail.com

Аннотация. В статье прослеживается жизненный путь Ф.А. Ибрагимбекова (1901-1985), советского и азербайджанского психолога, психиатра и психолингвиста. Автор – дочь ученого, которому посвящен биографический очерк. Ф.А. Ибрагимбеков является организатором психологии в Азербайджане, внесшим большой вклад в развитие психопатологии и психолингвистики. Был репрессирован в 1948 г.

Ключевые слова: психология, Ф.А. Ибрагимбеков, Азербайджан, репрессии, психиатрия, психолингвистика, биография, история психологии

Fuad Ahmedovich Ibragimbekov: great scientist, true humanist

Ibragimbekova Rena Fuadovna

Baku State University, Azerbaijan

e-mail: ibrrena@gmail.com

Abstract. The article traces the life of FA. Ibragimbekov (1901-1985), Soviet and Azerbaijani psychologist, psychiatrist and psycholinguist. The author is the daughter of a scientist, to whom a biographical essay is devoted. F.A. Ibragimbekov is the organizer of psychology in Azerbaijan, who made a great contribution to the development of psychopathology and psycholinguistics. He was repressed in 1948.

Keywords: Psychology, F.A. Ibragimbekov, Azerbaijan, repression, psychiatry, psycholinguistics, biography, history of psychology

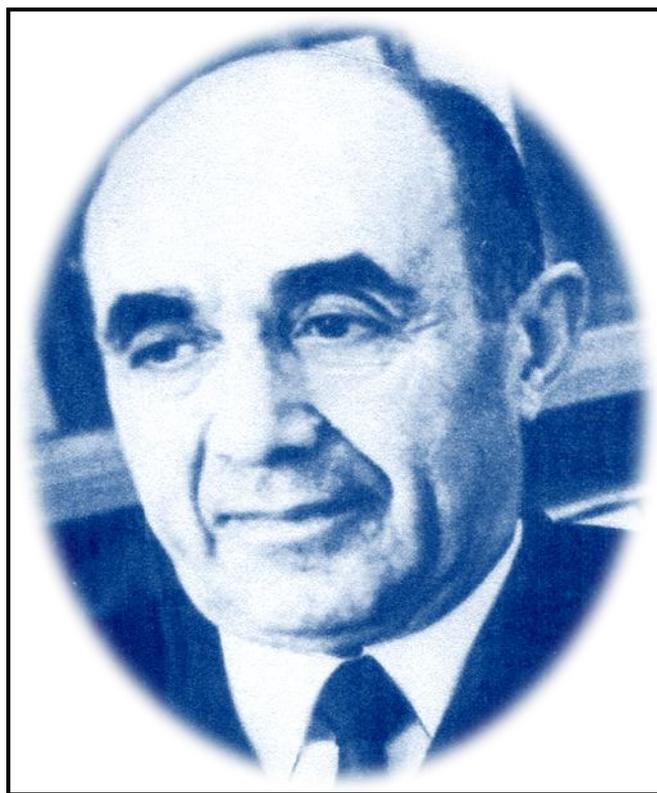

Рис. 1. Фуад Ахмед оглу Ибрагимбеков (1971)

Фуад Ахмедович Ибрагимбеков – один из ярких представителей азербайджанской интеллигенции, формирование которой уходит своими корнями в период I Демократической республики Азербайджана (1919-1921) того поколения азербайджанцев, которое должно было ввести республику в мировое сообщество цивилизованных государств равноправным юридически, интеллектуально, культурно. Осуществить это была призвана плеяда блистательных личностей, высокопрофессиональных специалистов, обладавших широчайшим кругозором и высокой культурой поведения, отвечавших самым притязательным нравственным критериям, органично сочетавших в себе национальное и общемировое начала. Однако это поколение было подкошено на самом пике своей творческой и личностной самореализации. Советская репрессивная политика 1930-1950х гг. (сталинские репрессии) не дала многим возможности использовать в полной мере свой потенциал духовности. Многие из их наследия уничтожено, утеряно, искажено. И, тем не менее, созданное яркими представителями того поколения наследие составляет золотой фонд ментальной культуры Азербайджана и должно быть оценено по достоинству.

Фуад Ахмедович Ибрагимбеков родился в городе Шемаха – древней столице Азербайджана. Был он вторым ребенком в большой семье Ахмедбека

Ибрагимбекова – человека образованного, представительного, обладавшего благородным и добрым характером. Умной, с неиссякаемым запасом сказок, легенд и народных прибауток, зеленоглазой красавицей была мать Фуада – Ханум. Дедушка Фуада Ахмедовича – Солтан Махмудбек Ибрагимбеков знал несколько языков, в том числе и русский, занимался юридической практикой, славился в Шемахе как человек гуманный и справедливый. Обращались к нему за помощью многие горожане, когда надо было рассудить по праву и совести, и крестьяне, когда надо было защититься от несправедливостей и обмана. Известно, написанное Солтан Махмудбек Ибрагимбековым Высокое Прошение русскому царю по просьбе крестьян одного из селений Шемахинского уезда об их притеснениях. Фуад Ахмедович рассказывал, что во время одной из своих командировок в Ленинград он увидел это Прошение в музее.

Несмотря на вполне благополучное положение семьи, пытливый подросток Фуад в неполные 15 лет начинает работать в местной обсерватории «наблюдателем». К этому времени он уже находился на пороге окончания реального училища, дававшего прекрасное образование, которое стало истоком его постоянных, на протяжении всей жизни, научно-экспериментальных устремлений.

В 1919 г. Ф.А. Ибрагимбеков поступает в только что созданный Бакинский Государственный Университет. Он хочет быть востоковедом. Но проучившись два года, решает поменять специальность и переходит на медицинский факультет.

После окончания Университета в 1925 г. Ф.А. Ибрагимбеков создает в 1926 г. Психологическую лабораторию. Он обращается в «Азнефть» – одну из главных организаций республики, располагавшей большими финансовыми возможностями. Заинтересовав руководство «Азнефти» проведением отбора работников, он получает одобрение и, таким образом, оснащает лабораторию самыми современными по тем временам приборами для экспериментальных психологических обследований.

Несмотря на свой возраст (ему всего 25 лет) он с поразительной четкостью определяет перспективы деятельности лаборатории, видя в ней прообраз учреждения «высокого научного значения, объединяющего вокруг себя местные широкие силы». Лаборатория интенсивно работает и за короткий срок в ней проводятся психотехнические, педологические и ряд экспериментально-психологических исследований (например, исследование одаренности), не потерявших своего значения до наших дней. Здесь же создаются новые методы исследования личности и интеллекта, учитывающие местные, культурные условия. В лаборатории трудятся психологи,

психотехники, педологи и специалисты из многих пограничных областей, изучающих человека.

В 1931 г. на I Всесоюзной психотехнической конференции Фуад Ахмедович выступает с получившим большой резонанс среди специалистов докладом «К вопросу о проблеме национальных тестов», чем было определено новое направление в применении объективного метода исследования психических явлений – тестов. Направление это, выкристаллизовавшееся в тщательно проведенных экспериментах психологической лаборатории в Баку, акцентировало внимание на роли культурных факторов в любых исследованиях, проводимых с помощью тестов.

В 1933 г. профессор А.О. Маковельский¹ так охарактеризовал молодого исследователя Фуада Ибрагимбекова: «Он прекрасный экспериментатор, не только искусно владеющий методикой и техникой психологического и педологического эксперимента, но умеющий видоизменять их, вносить в них новые ценные усовершенствования и собственные творческие изобретения. Особая заслуга научных работ Ф. Ибрагимбекова заключается в том, что он положил начало изучению тюркского ребенка в Азербайджане и разработке тюркских вариант детской ментиметрии». А спустя 3 года, в 1936 г., знаменитый советский психолог Д.Н. Узнадзе в отзыве на получение Ф. Ибрагимбековым ученой степени без защиты диссертации, написал: «Нужно отметить, что эрудиция автора не ограничивается сферой одной какой-либо психологической дисциплины: проблемы психотехники, психологии ребенка и педологии, точно так же, как и проблемы общей психологии и психопатологии, по-видимому, одинаково занимают интересы автора и одинаково хорошо ему известны. Нельзя не отметить, что главная стихия автора лежит в направлении установления новых экспериментальных методов и усовершенствования старых» Там же Д.Н. Узнадзе отмечает: «Большое преимущество Ф.А. Ибрагимбекова заключается в том, что он прекрасно подготовлен во всех отношениях для изучения психологических проблем тюркского народа».

Параллельно с сугубо психологической работой, которая с середины 30-х гг. начинает сворачиваться по всей стране, Ф.А. Ибрагимбеков ведет клиническую работу в области психиатрии. Он становится первым азербайджанцем, занимающимся профессионально психическими расстройствами – психиатрией и впервые на азербайджанском языке читает лекции по психиатрии. Психиатр, профессор Агабек Султанов в 2001 г. так оценил его вклад в эту область медицины: «Научные работы Ф.А. Ибрагимбекова и поныне не потеряли своей научной значимости, своего

¹ Позже – член-корреспондент АН СССР (1946), академик АН Азербайджана (1949).

клинического аромата. Монография «Маниакально-депрессивный психоз» была первым монументальным исследованием, посвященным этому эндогенному психозу».

Рис. 2. Фуад Ахмед оглу Ибрагимбеков (30-е годы)

Фуад Ибрагимбеков владел словом на русском и азербайджанском языках, настолько блистательно, что люди, попадавшие в ареал его словесного воздействия, помнили это всю жизнь. Не случайно, он выбрал для себя профессии, в которых Слово – это все, это основа основ – психиатрию и психологию. В психологии, не желая девальвировать Слово, Фуад Ахмедович разработал в 30-е гг. свой оригинальный метод бессловесного исследования интеллектуальных функций, а впоследствии посвятил многие годы изучению психологических основ билингвизма и полиглоссии. В психиатрии же он словом лечил, ценя роль слова в диагностике психических заболеваний. В связи с этим Фуад Ахмедович вводит в практику психиатрической клиники беседу на родном языке больного, и в этих целях занимается разработкой научной психологической и психиатрической терминологии на азербайджанском языке. Следует отметить, что у него был свой подход к проблеме терминов.

Сохранилось письмо Ф. Ибрагимбекова редактору Азербайджанской Советской Энциклопедии с просьбой вывести его из состава авторов, в связи с несовпадением его позиции с позицией Редакционного Совета.

Через всю свою жизнь Фуад Ибрагимбеков пронес интерес к Слову, заботу о Слове, убежденность в его (слова) беспредельных возможностях воздействия. Фундамент этого был заложен еще в начальных классах школы, где первым учителем маленького Фуада был известный азербайджанский поэт, драматург, переводчик – Аббас Саххат².

В зрелые годы это выразилось не только в огромной любви Фуада Ибрагимбекова к родной культуре, поэзии и литературе, но и в глубоком анализе литературы как источнике психологического знания. Примером этому могут служить его работы, посвященные творчеству Низами, Физули и других азербайджанских классиков, сопоставления с классиками мировой литературы – Данте, Петраркой.

В 1938 г. Фуад Ахмедович получает степень кандидата психологических наук (без защиты диссертации) и звание доцента психологии, в 1939 г. – степень кандидата медицинских наук (без защиты диссертации) и звание доцента психиатрии.

В 1941-1945 гг. Ибрагимбеков ведет интенсивную работу в эвакуогоспиталях, занимаясь лечением последствий травм головного мозга и контузий. В эти годы и вплоть до 1948 г. он является председателем республиканской Комиссии по психиатрической экспертизе, главным психиатром республики и завершает докторскую диссертацию по психиатрии.

Однако, в 1948 г. Ф.А. Ибрагимбеков, оказавшись жертвой второй волны политических репрессий в стране, осуждается на 10 лет пребывания в лагерях особого режима (ГУЛАГ) в Сибири. Смерть Сталина и падение сталинского режима позволили получить ему реабилитацию и, в 1953 г. его освобождают из заключения «в связи с отсутствием состава преступления».

После возвращения в Баку Ф.А. Ибрагимбеков был тепло встречен коллегами-психологами. Работавший вместе с Фуадом Ахмедовичем еще в психологической лаборатории Сурхай Гаджиев, приглашает его на кафедру психологии Азербайджанского педагогического института (АПИ) русского языка и литературы им. М.Ф. Ахундова. Здесь Ф.А. Ибрагимбеков, верный духу психолога-экспериментатора разворачивает экспериментальные исследования двуязычия – главной проблемы языкового ВУЗа, и вскоре разрабатывает метод «тренажа билингвизма», что ложиться в последующем в

² Аббас Сиххат или Саххат (1874-1918) – азербайджанский поэт, драматург, переводчик. Представитель романтизма в азербайджанской литературе.

основу его «энергетического» подхода к овладению языками. Можно сказать, практически ни одна работа в Азербайджанской и других союзных республиках по методике преподавания второго языка и лингвистике, начиная с 60-х гг., не обходится без упоминания его исследований.

Идеи и экспериментальные разработки Ф.А. Ибрагимбекова в области билингвизма выросли затем в исследование полиглосии. Эти исследования он продолжил на кафедре психологии, организованного в 1973 г. Азербайджанского педагогического института иностранных языков (АПИИЯ), которой он заведовал вплоть до выхода на пенсию в 1983 г.

Во все годы деятельности Ф.А. Ибрагимбекова особое место в его исследованиях занимает проблема личности. Определивший его отношение к тестам еще в 1930-е гг. личностный подход получает закономерное и специфическое воплощение в анализе генезиса атрибутов сознания, при котором на центральное место выдвигается интеллектуальный план психики. Именно в этой проблеме ему удастся конвергировать психологический и психиатрический подходы к личности и сформулировать концепцию дихотомизированной эволюции личности. Эта концепция позволяет не только «заглянуть» в прошлое человечества и понять механизмы изменений личности на всем пути человеческой истории, но создает также уникальную возможность прогнозирования новых этапов эволюции личности. На XX Международный психологический Конгресс в Токио (1972) Ф.А. Ибрагимбеков представляет работу «Мультикультуральное скрещивание и изменения психики», в которой анализирует современный мир сквозь призму предложенной им концепции личности. Он считал, что «одним из аспектов мультикультурального скрещивания является передача психологического опыта или, точнее, влияние психологических взглядов одной культуры на представления о человеке, сформировавшиеся в другой», что процесс этот всегда носит двусторонний и, в виду развития культур, прогрессивный характер. Будучи исследователем-экспериментатором, Ф.А. Ибрагимбеков ясно представлял, насколько сложно анализировать вопрос взаимовлияния идей без использования адекватного метода, и в связи с этим предлагает метод антиципирования, выделяя два его уровня, которые называет **потенциальным антиципированием и актуальным антиципированием.**

Одной из последних работ Ф.А. Ибрагимбекова является исследование взаимопроникновения психологических идей Востока и Запада. Психоанализ и психология хинду, экзистенциализм и дзен буддизм, ассоцианизм и зороастризм были подвергнуты анализу в аспекте взаимообогащения психологических исканий. Эта работа является результатом историко-

психологического углубления и отражает непреходящий интерес Фуада Ахмедовича – ученого, обладавшего колоссальной эрудицией, мощным неподвластным годам познавательным потенциалом – к сложной и трудноразрешимой проблеме личности.

Ибрагимбеков был всегда активным участником научных форумов различного уровня. Это и внутривузовские конференции, республиканские и межреспубликанские симпозиумы и совещания, Всесоюзные съезды, Международные Конгрессы по психологии и смежных с нею наукам, к которым он относился с одинаковой ответственностью и тщательно готовился. Его выступления неизменно приковывали внимание участников, подчеркивались, выносились на пленарные заседания. Очень часто он избирался руководителем секции, председателем оргкомитета. Он являлся участником I-IV Всесоюзных съездов, I-VIII Закавказских конференций, XVI, XVIII, XX Международных конгрессов по психологии.

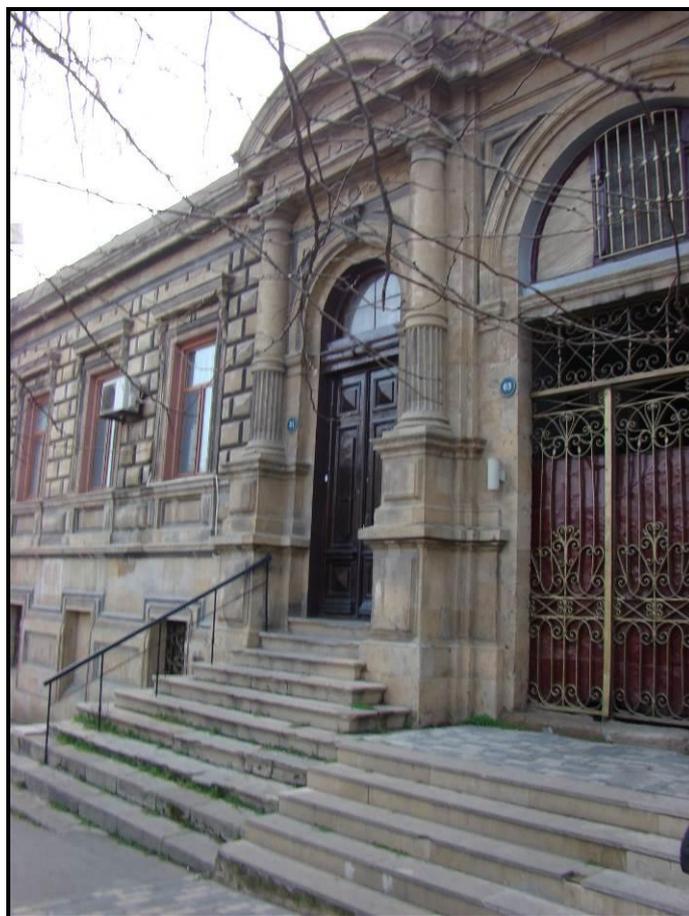
Фуад Ахмедович – один из учредителей Общества психологов СССР функционировавшего вплоть до распада СССР и председатель Азербайджанского отделения этого Общества на протяжении 20 лет.

Им написано около 80 научных работ. Некоторые из них – в рукописях. В это число входит часть его работ по психологии, относящихся к 1930-1940 гг. и почти все работы по психиатрии. Фуад Ахмедович не вернулся в психиатрическую науку, так и остались перевязанными бечевкой сотни листов его докторской диссертации по психиатрии, но лечить и консультировать больных он не прекращал до последних лет своей жизни.

Ф.А. Ибрагимбеков имел государственные награды – почетное звание «Заслуженный врач республики» и нагрудный знак «Отличник здравоохранения СССР» (1943), Орден «Знак Почета» (1945), медали «За оборону Кавказа» (1945) и две медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (1946, 1947). В 1962 г. он получил Почетную Грамоту Верховного совета Азербайджанской ССР. В 1993 г. именем Фуада Ибрагимбекова была названа улица в Ясамальском районе города Баку, там, где он жил.

Человек сложной судьбы, Фуад Ахмедович прожил большую и счастливую семейную жизнь. В 1979 г. он отпраздновал 50-ю годовщину своего бракосочетания – «золотую свадьбу» с Лейлой ханум. Лейла ханум и Фуад Ахмедович имели трех дочерей и шестерых внуков. Дочери – Изиды, Земфира и Рена получили воспитание в лучших традициях семьи: как профессионалы своего дела (химик, биолог и архитектор//психолог) и трудолюбивые хозяйки. Лейла ханум и Фуад Ахмедович были дружны с их семьями, уделяли много

времени внукам – Фархаду, Аязу, Гюляре, Эльмару, Сафтару, Захре. Все они стали достойными людьми и в этом огромная заслуга их дедушки и бабушки.

**Рис. 3. Дом, в котором жил Ф.А. Ибрагимбеков
(г. Баку, ул. З.Ахмедбекова, 33 (61))**

Лейла ханум была верной спутницей жизни и другом, прекрасной матерью и хозяйкой, замечательным врачом-невропатологом. Пройдя через тяжелые испытания и сохранив глубокую привязанность друг к другу, неизменно сердечные и гостеприимные, Фуад и Лейла составляли семейную чету, поражающую удивительной гармонией отношений. Его письма из лагеря строгого режима в далекой Сибири, которые разрешалось писать лишь несколько раз в году, передают чувство щемящего одиночества, тоски и вместе с тем, наполнены поразительной нежностью, любовью и оптимизмом. В одном из таких писем он писал: *«Да, моя милая, уже прожито полвека, а когда подумаю, как я должен чувствовать себя, да и чувствую себя счастливым, потому что у меня имеются такие сокровища как ты и вы – трое моих дорогих детей, потому, что вы здоровы, ты работаешь, а дети хорошо учатся. Я счастлив еще и потому, что в мои годы жива и здорова моя мать.*

Что же касается моего теперешнего положения, то все это по существу пустяки, не могущие омрачить осознание счастья, возникающего у меня в связи с вашим здоровьем, благополучием и успехами». В строках другого письма очевиден не только намеренный уход от отчаяния, но и недопущение возникновения этого чувства у своей любимой: «Пусть горестен средний период нашей жизни. Пусть безмерно велики тяготы и заботы, навалившиеся на твои плечи. Пусть безмерно мучительна разлука, пусть невероятно обиден нелепый случай, случившийся со мной. Но все же... у нас не должно быть места мыслям и чувствам, что мы несчастны». В другом письме он писал: «...я желаю тебе большего здоровья, чем себе, большей радости, большего наслаждения, большего счастья, чем себе. Я желаю тебе долгого-долгого здоровья и очень многих лет жизни».

Во всех его письмах беспокойство и о здоровье детей, матери, добрые пожелания близким родным. Его заботят проблемы сокамерников. Он пытается им помочь как может. Находившиеся там же, в заключении, впоследствии профессор Исмихан Рагимов, писатель и публицист Гюльгусейн Гусейноглу подтверждают это в своих воспоминаниях. В одном из писем Лейле Фуад пишет: *«Для одного моего работника нужен протез глазного яблока, средних размеров, темно-карий по окраске – если не трудно будет, то приобрети и пошли».*

Философ по складу ума и характеру, блестящий ученый, профессиональный психолог и психиатр выстоял чудовищные трудности, сохранив себя, свое «я», свои жизненные позиции. Кредо Фуада Ибрагимбекова – гуманность, духовность и личностное развитие было неизменным на всех этапах его жизни, причем, в отношениях со всеми и независимо от возраста. Он обладал мощной харизмой и щедро делился всем – знаниями и опытом с коллегами, чувствами и теплом с родными, последним куском с тем, кому это было нужно. Его великодушие потрясало. Он нес Свет и Добро, его любили, ему доверяли, с ним рядом приобретали уверенность в себе и надежды на успех. Он умел исцелять души и укреплять дух, делая это бережно и неуловимо, к нему обращались за советом, получая действенные рекомендации для личностного роста. Поэтому общения с ним искали, радуясь вновь и вновь встречам, которые умиротворяли и возвышали, раскрывали перспективы развития. Известный грузинский психолог профессор Г.Н. Кечхуашвили после конференции в Баку написал в письме: *«Я счастлив, что мог хоть краткое время находиться в Вашем обществе. Только в общении с Вами мне открылось, как в одном лице совмещаются глубокая мудрость, чарующая поэтичность Востока и*

высокая европейская культура. Я и мои товарищи долго еще будем находиться под этими прекрасными впечатлениями».

Ровесник века Фуад Ахмед оглу Ибрагимбеков является «лицом» большого фрагмента истории Азербайджана. Его жизнь и ее перипетии были схожи с судьбами тех тысяч граждан, которые пережили тяжелейшие времена, вопиющие несправедливости, но все вынесли и устояли.

Мудрый и Гуманный, Талантливый и Бескорыстный Фуад Ахмед оглу Ибрагимбеков обладал всеми чертами, присущими лучшим представителям азербайджанского народа, воплощал в себе самые главные, базовые, общечеловеческие экзистенциальные ценности. Такие личности как он, делают мир чище и светлее, прославляют свою страну и вселяют уверенность в процветании человечества.

Сведения об авторе:

Ибрагимбекова Рена Фуадовна, Д-р философии (психология), зав.кафедрой «Гендер и прикладная психология», Бакинский государственный университет (Азербайджан)

Архив

К истории советской профессиограммы (1930-е гг.)

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Костригин Артем Андреевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина;

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. Авторы обращаются к 1920-1930-м гг. как времени становления советской профессиограммы; приводят примеры профессиограммы как на стадии ее разработки и сбора экспериментальных данных (профессиограмма клейщицы), так и законченный вид данного направления советской психотехники (профессиограмма наждачницы). По убеждению авторов, данные примеры не потеряли своей актуальности и могут быть полезны для как для исследований в современной психологии труда, так и для преподавания данной дисциплины.

Ключевые слова: профессиограмма, история психологии, советская психология, психотехника, архивные документы, психология труда

On history of Soviet professiogram (1930s)

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Kostrigin Artem Andreevich

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art);

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract. The authors refer to the 1930s as the time of the formation of the Soviet profессиograms; give examples of profессиograms both at the stage of its development and collection of experimental data (profессиogram of the glueer), and the finished form of this direction of Soviet psychotechnics (profессиogram of the producer of emery). In the authors' opinion, these examples have not lost their relevance and can be useful for both research in modern labor psychology and for teaching this discipline.

Keywords: Profессиogram, history of psychology, Soviet psychology, psychotechnics, archival documents, labor psychology

Историки психологии, интересующиеся советской психологией XX века, неизменно встречаются с упоминанием, что некий психотехник занимался профессиографией или составлял профессиограмму. Действительно, в психотехнике, среди нескольких ее направлений – рационализация труда, профессиональная пригодность, профессиональный отбор, экспертиза квалификации работника и прогнозирование профпригодности, профессиональный подбор и профессиональный отбор, профессиональная консультация, решение проблем аварийности и травматизма, вопросы психологии воздействия – проблемы психологического профессиоведения разрабатывалась достаточно широко.

Обратимся к литературе, чтобы прояснить понятие, и, в первую очередь, к книге О.Г. Носковой. Она пишет: «результаты изучения профессии служили промежуточной ступенью в процессе решения прикладных задач; они сами по себе они еще не содержали ответственных, формирующих технологий, но создавали необходимую для них эмпирическую картину объекта воздействия – своеобразия работы психики человека в конкретных видах труда» [3, с. 229]. Процесс изучения и дальнейшего описания профессий в психотехнике назывался профессиографией.

В начале 1920-х гг. под трудовой деятельностью специалисты понимали процесс выполнения определенной совокупности трудовых задач и поведенческих актов выполнения, т.е. ограничивались операционно-техническим уровнем анализа, но к концу десятилетия выяснилось, что этого недостаточно, и «предмет исследования пополнился анализом свойств

характера профессионала, его интересов, мотивов, способов профессионального общения» [там же, с. 230].

В рефлексологии труда в основу анализа профессий была положена характеристика трудовых задач, условий, операций труда, специфических раздражителей (М.Я. Басов, В.Н. Мясичев), что соответствовало традициям отечественных врачей-гигиенистов, выявлявших причины профессиональных заболеваний, утомления на основе изучения характера профессионального труда, его условий; этого же подхода придерживались И.Н. Шпильрейн и С.Г. Геллерштейн [там же, с. 231].

Психотехники строили модели работающего человека и объяснительные концепции относительно структуры и механизмов действия функциональных возможностей человека, выделяя при этом профессионально важные признаки (ПВП), отражающие стороны поведения и гипотетически связанные с ними внутренние функциональные возможности психики человека, влияющие на результат труда [там же, с. 230]. Функциональные возможности человека, по мнению И.Н. Шпильрейна и С.Г. Геллерштейна, характеризовали следующие ПВП и важные для профессионального успеха функции: те, что трудно поддаются тренировке и развитию, т.е., как правило, являются стойкими индивидуальными особенностями людей; те, что можно развить в процессе обучения, поэтому они включаются в программы профподготовки; те, что подвержены функциональному распаду под влиянием длительной и напряженной профессиональной работы.

После процесса профессиографирования (иногда бригадой специалистов, иногда – психотехником в одиночку) составлялось общее описание профессии, включавшее описание своеобразия ПВП (качеств, умений, свойств), которыми должен обладать субъект труда в отношении задач, ситуаций и профессии в целом при обязательном требовании – соотносить характеристику каждого признака с описанием профессиональной задачи или ситуации, в которой актуализируется этот признак [там же, с. 235].

Советские психотехники оставили нам огромный эмпирический материал психологического изучения разнообразных профессий, поставив проблему исследования деятельности человека в многообразных видах профессионального труда.

В этом номере мы предлагаем два варианта решения задачи профессиографирования разными психотехниками. Первый вариант представлен протоколами наблюдений за деятельностью работницы-клейщицы на фабрике «Каучук» [2] психотехником В.С. Линтваревым, о котором нам почти ничего не известно (Профессиограмма тракториста-рулевого, 1931;

«Слуховая доска», 1931; Колебания работоспособности тракториста-рулевого, 1931). Мы видим, как подробно он записывает действия работницы, хронометрируя их.

Второй вариант профессиограммы профессии наждачницы на заводе «Ростсельмаш» [1] был выполнен бригадой специалистов, где было два врача-гигиениста (Л.С. Бебчук, М.А. Резников) и психотехник А.А. Гайворовский (о нем мы публикуем статью в этом номере), и представляет собой законченную методическую работу (в отличие от протоколов наблюдений В.С. Линтварева), обеспечивающую прием (или отказ) женщин в качестве наждачниц на завод.

Л. 103

Фабрика «Каучук»

Профессиограмма работницы-клейщицы Протокол № 1, 3-го марта 1930 г.

Наблюдение производил В.С. Линтварев от 2 до 4 часов дня. Во время наблюдения цех занимался производством резиновых трубок для рядовых сеялок. Производственный процесс разбивается на три части. 1) Вырезка кусков резины особой формы (расширенной к одному концу). Материал двух сортов: тонкие куски идут на образование внутренней стенки трубки, из толстых составляется «покрышка» трубки. Вырезка производится особыми машинами, и работа клейщиц находится в тесной зависимости от работы машин. 2) Вторая операция заключается в том, чтобы пачку резиновых листов в 60-100 экземпляров разодрать на отдельные экземпляры; эти экземпляры расположить в удобном для клейки порядке и проклеить края каждого экземпляра. Данная операция ручная, ею занимаются 6-8 работниц в цеху. 3) Третья операция заключается в том, чтобы обернуть конусообразную деревянную палку листом резины и заклеить этот лист по краям так, чтобы образовалась трубка. На этот лист накладывается второй лист толстой резины, также обертывается вокруг палки, и края его соединяются при помощи особой резиновой ленточки, закрывающей шов. Этой операцией занимается большинство работниц цеха.

Оставляя пока в стороне первую операцию, мы проследили, с секундомером в руках, за производством второй и третьей операции. Наблюдая за производством первой операции, мы сравнивали работу молодой стажированной клейщицы с пожилой, но не стажированной работницей. При

этом оказалось следующее. Первый момент операции заключается в том, чтобы раздрать пачку на отдельные экземпляры. Пачка сперва стоит вертикально, потом ее кладут на стол. Работница пускает в ход свои пальцы, иногда прибегая к помощи зубов. Испытуемые отмечали, что в данном случае мы имели дело с хорошим качеством резины, и потому операция совершается довольно легко. При плохом качестве приходится употреблять ножи, но и они не всегда помогают делу, так как при сильной склейке не удастся разделить один лист от другого без изъяна.

Л. 103 об.

Листы разобранной пачки кладутся кучей. После чего наступает второй момент операции: накладка их один на другой с таким расчетом, чтобы верхний край нижнего листа выступал из-под верхнего, примерно на 1 см. Сложенные таким образом листы образуют как бы один лист величиной, примерно, в 1 кв. метр. Работница несколько раз хлопает руками по этому листу для того, чтобы лучше скрепились между собой его элементы. Затем лист переносится на особый стол, берется кисть с клеем, и поверхность листа покрывается клеем. Таким образом, проклеиваются выступы (верхние края) каждого отдельного отрезка, входящего в состав листа. По нашим наблюдениям на раздирку стопы у молодой работницы ушло две минуты, у старой – пять, на раскладку у молодой – 3 мин. 10 сек., у пожилой – 6 мин. 35 сек. Проклеивание заняло у той и у другой 20 сек.

В общем, операция, по нашему мнению, несложная и требуется только наличие небольшого глазомера, быстроты рук и силы пальцев, аккурантности в работе.

Вторая операция у работниц основной категории цеха начинается с того, что тонкий лист резины обертывается вокруг конусообразной деревянной палки. Работница держит правой рукой конец палки, а левой быстро соединяет один край листа с другим. Путем небольших нажимов достигается то, что проклеенная резина соединяется достаточно прочно. По нашим наблюдениям на склейку внутренней стенки трубки уходит, в среднем, 10 сек.

Затем работница берет кусок толстой резины и кладет на него веретенообразную палку уже обернутую первым слоем трубку. Затем соединяются края верхнего слоя (толстой резины) и при помощи особого катка работница достигает того, что верхний слой плотно склеивается с нижним. Каток работница держит в правой руке и сильно нажимает, проводя им влево и вправо. И в то время, как левая рука равномерно поворачивает палку, на

которой надета трубка. На эту операцию уходит, в среднем, около 25 сек. Надо отметить, что широкий конец нижнего слоя трубки кладется с левой руки, а широкий конец верхнего слоя кладется с правой руки.

Третий момент операции заключается в том, что работница берет тонкую резиновую ленту, прикладывает ее к левому верхнему

Л. 104

концу шва и, придерживая левой рукой ленту, правой быстро растягивает ее до правой конца шва. Затем валиком проводится несколько раз по ленте, покрывшей шов. После этого считается, что трубка готова, и она бросается вниз под стол в кучу других готовых трубок.

Работницы-клейщицы образуют третью производственную коммуну фабрики «Каучук». На основании таблиц, висящих на стене, у них было в декабре-январе недовыполнение производственной программы, зато в феврале задания выполнены с излишком на 10%.

Протокол № 2, 5-го марта 1930 г.

Наблюдение вел В.С. Линтварев от 2 до 4 часов дня. Наблюдение началось с изучения первой операции, т.е. нарезки кусков резины, предназначенных для выделки сеялочных трубок. В особое помещение, соседней с тем, где работают клейщицы, поступают рулоны прорезиненной ткани, обернутые в материю, которая предохраняет поверхности рулонов от склейки. Рулон устанавливается в особый деревянный станок и разматывается на поверхности широкого стола с оцинкованной крышкой. После размотки матерчатое покрывало снимается и одна из двух работающих на этой операции работниц, при помощи особого картонного шаблона и карандаша, размечает полотнище на куски. Другая работница, при помощи больших ножниц разрезает полотнище на куски величиной <...>.

Куски складываются пачками по 13 листов в пачке и размечаются на поверхности на 9 кусков. Каждый кусок расширен кверху и сужен книзу. Разметку производит мастер при помощи деревянного шаблона и карандаша. После этого каждая пачка поступает в обрезальный станок, приводимый в движение электромотором. Мастер или ученик 8 раз подряд проводит лист через обрезальный станок и таким образом, изготавливают из одной пачки девять, которые затем поступают на раздирку в соседнюю комнату. По нашим наблюдениям один лист разрезается учеником в течении 1 1/2 мин. Пальцы

резальщика проходят очень близко от ножа, и порезы на этой операции, вероятно, нередки.

В соседнем помещении вывешен список работниц <...>.

Л. 104 об.

В цеху на стене вывешены таблицы, на которых обозначены задания цеху и указано выполнение. Приводим эти данные. Годовое задание с 1/Х-29 г. по 1/Х-30 г. равняется 3.200.000 трубок. За первый квартал полагалось сделать 690.000, сданы 628.000, т.е. 95,6%.

В январе задано 313.657, выполнено 297.672, т.е. 94%. В феврале на первую декаду задано 106.330, выполнено 124.377, т.е. 116,93% задания. На вторую декаду задано 104.200, выполнено 116.781 или 109,8% задания. На третью декаду задано 83.060, выполнено 104.787, т.е. 122,84% задания. На таблице видно, что до февраля месяца имела место недовыработка, а в феврале цех начинает наверстывать упущенное, что, вероятно, связано с организацией производственной коммунуны. Выработка с марта идет следующим образом: задание на месяц 104.327, задание на день 10.633. Выработка такая: 1 марта – 12.186 (114,6%). 2 марта – 9.931 (93,5%), 3 марта – 12.822 (120,6%), 4 марта – 11.001 (103,6%).

Л. 105

Если в марте месяце число работниц каждый день было одинаково, качество материала также, то при прочих равных условиях разницу в производительности следует отнести на счет колебаний в работоспособности коллектива. Проблема для психолога интересная.

Перешел к дальнейшему изучению второй операции – клейке резиновых трубок. Первоначально просто наблюдал трудовой процесс. Объект наблюдений – сорокалетняя работница – Новоградская (носит очки с сильным увеличением). Сперва несколько общих наблюдений. Кончая прокатку, работница в конце операции пристукивает валиком по левому верхнему концу шва. Прокатывая трубку, делает сильные нажимы, подходя к концу операции. Потом работницы показали мне руки, которые были все в мозолях и свежих волдырях. Работницы указали, что под мышками у них часто выскакивают нарывы и руки сильно болят., особенно, при плохой резине. При дальнейших наблюдениях отметил следующее. В цеху висит большое резиновое полотнище, от которого работницы отрезают себе куски для изготовления ленточек для оклейки швов. Такой надрезанный кусок лежит возле каждой работницы. Конец

палки, вокруг которой обматывается резина, оклеен резиной. На палке имеются отметки, по которым работница накладывает резину. Первый слой трубки накладывается клейкой стороной внутрь, а второй слой клейкой стороной наружу.

При более подробном анализе профессии оказалось, что весь трудовой процесс разбивается на следующие операции. Во-первых, обернув первый слой трубки вокруг палки, работница соединяет края резинового куска посередине небольшим нажимом пальцев, подобно тому, как соединяют края пирога. Затем она делает несколько аналогичных движений вправо и влево от центрального зажима.

Во-вторых, надев второй слой трубки, она производит движение катком слева направо и справа налево. Такие же движения производятся по ленточке, накладываемой на шов. Когда операции кончена, палка ставится вертикально и при помощи небольшого удара трубки сбрасывается с палки и отправляется под стол.

Мы произвели троекратный хронометраж трудового процесса у пожилой работницы, работающей вне производственной коммуны,

Л. 105 об.

и у молодой (22 года), члена производственной коммуны. Сравнительные результаты получились следующие. По количеству операций:

	Пожилая	Молодая
Соединение нижнего слоя трубки	9	12-14
Прокатка верхнего слоя	40-43	28-29
Прокатка по шву	6	5

По длительности процесса. Процесс в целом занял у пожилой от 64 до 70 секунд, от молодой от 38 до 49 секунд. Детальный хронометраж работы пожилой работницы показал следующее:

На отдирку полосы из пачки	5 сек
Обертывание первого слоя вокруг палки	5 “
Соединение краев первого слоя	8 “
На отдирку второго куска для верхнего слоя	2 “
Накладка второго слоя на первый	6 “
Прокатка второго слоя	24 “
Отдираание полосы для шва	5 “
Наклейка полосы на шов	5 “
Прокатка	3-5 “

Хронометраж производился 3 часа 45 минут перед концом смены. Захронометрировать работы молодой работницы мы не успели.

Дополнительно отмечаем, что сегодня на раздирке работало четверо слепых мужчин. Проклеенные и прокатанные трубки отбираются у работниц по счету. Дневная норма 290 штук (проверили). Проклеенные трубки передаются на обрезальный станок, при помощи которого уравниваются концы.

Л. 106

Протокол №3

9/II 1930 г.

Наблюдение вел В.С. Линтварев с 2 до 4 часов дня.

Хронометраж различных типов работниц.

Первая работница 38 лет. 3 недели на клейке.

I) 1) Отдирка	2'	II) 1) Отдирка	2'	III) 1) Отдирка	10'
2) 1-ый слой	7'	2) 1-ый слой	10'	2) 1-ый слой	10'
3) 2-ой слой	8'	3) 2-ой слой	6'	3) 2-ой слой	15'
4) Прокатка	17'	4) Прокатка	20'	4) Прокатка	15'
5) Отдирка ленты	5'	5) Отдирка ленты	2'	5) Отдирка ленты	2'
6) Накладка ее	2'	6) Накладка ее	2'	6) Накладка ее	2'
7) Прокатка	5'	7) Прокатка	8'	7) Прокатка	5'
	----		----		----
	46'		50'		59'

Вторая работница 36 лет. 2 недели на клейке.

I) 1) Отдирка	10''	II) 1) Отдирка	4''	III) 1) Отдирка	5''
2) 1-ый слой	13''	2) 1-ый слой	14''	2) 1-ый слой	10''
3) 2-ой слой	16''	3) 2-ой слой	10''	3) 2-ой слой	20''
4) Прокатка	17''	4) Прокатка	30''	4) Прокатка	20''
5) Отдирка ленты	5''	5) Отдирка ленты	5''	5) Отдирка ленты	5''
6) Накладка ее	5''	6) Накладка ее	10''	6) Накладка ее	5''
7) Прокатка	5''	7) Прокатка	5''	7) Прокатка	10''
	----		----		----
	1'10''		1'18''		1'15''

Молодая работница 28 лет. Стаж 2 года.

I) 1) Отдирка	2''	II) 1) Отдирка	4''	III) 1) Отдирка	2''
2) 1-ый слой	8''	2) 1-ый слой	8''	2) 1-ый слой	8''
3) 2-ой слой	5''	3) 2-ой слой	5''	3) 2-ой слой	5''
4) Прокатка	20''	4) Прокатка	15''	4) Прокатка	20''
5) Отдирка ленты	5''	5) Отдирка ленты	5''	5) Отдирка ленты	5''
6) Накладка ее	5''	6) Накладка ее	5''	6) Накладка ее	5''
7) Прокатка	5''	7) Прокатка	5''	7) Прокатка	5''
	----		----		----
	50''		47''		50''

**Показания и противопоказания
к приему женщин в профессию наждачницы на Ростсельмаше**

Д-р Бебчук Л.С., Проф. Гайворовский А.А., Д-р Резников М.А

С. 12

На 1 января 1933 г. количество наждачников в литейной ковкого чугуна составляло ко всему списочному числу рабочих литейной ковкого чугуна: – 12,5% (аналогичное соотношение в литейном цехе серого чугуна); количество женщин-наждачниц составляло на 1 января 1933 г. – 69 человек и на 1 апреля 1933 г. – 47 чел. (произошло сокращение работ).

Удельный вес женщин-наждачниц в литейной ковкого чугуна – высокий: на 1 января 1933 г. – 80,9% по отношению ко всем рабочим наждачникам и на

1 апреля 1933 г. – 85,5%. Удельный вес женщин наждачного отделения литейной серого чугуна ниже: не более 40%.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕТАЛЬНОЙ ПРОФЕССИИ НАЖДАЧНИЦЫ

Наждачница работает все время стоя, обтачивание деталей производится вручную, положение тела вынужденное, немного согнутое вперед и с упором на одну ногу по желанию работниц; имеется давление на живот, свой корпус работница то приближает к наждачному станку, то отдаляет от него в зависимости от того, обтачивает ли она деталь, или берет ее с ящика на высоте 0,75 м от пола (литейный серого чугуна), или поднимает ее с пола на высоте 0,25 м от пола (литейный ковкого чугуна).

Амплитуда движения корпуса от 0,25 до 0,5 м. Ноги при этом обычно остаются в одном положении, работают все время верхние конечности.

Работница, взяв деталь, быстро просматривает ее, где необходимо подточить, подносит деталь к точильному камню, кладет ее на подручник и, производя давление обеими руками на деталь, обтачивает ее.

Обточка детали длится в среднем от 1 до 5 минут, в зависимости от величины, формы и загрязненности ее.

При обточке мелких деталей весом до 1-2 кг пальцы рук охватывают деталь и прижимают ее к поверхности вращающегося камня; при обточке средних и крупных деталей работницы надавливают на деталь также верхней или нижней частью живота, в зависимости от роста работницы. Основным компонентом является вибрация, вследствие быстроты вращения точильного круга до 1200 оборотов в минуту и сопротивления обрабатываемой детали. Работа наждачницы связана с напряжением мышц спины, верхнего плечевого пояса, предплечья, кистей рук, брюшной стенки и зрения.

Хронометраж расхода рабочего времени наждачников установил расход

С. 13

в среднем до 90% рабочего времени на производственную работу, в то время как ТНБ, нормируя работу на наждачном станке, исходило из затраты времени на производственную работу максимум 82,6% рабочего времени, в зависимости от величины обрабатываемых деталей, как-то: при обработке мелкой детали до 1 кг норма рассчитана на израсходование 68 мин. в течение рабочего дня на отдых и непредвиденные простои, при обработке более тяжелых деталей весом до 2,5 кг – 73 мин. на отдых и простои и при обработке деталей весом до 5 кг и более – 79 мин. на отдых и простои.

Фактически же наждачники расходуют на отдых максимум 60-70 мин. Средняя месячная выработка на 1 человека по литейному цеху – 801 кг, а только по наждачному отделению на одного наждачника – 850 кг (по данным первого квартала 1933 г.).

Наждачный отдел дает наибольшую производительность труда при значительном преобладании женского труда (до 80,5% по отношению ко всей рабочей силе, что видно из следующей таблицы:

Таблица № 1

	Выполнение оперативного задания	Производительность труда
I квартал 1932 г.	Учета не велось	-
II квартал 1932 г.	88,2	90,3
III квартал 1932 г.	116,8	118,5
IV квартал 1932 г.	115,6	117,5
Средн. за 1932 г.	106,9	109,0
I квартал 1933 г.	139,7	150,1

Рабочий день, продолжительностью 6 часов в литейной ковкого чугуна и 7 часов в наждачном отделении литейной серого чугуна.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА НАЖДАЧНИЦЫ

Наждачица, приступая к работе, придает своему телу наиболее устойчивое положение. Для этого она расставляет ноги слегка в стороны, наклонив туловище немного вперед.

Взяв правой рукой деталь, работница придерживает ее левой. Затем вплотную прикладывая деталь к вращающемуся наждаку, работница все время следит за ходом обточки, несколько раз поднимая деталь для проверки на глаз (необходима точность и быстрота восприятия). Чем работница опытнее, тем реже ей приходится проверять работу, так как она знает потребную степень нажима на деталь (хорошо развитое суставно-мышечное чувство), необходимую для обточки. Движения рук все время мелкие, отрывистые.

Процесс работы на мелких деталях отличается только тем, что их придерживают щипцами, фиксируя обеими руками, предохраняя последние от ожогов. При сравнении работы слабой работницы с хорошей на первый план выступают следующие различия:

1) Быстрота движений – хорошая работница обтачивала деталь за 9", слабая ту же самую деталь за 20"; 2) у хорошей опытной работницы движе-

ния уверенные, свободные, у слабой координация недостаточная, движения напряженные, 3) у хорошей есть знание, сколько держать деталь у камня при обточке, слабая работница ежесекундно контролирует деталь. Таким образом можно сделать следующие выводы: для хорошей наждачницы необходимы:

1) быстрота и ловкость движений; 2) мышечно-суставное чувство; 3) глазомер; 4) концентрированное внимание; 5) быстрота и точность восприятия.

После составления профессиограммы перед нами встал вопрос о том, можно ли считать, что человек, обладающий более интенсивным вниманием, будет при прочих равных условиях и лучшим работником по данной профессии. Всегда, когда мы составляем профессиограмму, мы находим, что структура производственного поведения содержит ряд психологических компонентов, но сам уровень их развития, необходимый для выполнения данной конкретной работы, всегда остается для психотехника в большей или меньшей степени неясным. Может быть, что качество, которое мы отмечаем при производственном процессе важным звеном, должно для успешного его выполнения быть весьма интенсивно развито. Но нередко может быть и обратная картина, в менее сложных профессиях могут участвовать в работе функции с такой широкой амплитудой уровня их развития, что фактически большее или меньшее развитие этих функций, в пределах широкой нормы, совершенно не будет отражаться на продуктивности работы. Априорное разрешение такого вопроса в очень значительном числе случаев бывает почти невозможно и нередко требует экспериментального обоснования. У нас также имелись некоторые сомнения насчет самих компонентов, психофизиологической структуры данной профессии, их валентности и необходимого уровня их развития. Все это возможно было разрешить только путем экспериментального изучения, работниц данной профессии. Для этого нами была разработана соответствующая методика, заключающая в себе испытания:

1) общего уровня интеллекта; 2) технической сообразительности; 3) наблюдательности; 4) внимания; 5) глазомера; 6) координации и быстроты; движений; 7) мышечно-суставного чувства.

Хотя мы профессионально-важными качествами считали только: а) координированную быстроту движений; б) внимание; в) мышечно-суставное чувство и г) наблюдательность, для более углубленного изучения мы взяли еще промеры интеллекта и технической сообразительности. Для испытания быстроты и координации движений мы воспользовались тестом сортировки

(сортировка трех сортов мелких деталей), и учитывали быстроту ее, и допущенные ошибки. Для испытания внимания мы остановились на таблицах Мак-Керри, которые были нами выполнены в виде стенных таблиц, для мышечно-суставного чувства – кинематометр и динамометр, для испытания наблюдательности мы воспользовались сравнением двух таблиц домиков с рядом отличий друг от друга (тест проф. Гайворовского), для испытания глазомера – угловой глазомер обычного типа и, наконец, для испытания технической сообразительности – тест на складывание куба (тест Линка).

Для испытания общего интеллекта мы остановились на двух более простых вариантах теста контрастов и экстраслова. Большинство испытаний проходило индивидуально и только тесты на интеллект и складывание кубов коллективно.

Крайняя теснота помещения не позволила нам сделать установку конвейера и дать еще лишний промер на испытание моторики, но и та работа, которую мы проделали, дала нам ряд достаточно ценных выводов.

Основное к чему мы пришли – это то, что в данной профессии все существующие в ней психофизиологические качества находятся в отношении их значения, в пределах настолько широкой нормы, что с этой рабо-

С. 15

той не справилась бы только лица, очень резко выходящие за пределы нормы. Это означает: 1) что противопоказанием для работы могут служить лишь крайне редкие отклонения, отсюда следует, что для данной профессии медотбор значительно важнее психотехнического подбора; 2) что моторные навыки в этой профессии фактически перекрывают самую моторную одаренность; 3) что правильное обучение и стаж могут даже из человека со слабо развитой моторикой создать вполне пригодного профессионала; 4) что уровень образования и возраст также не играют здесь заметной роли. Все это нашло себе очень яркое подтверждение в отсутствии корреляции между данными администрации и данными результатов психотехнического эксперимента. Ни внимание, ни точность и быстрота приятия, ни моторика, ни глазомер не дали хоть сколько-нибудь ясной корреляции с данными той оценки, которые были даны администрацией. Это иллюстрируется следующей таблицей:

Таблица 2.

По данным администрации	По психотехническим данным оказываются			
	лучшими	средними	худшими	
лучшие	30%	61,5%	8,5%	-100%
средние	35%	47%	18%	-100%
худшие	19%	62%	19%	-100%

В таблицах все, которые были администрацией признаны лучшими, имелись за 100% и разбивались далее по тому, какой проц. из них получил по психотехнике «хорошо, средне или слабо». Из числа тех, кого администрация считает лучшими, по психотехническим данным 30% является лучшими, 62% средними и только 8,5% худшими. В отношении их некоторое совпадение также имеется. В отношении же группы слабых имеется очень большое несовпадение. При корреляциях по методу Спирмэна мы также получили крайне низкий коэффициент корреляции.

Желая более углубить изучение этого вопроса, мы подвергли полученные от администрации данные критической проверке, для чего изучили вопрос о зарплате (за квартал), вывели для каждой работницы среднюю ее выработку за час, и, наконец, поставили новый для психотехнической практики естественный производственный эксперимент, заключающийся в том, что каждая работница должна была обточить некоторое количество деталей определенных номеров, одинаковых для всех работниц, и при этом производился тщательный хронометраж. Все работницы ставились на один камень и весь производственный эксперимент проходил при равенстве всех условий. Изучение результатов производственного эксперимента дало нам данные, которых нам не доставало для суждения о некоторых моментах работы в данной профессии. Мы пришли к выводу, данные хронометража не дают сколько-нибудь значительной корреляции с данными зарплаты, что видно из следующей таблицы:

Таблица 3

По хронометражу	По зарплате		
	хорошие	средние	слабые
хорошие	73%	10%	9%
средние	16%	38%	46%
слабые	19%	33%	48%

Здесь совпадение больше, чем при сопоставлении данных администрации и психотехнических, но все же из 100%, имеющих по хронометражу плохие данные, 19% имеют хорошую и 33% среднюю зарплату. Это дает основание думать, что производительность труда в данной профессии зависит не только от некоторых навыков (а о них нам говорит производственный эксперимент), но и от физической выносливости и работоспособности. Это дает возможность слабым по данным эксперимента работницам иметь нередко хорошую среднюю зарплату за квартал, а хорошим и средним по скорости работы иметь нередко низкую зарплату.

Большое влияние на выработку имеет сама деталь; если работница стоит весь день на 1-2 деталях, ее выработка будет обычно больше, чем если она стоит на 5-6 деталях. Навыки играют здесь, по-видимому, первостепенную роль, что очень важно для рационализации труда в этой профессии. Коэффициент корреляции между скоростью штучной обточки оказался, например, для деталей Б-105 и КГ-101 равным 0,48, т.е. достаточно большим. Всё же перед нами возникает вопрос о необходимости специализации наждачницы на небольшом установленном для нее числе деталей. Это подтверждается тем, что коэффициент корреляции между Б-105 и М-133 равен всего 0,16, а коэффициент корреляции между М-133 и КГ-101 является даже отрицательным -0,11. Следовательно, различные детали являются то более сходными (как например, Б-105 и КГ-101) в отношении системы моторных навыков, которые в этом участвуют, то даже являются антагонистами (как например, М-133 и КГ-101, которые дают отрицательную корреляцию). Наконец, детали могут находиться и в индифферентном отношении друг к другу (Б-105 – М-133), когда положительная корреляция; очень мала. Это ставит перед нами и другой весьма важный вопрос о необходимости установить коэффициенты корреляций для всех деталей с; тем, чтобы на основе их разработать деление всех деталей на группы и на каждую из них поставить определенную группу наждачниц. Это может значительно повысить эффективность их труда, так как, если работнице попадаются детали, которые требуют совсем различных навыков обработки, то у нее значительно снизится количество и качество выработки. Мы случайно нашли, как нам кажется, новый весьма действительный метод для повышения производительности трудам производстве при работе на различных деталях.

По нашему глубокому убеждению, он заслуживает самого пристального изучения со стороны ТНБ завода, так как помогает анализу; структурного родства, которое имеют в себе навыки штучной обработки и, следовательно,

имеет большое значение для рационализации распределения деталей среди работниц. Это нуждается еще в серьезной проверке, но перспективы здесь настолько реальны, что заслуживают самого пристального внимания и дальнейшего изучения. Интересным оказывается и сопоставление данных хронометража с данными администрации.

Таблица № 4

Данные администрации	Данные хронометража		
	хорошие	средние	слабые
хорошие	67%	25%	8%
средние	8%	71%	21%
слабые	-	50%	50%

С. 17

Эта таблица не показывает полного совпадения, но она показывает его в значительно большей степени, чем обе предшествующие таблицы. Она говорит о том, что поставленный нами естественный проф. эксперимент является весьма неплохим средством для производственной оценки рабочих в некоторых профессиях. Там, где получить данные администрации трудно, данные этого эксперимента вместе с данными о зарплате могут служить достаточной основой для суждения о профессиональной ценности того или иного работника.

Эта же таблица говорит еще о громадной роли моторных навыков для данной профессии. Здесь не столько играют роль природные задатки (быстрота движений, ловкость движений), сколько длительная тренировка, длительные упражнения и образование соответствующих навыков. Последнее очень наглядно может быть иллюстрировано следующей таблицей, сопоставляющей стаж работницы (т.е. профессиональной тренировки) с данными хронометража в нашем эксперименте.

Таблица № 5

Распределение работниц по стажу

	До 2 месяцев	От 3 до 2 месяцев	От 6 мес. до 1 г.	От 1 г. до 2 лет	Более 2 лет
По хронометражу					
Хорошие	-	-	11%	78%	11%
Средние	-	26%	32%	37%	5%
Слабые	22%	22%	22%	33%	-

Эта таблица наглядно показывает значение, которое имеет стаж в данной профессии. Так, стаж до 6 мес. среди работниц со слабыми моторными навыками имеется у 44% их общего количества, на долю работниц со средними данными по хронометражу только 20% и на долю сильных – 0%, т.е. работницы начинают переходить в категорию хороших только после 6 мес., а то и года работы. С другой стороны, из лиц, имеющих более 2 лет стажа работы, – 11% хороших по моторным навыкам, 5% средних и 0% слабых. Но эта же таблица говорит нам и о том, что навыки образуются лишь весьма медленно и, что при подборе в эту профессию следует испытывать координацию и быстроту движений работниц и отдавать предпочтение лицам с лучшей моторикой. Для этого надо пользоваться какой-то другой методикой, кроме той, которая имела в нашем распоряжении. Больше того, это указывает нам на то, что в психотехнике по отношению к профессиям, с очень медленно вырабатываемыми навыками, для испытания способности к образованию моторных навыков, необходимо найти какие-то новые, пока нам неизвестные, методы, так как они нередко обнаруживают значительный прогресс и одновременно остаются весьма слабо улавливаемыми. Что эта профессия не столько требует одаренности, сколько навыков говорит и следующая приводимая нами таблица, где мы сопоставляем оценку администрации с данными по стажу.

Таблица 6

Распределение работниц по стажу

	До 1 месяца	До 6 месяцев	До 1 года	До 2 лет	2 года и больше
По данным администрации					
Хорошие	-	-	24%	16%	60%
Средние	-	-	52%	24%	14%
Слабые	6%	3%	32%	24%	-

С. 18

Это подтверждает, что для образования необходимых моторных навыков для данной профессии требуется весьма солидное время, колеблющееся между 6 месяцами и годом и даже несколько больше. Объяснение этому возможно, по-видимому, найти в том обилии различных деталей, которые наждачнице приходится подвергать обработке. Вопрос о возможности применения женского труда в этой профессии, в его психотехнической части разрешается

довольно четко. Она не требует от тех, кто хочет в ней работать, данных, которые хоть сколько-нибудь значительно выходили бы за широкие пределы нормы, и поэтому женщины могут работать в этой профессии несколько не уступая мужчинам. На мелких деталях они даже могут иногда давать более значительную продукцию, чем мужчины. Что же касается работы на крупных деталях, то единственным противопоказанием здесь являлась бы тяжесть, деталей и трудность прижимания их к камню для обточки, но это уже выходит за пределы собственно психотехнической компетенции, при самом же подборе работниц в эту профессию к ней не следует допускать лишь лиц, имеющих патологическое снижение данных по моторике (главным образом, координации и быстроте движений). У женщин такие случаи, как и у мужчин, крайне редки, поэтому для них эта профессия по данным психотехники даже подходит больше; чем для мужчин. Затруднение может быть только с работой на больших деталях, но тоже не в отношении психотехники, а вследствие медпротивопоказаний. Во всяком случае мы считаем, что при постановке вопроса о работе женщин на крупных деталях необходимо соблюдение следующих основных условий: а) ставить на крупные детали только физически сильных и более стажированных работниц, б) определить круг крупных деталей по принципу высоких коэффициентов корреляции между временем их обработки у коллектива наждачниц.

Вообще же мы считаем, что с точки зрения психотехники труд наждачницы на Сельмаше организован далеко неудовлетворительно и должен быть значительно рационализирован. Мы делаем следующие выводы из изучения труда наждачниц.

1. Труд наждачницы организован на Сельмаше нерационально, это сказывается, в первую очередь, в совершенном отсутствии должной системы подготовки к этой работе новичков, в силу чего процесс выработки моторных навыков, являющийся одним из решающих моментов продуктивности работы наждачниц, растягивается на срок от 5 до 14 мес. Этот срок, безусловно, можно сократить наполовину, если не больше, при систематическом обучении новичков в течение 1-2 мес. Для этой цели необходимо иметь специального инструктора, хорошо знающего приемы обточки различных деталей и могущего показать наиболее экономные приемы обточки.

2. Нет настоящего разделения труда, к любой наждачнице могут попадать различные детали; здесь желательно стать на путь прикрепления к наждачницам определенных деталей, может быть, воспользовавшись для этого тем методом корреляции, на который мы указываем в своей работе.

3. Труд наждачницы психофизиологически имеет своими основными компонентами: а) физическую выносливость; б) наличие достаточного запаса моторных навыков; в) координации движений; г) внимание; д) наблюдательность.

Но все эти компоненты, за исключением первых двух, находятся в пределах такой широкой нормы, что для профессии наждачницы более существенным является медотбор, чем психотехнический отбор, хотя все же при нем-в первую очередь следует обращать внимание на все те компоненты, которые выше нами уже отмечены,

4. Профессиограмма наждачницы может быть скорее и ближе охарактеризована, как профессия навыков, нежели как профессия специальной

С. 19

профессиональной одаренности. Отсюда, у администрации должно быть «чень бережное отношение к наждачницам, имеющим уже известный стаж в своей работе, памятуя, что в этой профессии процесс образования навыков, следовательно, и не вполне полноценной работы, занимает в среднем от 6 до 10 мес.

5. Относительно использования женского труда мы имеем возможность указать, что по разделу психотехники никаких возражений против самого широкого применения женского труда не имеется, вплоть до работы на крупных деталях, где только необходимо подбирать работниц и организовывать работу при соблюдении тех основных указаний, которые мы делаем по этому вопросу в своей работе.

Что же касается работы на мелких деталях, то здесь работа женщин на наш взгляд имеет даже известные преимущества перед работой мужчин.

6. Психотехнически мы в профессии наждачницы столкнулись с весьма интересным явлением того, что лучшие данные по тестам на быстроту и координацию движений и на мышечно-суставное чувство не дают положительно корреляции с данными по специфич. профессиональным моторным навыкам и здесь перед нами, как перед психотехниками, встает вопрос о том, что нередко могут, может быть, получаться ножницы между профессиональными навыками, как специфической моторикой и обычными промерами моторики, которые имеются в психотехнической практике. Это ставит перед нами во весь рост проблему типологии моторных функций, до настоящего времени все еще очень слабо разработанную в психотехнике.

7. Мы считаем, что наш опыт использования данных зарплаты и данных производственного эксперимента в целях получения добавочных критериев для анализа нашего материала полностью оправдал свое применение в этой области и, может быть, несомненно, рекомендован, как путь для проверки данных администрации, что всегда лимитировало точность сопоставления данных.

Наконец, этот анализ (зарплаты и хронометража) заставляет нас считать работу наждачницы физически достаточно напряженной, в которой вопросы утомления могут больше, чем во многих других профессиях, обуславливать собою продуктивность работы отдельной работницы.

Список литературы:

1. Бебчук Л.С., Гайворовский А.А., Резников М.А. Показания и противопоказания к приему женщин в профессию наждачницы на Ростсельмаше / Труды Азово-Черноморского краевого научно-исследовательского института охраны материнства и младенчества. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, 1934. С. 12-27.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А. 406. Оп. 12. Д. 2505. Л. 103-106.
3. Носкова О.Г. История психологии труда в России (1917–1957): учеб. пособие; под ред. проф. Е.А. Климова. М.: Изд-во МГУ, 1997. 334 с.

References:

1. Bebchuk L.S., Gajvorovskij A.A., Reznikov M.A. Pokazanija i protivopokazanija k priemu zhenshin v professiju nazhdachnicy na Rostsel'mashe / Trudy Azovo-Chernomorskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo instituta ohrany materinstva i mladenchestva. Vyp. 1. Rostov-na-Donu: Azovo-Chernomorskoe kraevoe knigoizdatel'stvo, 1934. S. 12-27.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. A. 406. Op. 12. D. 2505. L. 103-106.

3. Noskova O.G. Istorija psihologii truda v Rossii (1917–1957): ucheb. posobie; pod red. prof. E.A. Klimova. M.: Izd-vo MGU, 1997. 334 s.

Сведения об авторах:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Костригин Артем Андреевич, преподаватель кафедры психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Вопросы истории и методологии психологии

“Was *einem* Menschen allein absolut unmöglich, ist zweien möglich” – Eine historisch-methodologische Studie über Feuerbachische Elemente im Spätwerk L. S. Vygotskijs¹

Keiler Peter

Freie Universität Berlin, Berlin, Deutschland

e-mail: peter.keiler@fu-berlin.de

Zusammenfassung. Die Studie hat den Einfluss des deutschen materialistischen Philosophen Ludwig Feuerbach (1804-1872) auf die Theoriebildung L. S. Vygotskijs zum Gegenstand. Ihr Ausgangspunkt ist die Feststellung, dass sich Vygotskijs Affinität zu Feuerbach im Laufe seiner, in drei Hauptperioden zu unterteilenden wissenschaftlichen Karriere in durchaus unterschiedlicher Weise äußerte. Im Anschluss an eine kurze Charakterisierung der Spezifik dieses Verhältnisses in den verschiedenen Perioden wird dann das Schwergewicht der Untersuchung auf das Spätwerk Vygotskijs (1931-1934) gelegt, dessen Ausarbeitung überschattet war von den radikalen politisch-ideologischen Veränderungen in der Sowjetunion in den frühen 1930er Jahren. Zugrunde gelegt wird dabei die These, dass sich Vygotskij angesichts der Erfordernisse der neuen Situation auf eine strategische Attitüde zurückzog, die man wegen ihrer paradoxen Eigenheiten als „Krypto-Feuerbachianismus“ bezeichnen könnte. Diese These wird anhand einer detaillierten Analyse der expliziten Bezugnahme auf Feuerbach in zwei von 1932, respektive 1934 datierenden Texten Vygotskijs untermauert. Dabei werden zunächst einige, die Entschlüsselung des „Untertextes“ bzw. der „Hintergedanken“ dieser Bezugnahmen betreffende methodische Probleme erörtert; anschließend wird erläutert, was unter dem „Feuerbach-Prinzip“ im Spätwerk Vygotskijs zu verstehen ist.

Schlagnorte: Vygotskij, Feuerbach, historisch-politischer Hintergrund der Arbeit Vygotskijs, methodologische Probleme der Identifizierung kaschierter Quellen, Krypto-Feuerbachianismus in Vygotskijs Spätwerk, kultur-historisch orientierte Psychologie

¹ Erweiterte Fassung der deutschen Version eines auf der XI. European Conference on Developmental Psychology (Mailand, 27.-31. August 2003) gehaltenen Referats; Übersetzung der fremdsprachigen Zitate durch den Verfasser.

«Что совершенно невозможно *одному* человеку в одиночку, то возможно для *двух*»² — историко-методологическое исследование идей Фейербаха в работах позднего периода творчества Л.С. Выготского

Кайлер Петер

Свободный университет Берлина, Берлин, Германия

e-mail: peter.keiler@fu-berlin.de

Аннотация. В эссе рассматривается влияние немецкого философа-материалиста Людвиг Фейербаха (1804-1872) на идеи Л. С. Выготского. Статья начинается с того наблюдения, что, несмотря на свою преемственность, близость Выготского к Фейербаху не всегда проявлялась одинаково в течение его научной карьеры. Основное внимание уделяется позднему периоду творчества Выготского (1931-1934), чья научно-исследовательская работа была осложнена радикальными политико-идеологическими изменениями в Советском Союзе в начале 1930-х гг. Автор утверждает, что из-за требований новой ситуации Выготский должен был принять такую позицию, которую из-за ее парадоксальных черт можно охарактеризовать как «крипто-фейербахианство». Данный аргумент подтверждается более близким рассмотрением двух явных ссылок на Фейербаха в последние годы его научного творчества (Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 5, С. 230; Т. 2, С. 361). Сначала я анализирую проблемы, с которыми приходится сталкиваться при попытке идентифицировать «подтекст» или скрытый смысл подобных ссылок, а затем показываю, что в «позднем» Выготском гораздо больше «Фейербаха», чем можно предположить при первом взгляде.

Ключевые слова: Выготский, Фейербах, историко-политический контекст творчества Выготского, методологические проблемы выявления скрытых источников, крипто-Фейербахианство в позднем творчестве Выготского, культурно-историческая психология

Zur Einführung

Die These, dass Vygotskij mit dem Werk des deutschen Philosophen Ludwig Feuerbach (1804-1872) nicht nur „sehr gut vertraut“ war und „es hoch schätzte“, sondern darüber hinaus in den Gedanken Feuerbachs auch einen wesentlichen „Ausgangspunkt für den Aufbau einer marxistisch-materialistischen Psychologie“ sah, ist keineswegs neu. Sie findet sich bereits 1982 im Anmerkungsteil des zweiten Bandes der russischen Vygotskij-Werkausgabe, und zwar als Kommentar zu einer Bezugnahme Vygotskijs auf Feuerbach im Rahmen der Schlussbemerkung von *Denken und Sprechen* [54, T. 2, S. 489, Anm. 99]. Dieser Kommentar ist dann auch

²[8, Tom I, с. 149]

in den ersten Band der *Collected Works* übernommen worden [56, Vol. 1, S. 348, Anm. 99], so dass besagte These, deren Autor übrigens L.A. Radzichovskij ist, zumindest dem englischlesenden internationalen Fachpublikum seit mehr als zweieinhalb Jahrzehnten geläufig sein sollte. Es ist daher durchaus bemerkenswert, dass sie bisher in der einschlägigen Sekundärliteratur keine nennenswerte Resonanz gefunden hat. Dies ist umso mehr zu bedauern, als das Bemühen um ein tieferes Verständnis des Verhältnisses Vygotskij's zu Feuerbach zu einer Reihe interessanter Einsichten nicht nur in das Werk Vygotskij's selbst, sondern auch in das wissenschaftspolitische Umfeld seines Schaffens führt.

So zeigt sich etwa, dass dieses Verhältnis keineswegs das einer jederzeit als solcher deutlich erkennbaren Nachfolgebeziehung ist. Zwar kann im Sinne der eingangs zitierten Charakterisierung grundsätzlich davon ausgegangen werden, dass Vygotskij zu den Auffassungen Feuerbachs eine durchgehend positive Einstellung hatte; zugleich muss jedoch gesehen werden, dass diese Einstellung sich in den verschiedenen Perioden seiner wissenschaftlichen Karriere in durchaus unterschiedlicher Weise äußerte:

1. Es gibt Anzeichen dafür, dass Vygotskij bereits in der ersten Periode (1924 – 1926/27) dem sein Spätwerk prägenden Grundgedanken Feuerbachs zuneigte, dem zufolge die spezifisch menschlichen Wesensmerkmale ihren Ursprung und ihre Hauptentwicklungsbedingung in der „Gemeinschaft des Menschen mit dem Menschen“ haben³. Deutlicher als in seinen ersten veröffentlichten Verlautbarungen zur Behindertenproblematik kommt seine Haltung gegenüber dem großen Philosophen allerdings in seinen Beiträgen zur in der Mitte der 1920er Jahre in der Sowjetunion geführten Debatte über die Bedeutung der Auffassungen Feuerbachs für die theoretisch-methodologischen Grundfragen einer marxistisch-materialistischen Psychologie zum Ausdruck. Diese Debatte war Teil einer Evaluation der Stellung G.V. Plechanovs (1856-1918) hinsichtlich des psycho-physischen Problems⁴, die wesentlich auf den dafür einschlägigen Theoremen Feuerbachs basierte (vgl. hierzu etwa [14; 28, S. 11]. Plechanov, der „Vater des russischen Marxismus“, war seit Mitte der 1890er Jahre ein Anhänger des „deutschen Spinoza“⁵ und beeinflusste mit seinem militanten Eintreten für dessen Ideen u. a. auch V.I. Lenin (siehe hierzu etwa

³ Vgl. hierzu etwa in Vygotskij's 1924er Pilotartikel über die Psychologie und Pädagogik der kindlichen Defektivität den Argumentationsgang, der mit einem Zitat aus der 1911er russischen Ausgabe von Paul Natorps *Sozialpädagogik. Theorie der Willenserziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft* beginnt [55, S. 24] — N.B.: Während sich in der russischen Vygotskij-Werkausgabe lediglich leichte Veränderungen gegenüber dem Original feststellen lassen [54, Tom 5, S. 78 f.], liefert die englische Werkausgabe eine regelrechte Parodie der betreffenden Passage [56, Vol. 2, S. 8].

⁴ N.B.: In der deutsch-russischen Tradition geht das psycho-physische Problem erheblich über das eng umschriebene Leib-Seele-Problem hinaus, es erstreckt sich auf die Beziehungen des Psychischen zu *allen* Teilen und Momenten der physischen (materiellen) Welt und den ihr immanenten Verhältnissen.

⁵ Diesen Ehrennamen hatte Feuerbach auf dem Höhepunkt seiner Popularität in Deutschland Ende der 1840er Jahre erhalten (vgl. [33, Bd. 1, S. 382 f.]).

dessen *Materialismus und Empiriokritizismus*). Für ein besseres Verständnis des „Plechanov-Feuerbachianismus“ des ‘frühen’ Vygotskij sollten indes nicht nur die Schriften Plechanovs herangezogen werden, auf die sich Vygotskij direkt bezieht (so etwa die *Grundprobleme des Marxismus*)⁶, sondern es ist auch das literarische und editorische Werk des Plechanov-Schülers A.M. Deborin (1881-1963) zu berücksichtigen, der bis zum Ende der 1920er Jahre einen erheblichen Einfluss auf die Entwicklung der sowjetischen Philosophie ausübte⁷. Nicht nur, dass sich in Deborins Arbeiten an verschiedenen Stellen Bezüge auf Feuerbach finden, er hatte diesem auch anlässlich seines fünfzigsten Todestages eine umfangreiche Studie gewidmet [6] und zwischen 1923 und 1926 gemeinsam mit L.A. Aksel’rod-Ortodoks sowie D.B. Rjazanov, dem Direktor des Marx-Engels-Instituts, drei Bände mit Originaltexten des Philosophen herausgegeben ([12])⁸ und durch all dies „viel zur Verbreitung Feuerbachscher Gedankengänge in Sowjet-Rußland beigetragen“ [46, S. 496].

Insgesamt gewinnt man beim Studium der einschlägigen Literatur der damaligen Zeit⁹ den Eindruck, dass Feuerbachs Prophezeiung, seine Zeit werde noch kommen (vgl. [6, S. 85], sich endlich bewahrheitet hatte, wenn auch nicht, wie es seine Hoffnung war, in Deutschland. Im Fazit lässt sich daher wohl die allgemeine Haltung der sowjetrussischen Intelligenz in der Mitte der 1920er Jahre treffend mit jenen Worten charakterisieren, die Fr. Engels 40 Jahre früher in seinem *Ludwig Feuerbach* gebraucht hatte, als er die Situation der Junghegelianer nach der Publikation von Feuerbachs *Das Wesen des Christentums* im Jahre 1841 beschrieb: „Wir alle waren momentan Feuerbachianer“ (vgl. [37, Bd. 21, S. 272])¹⁰.

Die in der besagten Zeit von sowjetischen Psychologen am häufigsten bezogene Schrift Feuerbachs war die ursprünglich 1846 im Rahmen des zweiten Bandes von Feuerbachs *Sämtlichen Werken* publizierte programmatische Abhandlung „Wider den Dualismus von Leib und Seele, Fleisch und Geist“. Eine russische Übersetzung war bereits 1908 zusammen mit einem weiteren Artikel Feuerbachs in einem „Über Dualismus und Unsterblichkeit“ betitelten Band herausgekommen¹¹ und hatte dann 1923 Aufnahme in den ersten Band der *Sočinenija*

⁶ In einigen Fällen ist eine peinlich genaue „philologische“ Analyse erforderlich, um die tatsächlichen Quellen von Vygotskij's Verweisen auf Plechanov zu identifizieren. Auf keinen Fall sollte man blindlings den Angaben vertrauen, die sich in der russischen bzw. englischen Vygotskij-Werkausgabe finden.

⁷ Zu einer Kurzbiografie Deborins siehe [25, S. 464-467] resp. [24, S. 359 ff].

⁸ Zu detaillierteren bibliografischen Angaben (etwa Inhalt und Auflagenstärke der einzelnen Bände) siehe [1].

⁹ Siehe hierzu insbesondere: [4; 5; 6; 14; 29; 34; 36; 40; 41; 47; 48].

¹⁰ Bezeichnenderweise wird in der traditionellen Marx-Engels-Forschung der Zweideutigkeit des Wortes „momentan“ keinerlei Beachtung geschenkt. Es kann ja sowohl „unverzüglich, sofort“ als auch „nur für einen Moment, nur kurzfristig“ bedeuten. Wie ich an anderer Stelle ausführlich dargelegt habe, kommt Engels' eigene Haltung gegenüber Feuerbach wesentlich in der zweiten Bedeutung zum Ausdruck (vgl. [21, S. 12-16/S. 36 ff.] bzw. [21, S. 11-15/S. 32 ff.]).

¹¹ Vgl. [5, S. 33; 8, S. 656/660; 46, S. 476; 48, S. 211].

gefunden.¹² Längere Zitate aus dieser Abhandlung finden sich nicht nur in Artikeln von K.N. Kornilov [29] und A.R. Lurija [36], sondern auch in der 1926 von G.I. Čelpanov publizierten polemischen Broschüre *Psychologie oder Reflexologie?*. Hinsichtlich dieser ist von Interesse, dass Čelpanov, der frühere Direktor des Moskauer Instituts für Psychologie und nach wie vor Bannerträger der „älteren Psychologie“, sein Zitat mit der Schlussfolgerung krönte, aus der zitierten Passage sei „unschwer zu erkennen“, dass es sich „bei Feuerbachs Humanismus zweifellos um eine Art von Spinozismus“ handele (vgl. [4, S. 33]). Indem er so Feuerbachs Ehrennamen „Deutschlands Spinoza“ bestätigte, signalisierte Čelpanov einerseits eine (zumindest partielle) Übereinstimmung mit Plechanov, andererseits verfolgte er damit die Absicht, Feuerbach gegen Marx auszuspielen, dem er „empirischen Dualismus“ vorwarf (vgl. [4, S. 34]).

Im Zusammenhang unserer Fragestellung von noch größerer Signifikanz sind indes Lurijas Bezugnahmen auf Feuerbachs Abhandlung in seinem 1925er Artikel „Psychoanalyse als ein System monistischer Psychologie“, lässt er hier doch keinerlei Zweifel an der hervorragenden Bedeutung der Auffassungen Feuerbachs für die Ausarbeitung der „neuen Psychologie“:

Es muss darauf hingewiesen werden, dass Feuerbach in frappierender Weise viele Konstruktionselemente der neuen Psychologie vorweg nahm. Seine Argumente für eine monistische Auffassung der Persönlichkeit, der Sinne, des Zusammenhangs zwischen der Hirntätigkeit und der Tätigkeit der Körperorgane sind insgesamt das klassische Musterbeispiel eines gesunden und tiefgründigen Zugangs zum Problem der Persönlichkeit. Vgl. insbesondere seinen Aufsatz: „Wider den Dualismus von Leib und Seele, Fleisch und Geist“. Werke Bd. 1, GIZ., 1923, S. 146 ff. ([36, S. 58, Fußn. 1] bzw. [35, S. 48, Anm. 12])

Insofern ist es offenbar Ausdruck eines eher allgemeinen Trends, wenn sich Vygotskijs Begeisterung für Feuerbachs „psychologischen Materialismus“ in seinem 1926/27 verfassten großen Essay über die Krise der Psychologie und dem in enger Beziehung hierzu stehenden Artikel „Psyche, Bewusstsein und Unbewusstes“ manifestiert. In beiden Texten ist der Name Feuerbachs die Chiffre für das Programm einer systematischen Umgestaltung der Psychologie auf konsequent materialistischer Grundlage (vgl. [61, Bd. 1, S. 236 f./S. 239/S. 245] sowie [56, Vol. 3, S. 116])¹³.

¹² Ein drittes Mal wurde sie in den ersten Band der *Ausgewählten philosophischen Werke in zwei Bänden* (Tom I, Tom II) aufgenommen, die im Jahr 1955, d. h. während der „Tauwetter“-Periode publiziert wurden.

¹³ Obwohl „Psyche, Bewusstsein und Unbewusstes“ erst 1930 publiziert wurde (vgl. [53] bzw. [56, Vol. 3, S. 109], Fußn.*), muss der eigentliche Ursprung dieses Artikels offensichtlich in den Zeitraum 1925-27 zurückdatiert werden, als die Diskussion über die theoretisch-methodologischen Grundlagen der „neuen“ (d. h. marxistisch-materialistischen) Psychologie ihren ersten Höhepunkt erreicht hatte (vgl. [27; 28; 29]). Die plausibelste Annahme ist, dass der Artikel

2. In der zweiten Periode seiner wissenschaftlichen Karriere (1927/28 – 1930/31), die der Ausarbeitung und Revision der Ausgangsversion der (später so genannten) „kulturhistorischen Theorie“¹⁴ gewidmet ist, scheint Feuerbach, zumindest auf den ersten Blick, für Vygotskij seine programmatische Relevanz verloren zu haben, erwecken doch die aus der fraglichen Zeit bisher publizierten Vygotskij-Texte den Eindruck, dass die Rückgriffe auf Feuerbach jetzt nur mehr die Funktion der formellen Absicherung gegen das Abgleiten der eigenen Konstruktionen in einen Idealismus Hegel'scher Prägung erfüllen (vgl. [61, Bd. 2, S. 634] sowie [52, S. 299 f.]). Es gibt allerdings ein deutliches Indiz dafür, das Vygotskijs Feuerbach-Begeisterung sich keineswegs in einem sprichwörtlichen Uferspaziergang erschöpft hatte, sondern dass er tatsächlich „durch den Feuerbach“ gegangen¹⁵ war: seine ab 1928 durchgehend konsequente Verwendung der Formulierungen „psychologische Prozesse [psichologičeskie processy]“ and „psychologische Funktionen [psichologičeskie funkcii]“ anstatt der Mainstream-Versionen „psychische Prozesse [psichičeskie processy]“ und „psychische Funktionen [psichičeskie funkcii]“ (wie sie auch von I.P. Pavlov verwendet wurden). Zwar scheint man mittlerweile in der einschlägigen Literatur dieser für Vygotskij charakteristischen terminologischen Eigenheit Rechnung zu tragen, hält es aber anscheinend für unnötig, den konzeptionellen Gründen für diese vermeintliche Marotte nachzugehen. Dabei können diese Gründe sehr leicht herausgefunden werden, wenn man sich eingehender mit dem bereits erwähnten Artikel „Psyche, Bewusstsein und Unbewusstes“ beschäftigt, dessen zentrales Argument darin besteht, dass „die Anwendung des Feuerbach'schen Standpunktes in der Psychologie möglich wird, wenn psychische Prozesse durch psychologische Prozesse ersetzt werden“ (zit. nach [56, Vol. 3, S. 116])¹⁶.

3. In Vygotskijs letzter Schaffensperiode (1931 – 1934) zeigt sich sein Verhältnis zu Feuerbach überschattet von den Auswirkungen des sich 1930/31 in der sowjetischen Wissenschaftspolitik vollziehenden Umschwungs, der dem „goldenen Zeitalter“ des Feuerbachianismus ein definitives Ende setzte. Dabei ging die betreffende Veränderung in der allgemeinen Haltung gegenüber Feuerbach nicht etwa darauf zurück, dass man auf bis dahin übersehene „Schwächen“ oder „Fehler“ in seinem Werk aufmerksam geworden wäre – vielmehr haben wir es hierbei mit dem

zumind in seinen wesentlichen Teilen im ‘Dunstkreis’ des „Krisen“-Projekts ausgearbeitet wurde. Diese Annahme, die von mir seit mehr als einem Jahrzehnt vertreten wird (vgl. [24, S. 113 f./151; 25; 26, S. 46 f.]), hat neuerdings durch die von E. Ju. Zaveršneva durchgeführten Analysen des im Vygotskij-Familienarchiv aufbewahrten Textmaterials (vgl. [62; 63]) sowie die auf diesen Analysen basierende Rekonstruktionsarbeit (vgl. [64]) nachdrückliche Unterstützung erfahren.

¹⁴ Zur ausführlichen Diskussion des Problems der korrekten Bezeichnung von Vygotskijs Ansatz vgl. [19; 23].

¹⁵ Zum Nachvollzug dieses auf der buchstäblichen Bedeutung des Familiennamens „Feuerbach“ basierenden Wortspiels vgl. [37, Bd. 1, S. 27].

¹⁶ Zum russischen Originaltext siehe [54, Tom 1, S. 141] bzw. [53, S. 55].

Kollateraleffekt eines politisch-ideologischen Dramas zu tun, das sich zwar nur über einen relativ kurzen Zeitraum erstreckte, aber weitreichende Konsequenzen hatte. Es nahm seinen Anfang im Juni 1930 in der Vorbereitungsphase des XVI. Parteitages der Allunions-KP (Bolschewiki)¹⁷, spitzte sich zwischen Juli und Oktober 1930 zu, erreichte seinen Höhepunkt um die Jahreswende und fand ein vorläufiges Ende mit der Ablösung Deborins als Chefredakteur der führenden Zeitschrift *Pod Znamenem Marksizma [Unter dem Banner des Marxismus]* und Vize-Direktor des Marx-Engels-Instituts Ende Januar 1931. Einen halben Monat später wurde D.B. Rjazanov, leitender Direktor dieses Instituts und verdienstvoller Chefherausgeber der Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA), verhaftet und die ganze Prozedur dann im April 1931 durch die Verschmelzung des Marx-Engels-Instituts mit dem Lenin-Institut zum Marx-Engels-Lenin-Institut als dem forthin unumstrittenen Gralshüter des Marxismus-Leninismus „gekrönt“.¹⁸

Und eine der unvermeidbaren Konsequenzen von Deborins Fall war nun, dass die hohe Wertschätzung, die er Feuerbach hatte zuteil werden lassen (indem er ihn z. B. zum dialektischen Materialisten im strengen Sinne erklärte und den Marxismus als nichts anderes als eine Form des Feuerbachianismus charakterisierte), in Richtung einer Herabminderung von Feuerbachs Bedeutung „korrigiert“ werden musste. Dabei sollte (wie sich dies bereits in M. Mitins Akademie-Vortrag vom 1. Januar 1931 andeutete) die offizielle Herabstufung Feuerbachs nicht mit einem vollständigen Reputationsverlust enden, vielmehr wurde er lediglich in die Rolle zurückgedrängt, die ihm schon Engels in seinem *Ludwig Feuerbach* zugewiesen hatte: „Johannes der Täufer des Marxismus“, nicht weniger, aber auch nicht mehr.

Unter diesen Bedingungen war es eine riskante Angelegenheit, offen den heuristischen Wert der Konzeptionen Feuerbachs für Fragestellungen hervorzuheben, die außerhalb der Sphäre des speziellen Interesses von Marx und/oder Engels lagen, aber gleichwohl von einiger Bedeutung für den inneren Ausbau des Marxismus waren. Es konnte leicht „missverstanden“ werden und die Inkrimination des betreffenden Forschers nach sich ziehen, noch immer ein Parteigänger Deborins und

¹⁷ Später umbenannt in Kommunistische Partei der Sowjetunion (KPdSU).

¹⁸ Die Handlung dieses Dramas ist zu komplex, um in drei Sätzen wiedergegeben zu werden und dabei alle relevanten Aspekte zu berücksichtigen. Die Leserinnen und Leser mögen daher für einen ersten Überblick den detaillierten Bericht in meinem *Feuerbach, Wygotski & Co.* (vgl. [21, S. 79-86/139-142]) zu Rate ziehen. Für die Zeit bis Oktober 1930 basiert dieser Bericht größtenteils auf den Forschungsergebnissen von Simon Rawidowicz, einem Zeitzeugen der Ereignisse von 1930 (vgl. [46, S. 497 ff.]). Für die Zeit nach dem Oktober 1930 stützt er sich ausschließlich auf meine eigenen Recherchen. Den an einer vollständigen Rekonstruktion der angesprochenen Ereignisse interessierten Leserinnen und Lesern empfehle ich folgende Quellen: Mitin, Ral'cevič & Judin [39]; Deborin et al. [7]; Ral'cevič [45]; Rjazanov (Sept./Okt. 1930/1997) [44]; Büro der Parteizelle der Allunions-KP (Bolschewiki) des Instituts der Roten Professur für Philosophie und Naturwissenschaften [2]; Wolkogonow [60, S. 338 f.]; Büro der Parteizelle des Inst. der Roten Professur für Philos. und Nat.wiss. [3]*; Mitin [38]; ZK der Allunions-KP (Bolschewiki) [65]*; Stein [49]; Hecker [15]. – N.B.: Hinsichtlich der korrekten Datierung der beiden mit * markierten russischen Quellen ist zu berücksichtigen, dass die Oktober-Dezember-Ausgabe des Jahrgangs 1930 von *Pod Znamenem Marksizma* (No. 10-12) nicht vor Ende Januar bzw. (noch wahrscheinlicher) erst Anfang Februar 1931 erschien.

damit Vertreter eines „menschewisierenden Idealismus“ zu sein (vgl. [50, S. 302 f.]). In Folge hiervon werden wir bei der Analyse des Vygotskij'schen Spätwerkes mit einer eigentümlichen Paradoxie konfrontiert: Einerseits gibt es gerade hier sowohl im Rahmen defektologischer und entwicklungspsychologischer Fragestellungen als auch auf dem Gebiet der Sprachpsychologie weitgehende inhaltliche Übereinstimmungen mit den Positionen Feuerbachs; andererseits finden sich aber in den Arbeiten der Jahre 1931-34, soweit bisher publiziert, auffallend wenige explizite Bezüge auf ihn, erscheinen vielmehr die Beziehungen Vygotskijs zu den Auffassungen Feuerbachs weitgehend verschleiert und sind bisweilen nur über aufwendige Recherchen zu belegen – Recherchen, für deren Durchführung außer der Kenntnis der betreffenden Arbeiten Vygotskijs auch die hinreichende Vertrautheit mit den einschlägigen Schriften Feuerbachs eine unabdingbare Voraussetzung ist.

Wie in der Zusammenfassung angedeutet, wird es im Folgenden um den „Krypto-Feuerbachianismus“ des ‚späten‘ Vygotskij gehen, wobei mit dieser Aufgabenstellung eine doppelte Zielsetzung verbunden ist:

Zum einen möchte ich einen Eindruck von den methodischen Schwierigkeiten vermitteln, mit denen man konfrontiert ist, wenn man die These Radzichovskijs von der starken Affinität Vygotskijs zu den Auffassungen Feuerbachs nicht einfach nur als das Expertenurteil eines ‚Insiders‘ hinnimmt, sondern dazu übergeht, diese These auf ihre Stichhaltigkeit hin zu überprüfen. Zum anderen soll, gestützt auf entsprechende Belege (sowohl im Haupttext als auch im Anhang zu dieser Studie), gezeigt werden, dass an besagter These tatsächlich ‚etwas dran‘ ist, letztlich sogar mehr, als die Worte Radzichovskijs vermuten lassen.

Zum Einstieg in die Problematik sollen zwei Stellen im Spätwerk Vygotskijs dienen, wo einerseits sein Bezug auf Feuerbach ganz deutlich ist, andererseits bei näherer Untersuchung aber auch sehr schnell die Komplexität des sich dahinter verbergenden Verhältnisses erkennbar wird.

Deutlich und zugleich problemgeladen

Bei der ersten Stelle handelt es sich um das Schlusswort von Vygotskijs Einleitung in das 1932 erschienene Buch Ekaterina Gračevas über die Erziehung und Unterrichtung von Kindern mit schwerer geistiger Behinderung, bei der zweiten um einen Passus aus dem Schlussteil des letzten Kapitels von *Denken und Sprechen*, das bekanntlich bereits als posthumes Werk veröffentlicht wurde.

Besagtes Schlusswort der Einleitung zu Gračevas Buch lautet:

Nur die soziale Erziehung kann die Einsamkeit der Idiotie und der tiefen Zurückgebliebenheit überwinden, das schwer zurückgebliebene Kind durch den

Prozess der Menschwerdung führen; denn – nach einer bemerkenswerten Redewendung von L. Feuerbach, die als Motto für eine Lehre von der Entwicklung des anomalen Kindes dienen könnte –: das, was für einen allein absolut unmöglich ist, ist möglich für zwei. Fügen wir hinzu: Das, was auf der Ebene der individuellen Entwicklung unmöglich ist, wird auf der Ebene der sozialen Entwicklung möglich ([54, Tom 5, S. 230] bzw. [56, Vol. 2, S. 218 f.]¹⁹.

Und am Ende von *Denken und Sprechen* heißt es: „Das Wort ist im Bewusstsein das, was nach *Feuerbach* für den Einzelnen absolut unmöglich, für Zwei aber möglich ist. Es ist der direkteste Ausdruck der historischen Natur des menschlichen Bewusstseins“ ([51, S. 467]; Name Feuerbachs im russ. Orig. nicht hervorgehoben).

So deutlich nun diese beiden Bezugnahmen auf Feuerbach sind, als so problemgeladen erweisen sie sich bei näherer Betrachtung. So fällt als Erstes auf, dass Vygotskij in beiden Fällen auf eine Quellenangabe verzichtet, so dass eine unmittelbare Verifikation, d.h. die Überprüfung, inwieweit das, was Vygotskij mit den Quasi-Zitaten aussagen möchte, sich auch tatsächlich bei Feuerbach findet, nicht möglich ist. Zweitens liegt, wenn man den Wortlaut der beiden Quasi-Zitate miteinander vergleicht, die Annahme nahe, dass sich Vygotskij in beiden Fällen auf *ein und dieselbe* Originalaussage Feuerbachs bezieht, der dadurch, dass sie in zwei völlig unterschiedlichen thematischen Zusammenhängen bezogen wird, ein jeweils anderer Sinngehalt verliehen wird. Damit gibt aber Vygotskij nicht nur ein sehr eindrucksvolles Anwendungsbeispiel jener Überlegungen zum Verhältnis von Bedeutung und Sinn, wie er sie selbst im Schlusskapitel von *Denken und Sprechen* angestellt hat (vgl. [51, S. 448 f.]), sondern er provoziert auch den Verdacht, dass er entweder in der Einleitung zu Gračevas Buch oder im Schlusskapitel von *Denken und Sprechen*, wenn nicht gar in beiden Fällen, die betreffende Originalaussage Feuerbachs falsch interpretiert hat.

¹⁹ Wie aus mir von E. Ju. Zaveršneva mitgeteiltem Archivmaterial hervorgeht, hatte Vygotskij eigentlich geplant, die „bemerkenswerte Redewendung von L. Feuerbach“ als Epigramm dem Artikel „Das Kollektiv als Faktor in der Entwicklung des abnormalen Kindes“ voranzustellen, der 1931 erscheinen sollte. Aber er nahm Abstand hiervon, vermutlich weil er fühlte, dass es der Sache nicht dienlich wäre, zu diesem Zeitpunkt als trotziger Feuerbachianer aufzutreten. Indessen schrieb Deborin im Dezember 1931 einen selbstkritischen offenen Brief an die Zeitung *Pravda*, in dem er reumütig alle ihm zur Last gelegten Fehler eingestand, welche die Einschätzung des speziellen Beitrags betrafen, den Lenin zur Weiterentwicklung des Marxismus geleistet hatte. Nach diesem Kotau wurde ihm zumindest die Weiterarbeit im institutionellen Rahmen der Akademie der Wissenschaften gestattet, zu deren Mitglied er im Februar 1929 „gewählt“ worden war. So konnte es Vygotskij 1932 wagen, einen „Versuchsballon“ zu starten, indem er Feuerbachs „bemerkenswerte Redewendung“ an das Ende der Einführung in das Buch einer anderen Autorin platzierte — ein Manöver, in jeder Hinsicht offen für eine „dialektische“ Interpretation.

„Der Mensch mit Mensch – die Einheit von Ich und Du – ist Gott“

Ein Verdacht, der sich noch zu erhärten scheint, wenn man die Aussage Feuerbachs in ihren ursprünglichen Kontext (den Paragraphen 12 der „Grundsätze der Philosophie der Zukunft“ von 1843²⁰) re-integriert und dann feststellen muss, dass hier in der Tat, zumindest vordergründig, ‘von etwas ganz anderem die Rede’ ist – geht es doch Feuerbach darum, an einem „sinnfälligen Beispiel“ die grundlegende „Wahrheit“ zu demonstrieren,

daß die Vorstellung des Menschen von Gott nichts andres ist als eine Vorstellung des menschlichen Individuums von seiner Gattung, daß Gott als der Inbegriff aller Realitäten oder Vollkommenheiten nichts andres ist als der zum Nutzen des beschränkten Individuums kompendiarisch zusammengefaßte Inbegriff der unter die Menschen verteilten, im Laufe der Weltgeschichte sich realisierenden Eigenschaften der Gattung (zit. nach [11, Bd. 9, S. 279]).

So sei etwa das Gebiet der Naturwissenschaften

seinem quantitativen Umfang nach für den einzelnen Menschen ein völlig unübersehbares, unermessliches. Wer kann zugleich die Sterne am Himmel und die Muskeln und Nerven am Leibe der Raupe zählen? (...) Wer kann zugleich die Unterschiede der Höhen und Vertiefungen im Monde und zugleich die Unterschiede der zahllosen Ammoniten und Terebrateln beobachten? Aber was nicht der einzelne Mensch weiß und kann, das wissen und können die Menschen zusammen. (...) Während der eine Mensch bemerkt, was auf dem Monde oder Uranus vorgeht, ist ein anderer auf der Venus oder in den Eingeweiden der Raupe oder sonst an einem Orte ... Ja, während der Mensch diesen Stern vom Standpunkte Europas aus beobachtet, beobachtet er zugleich denselben Stern vom Standpunkte Amerikas aus. Was einem Menschen allein absolut unmöglich, ist zweien möglich [11, Bd. 9, S. 279 f.].

Wenn nun Vygotskij sich diesen letzten Satz herausgreift, um zu unterstreichen, dass der Grundgedanke seiner eigenen Konzeption für die Erziehung von Kindern mit schwerer geistiger Behinderung eigentlich schon in den Auffassungen Feuerbachs angelegt ist, so kann dem Vorwurf einer groben Irreführung nur durch den Nachweis begegnet werden, dass ebendieser Satz als Chiffre auch für andere Passagen im Werk Feuerbachs stehen könnte, die dem, worum es Vygotskij eigentlich geht, viel eher entsprechen als die fragliche Passage

²⁰ In Russisch erstmals publiziert 1923 im Rahmen des ersten Bandes der *Sočinenija*.

der „Grundsätze der Philosophie der Zukunft“. Und tatsächlich lässt sich ein solcher Nachweis führen.

Bleibt man innerhalb der „Grundsätze der Philosophie der Zukunft“, dann kämen nämlich noch mindestens drei weitere Paragraphen in Frage, die gewissermaßen als ‘Ausbau’ des Feuerbach’schen Grundgedankens in die Richtung des von Vygotskij ‘eigentlich Gemeinten’ begriffen werden können, und zwar die Paragraphen 61, 62 und 65. So lautet der Paragraph 61:

Der einzelne Mensch für sich hat das Wesen des Menschen nicht in sich, weder in sich als moralischem, noch in sich als denkendem Wesen. Das Wesen des Menschen ist nur in der Gemeinschaft, in der Einheit des Menschen mit dem Menschen enthalten – eine Einheit, die sich aber nur auf die Realität des Unterschieds von Ich und Du stützt [11, Bd. 9, S. 338 f.].

Weiter dann der Paragraph 62: *„Einsamkeit ist Endlichkeit und Beschränktheit, Gemeinschaftlichkeit ist Freiheit und Unendlichkeit. Der Mensch für sich ist Mensch (im gewöhnlichen Sinn); der Mensch mit Mensch – die Einheit von Ich und Du – ist Gott“ [11, Bd. 9, S. 339].*

Und im Paragraphen 65 schließlich verweist Feuerbach darauf, dass er bereits im *Wesen des Christentums* (1841)²¹ „das Geheimnis des *gemeinschaftlichen gesellschaftlichen Lebens* – das Geheimnis der *Notwendigkeit des Du für das Ich* –“ entschlüsselt habe. Danach besteht dieses „Geheimnis“ in der

Wahrheit, daß *kein Wesen*, es sei und heiße nun Mensch oder Gott oder Geist oder Ich, *für sich selbst allein* ein *wahres*, ein *vollkommenes*, ein *absolutes* Wesen, daß die *Wahrheit* und *Vollkommenheit* nur ist die *Verbindung*, die *Einheit* von zwei sich wesensgleichen Wesen. Das höchste und letzte Prinzip der Philosophie ist daher die *Einheit des Menschen mit dem Menschen*. Alle wesentlichen Verhältnisse ... sind nur *verschiedene Arten und Weisen dieser Einheit* [11, Bd. 9, S. 339 f.].

Und gehen wir dann diesem expliziten Hinweis auf das *Wesen des Christentums* nach, so finden sich in dieser Schrift gleich zwei Passagen, die sich sehr gut mit dem von Vygotskij zitierten Satz ‘auf den Punkt’ bringen lassen. In der einen heißt es:

So ist der Mensch der Gott des Menschen. Daß er ist, verdankt er der Natur; daß er Mensch ist, dem Menschen. Wie er nichts physisch vermag ohne den andern Menschen, so auch nichts geistig. Vier Hände vermögen mehr als zwei; aber auch vier Augen sehen mehr als zwei. Und diese vereinte Kraft unterscheidet sich nicht nur quantitativ, sondern auch qualitativ von der vereinzelt. Einzelne ist

²¹ Erste russische Veröffentlichung 1908; 1926 aufgenommen in den zweiten Band der *Sočinenija*.

die menschliche Kraft eine beschränkte, vereinigt eine unendliche Kraft. (...) Witz, Scharfsinn, Phantasie, Gefühl, als unterschieden von der Empfindung, Vernunft als subjektives Vermögen, alle diese sogenannten Seelenkräfte sind Kräfte der Menschheit, nicht des Menschen als eines Einzelwesens, sind Kulturprodukte, Produkte der menschlichen Gesellschaft (zit. nach [11, Bd. 5, S. 166]).

Und in der anderen Passage lesen wir: „Gemeinsamkeit erhöht die Gemütskraft, steigert das Selbstgefühl. Was man *allein* nicht vermag, vermag man *mit andern*. Alleingefühl ist Beschränktheitsgefühl, Gemeingefühl Freiheitsgefühl“ [11, Bd. 5, S. 224, Fußn.].

Und dass Vygotskij mit seinem Rekurs auf Feuerbach genau *diese* Bestimmungen im Sinn hat, wird nur allzu deutlich, wenn wir zum Ausgangspunkt unserer ‘philologischen’ Exkursion, also Vygotskijs Einleitung zu Gračevas Buch, zurückkehren und uns den umfassenderen Kontext ansehen, in dem die Bezugnahme auf die „bemerkenswerte Redewendung von L. Feuerbach“ steht.

Ein aufschlussreicher Textvergleich

Im letzten Teil besagter Einleitung referiert nämlich Vygotskij zunächst eine empirische Studie von V. Krasusskij, die gezeigt hatte, dass sich selbst überlassene geistig behinderte Kinder untereinander Gruppen von „gemischter Intelligenz“ bilden (analog der gemischten Altersstruktur, die sich in spontan gebildeten Gruppen normaler Kinder findet), geht dann auf die Auffassungen Edouard Séguins, eines prominenten Vertreters der Behindertenpädagogik des 19. Jahrhunderts, ein und zieht schließlich folgende Bilanz:

Der Pfad der Entwicklung verläuft für das schwer zurückgebliebene Kind durch die Zusammenarbeit, die soziale Hilfe eines anderen menschlichen Wesens, das anfänglich sein Geist, sein Wille, seine Tätigkeit ist. Eine Behauptung, die vollständig mit dem Gang der Entwicklung eines normalen Kindes übereinstimmt. Der Pfad der Entwicklung eines schwer zurückgebliebenen Kindes verläuft durch die Beziehungen und die Zusammenarbeit mit anderen Menschen. Aus genau diesem Grund enthüllt uns die soziale Erziehung von schwer zurückgebliebenen Kindern Möglichkeiten, die vom Standpunkt einer rein biologisch fundierten physiologischen Erziehung (wie Séguin sein System nannte) völlig utopisch erscheinen. Der Ausdruck Idiot ... bedeutet wörtlich übersetzt Einzelgänger, einsamer Mensch: Er ist wirklich allein mit seinen Empfindungen, ohne jeden intellektuellen oder moralischen Willen. (...) Die zeitgenössische wissenschaftliche Forschung belegt eindeutig ..., dass Einsamkeit die Quelle der Idiotie ist. (...) In

dieser Hinsicht stellt, wie bereits gesagt, die soziale Erziehung für die schwer zurückgebliebenen Kinder den einzig gangbaren und wissenschaftlich vertretbaren Weg dar. Mehr noch, sie allein ist fähig, die wegen eines biologischen Defektes nicht vorhandenen Funktionen herauszubilden. Nur die soziale Erziehung kann die Einsamkeit der Idiotie und der tiefen Zurückgebliebenheit überwinden, das schwer zurückgebliebene Kind durch den Prozess der Menschwerdung führen; denn – nach einer bemerkenswerten Redewendung von L. Feuerbach, die als Motto für eine Lehre von der Entwicklung des anomalen Kindes dienen könnte –: das, was für einen allein absolut unmöglich ist, ist möglich für zwei ([54, Tom 5, S. 229 f.] bzw. [56, Vol. 2, S. 218 f.]).

Nach allem ist also Vygotskijs Rekurs auf die „bemerkenswerte Redewendung L. Feuerbachs“ alles andere als eine grobe Irreführung oder gar bloß eine leere Phrase. Vielmehr liegt diesem Rekurs offenbar das zugrunde, was I. Kant als eine „*Synthesis*“ bezeichnet hat und worunter er „in der allgemeinsten Bedeutung die Handlung“ verstand, „verschiedene Vorstellungen zueinander hinzuzutun, und ihre Mannigfaltigkeit in einer Erkenntnis zu begreifen“ (vgl. [16, S. 116]). Dabei liegt die Schwierigkeit offenbar darin, dass dieser Prozess nicht einfach umkehrbar ist, d.h. man nicht ohne weiteres vom Resultat der „*Synthesis*“ auf jene „verschiedenen und mannigfaltigen Vorstellungen“ zurückschließen kann, die ihr als Ausgangsmaterial zugrunde liegen. Vielmehr muss dieses Ausgangsmaterial bekannt sein, damit überhaupt die in Frage stehende Synthese als eine solche erkennbar wird. Für den vorliegenden Fall bedeutet dies, dass für die Erkenntnis dessen, was Vygotskij mit dem Rückgriff auf die „bemerkenswerte Redewendung L. Feuerbachs“ aussagen will, eine Vorab-*Kenntnis* der Schriften Feuerbachs oder zumindest eine hinreichende Vertrautheit mit den Kerngedanken seiner Philosophie eine notwendige Voraussetzung ist.

Versuch einer Dechiffrierung

Dies wird übrigens noch deutlicher, wenn man versucht, den Sinn des Quasi-Zitats am Ende von *Denken und Sprechen* zu entschlüsseln.

Hier müsste sich Vygotskij, wenn man den genauen Wortlaut nimmt, ebenfalls auf den Paragraphen 12 der „Grundsätze der Philosophie der Zukunft“ beziehen – was aber, wie wir bereits wissen, keinen rechten Sinn ergibt, weil es ja in diesem Paragraphen darum geht, am Beispiel der Naturwissenschaften den grundlegenden Gedanken zu erläutern, dass Gott als der Inbegriff aller Realitäten oder Vollkommenheiten nichts anderes ist als der kompendiarisch zusammengefasste

Inbegriff der unter die Menschen verteilten, im Laufe der Weltgeschichte sich realisierenden Eigenschaften der Gattung.

Ein nochmaliger Durchgang durch die einschlägigen Schriften Feuerbachs ergibt dann, dass Vygotskij am Ende von *Denken und Sprechen* offenbar bestimmte Überlegungen Feuerbachs aus seiner Hegel-Kritik, die das Verhältnis von Denken und Sprache betreffen, mit einem Grundgedanken Feuerbachs zusammenzuführen versucht, der sich zwar auch in den „Grundsätzen der Philosophie“ findet, aber eben nicht in jenem Paragraphen, aus dem das Quasi-Zitat stammt. „Nicht allein, nur selbender kommt man zu Begriffen, zur Vernunft überhaupt“, lesen wir im Paragraphen 42; und weiter: „Zwei Menschen gehören zur Erzeugung des Menschen – des geistigen sogut wie des physischen: Die Gemeinschaft des Menschen mit dem Menschen ist das erste Prinzip und Kriterium der Wahrheit und Allgemeinheit“ [11, Bd. 9, S. 324]. Und in Feuerbachs „Kritik der Hegelschen Philosophie“ (erste russische Publikation 1923 im ersten Band der *Sočinenija*) heißt es: „Die Sprache ist ... nichts anderes als die *Realisation der Gattung*, die Vermittlung des Ich mit dem Du, um durch die Aufhebung ihrer individuellen Getrenntheit die Einheit der Gattung darzustellen“ [11, Bd. 9, S. 27]. Jedwede sprachliche Darstellung eines Gedankens ist darum

nicht eine Vermittlung des Gedankens in und für den Gedanken selbst, sondern eine Vermittlung mittelst der Sprache zwischen dem Denken, inwiefern es meines ist, und dem Denken des andern, inwiefern es seines ist ... eine Vermittlung, durch die ich bewähre, daß mein Gedanke nicht meiner, sondern Gedanke an und für sich ist, welcher daher ebensogut wie der meinige der Gedanke des andern sein kann [11, Bd. 9, S. 28 f.].

M.a.W.: Die sprachliche Äußerung ist „das Mittel, wodurch ich meinen Gedanken die Form der Meinheit nehme, auf daß sie der andere als seine eigenen erkenne“ [11, Bd. 9, 31].

All dies dahingehend ‘auf den Punkt’ zu bringen, dass Feuerbach zufolge das Wort immer nur im Bewusstsein von mindesten zwei Menschen möglich ist, ist dann auf alle Fälle sachlich gerechtfertigt, wenn es auch sicherlich nicht legitim ist, diese Aussage als ein Quasi-Zitat zu präsentieren.

Plädoyer für einen Perspektivwechsel

Ziehen wir nun eine vorläufige Bilanz, so können wir als Erstes festhalten, dass das bisher demonstrierte Verfahren, ausgehend von expliziten Bezugnahmen auf

Feuerbach näheren Aufschluss über Feuerbachische Elemente im Spätwerk Vygotskijs zu gewinnen, durchaus zum Erfolg führen kann. Immerhin lässt sich ja auf diese Weise zeigen, dass im ‘späten’ Vygotskij wesentlich mehr „Feuerbach“ enthalten ist, als es auf den ersten Blick den Anschein hat – eine Feststellung, die durch Ausdehnung der Recherchen auf bisher noch nicht publiziertes Archivmaterial (vgl. den Anhang zu dieser Studie) eine weitere Unterstützung erfährt. Allerdings müssen wir uns zugleich aber auch eingestehen, dass dies ein recht begrenzter Erfolg ist – ein Erfolg zudem, der sich keineswegs voraussetzungslos einstellt. Nicht nur, dass die betreffende Methode lediglich dort angewendet werden kann, wo es bereits bei Vygotskij deutliche Hinweise auf Feuerbach gibt; man muss auch von vornherein zumindest eine ungefähre Vorstellung haben, wo man bei Feuerbach zu suchen hat, um den hinter Vygotskijs Quasi-Zitaten verborgenen Sinn zu erschließen, und kann dann am Ende doch nie sicher sein, das Richtige getroffen zu haben²².

Wenn dem aber so ist, wäre es dann nicht überhaupt sinnvoller, zur systematischen Klärung des Verhältnisses Vygotskijs zu Feuerbach gleich den umgekehrten Weg einzuschlagen, d.h. sich zunächst gründlich mit den Schriften Feuerbachs und den darin enthaltenen psychologischen Anschauungen vertraut zu machen und dann das Werk Vygotskijs Schritt für Schritt darauf hin zu untersuchen, inwieweit es, offen oder kaschiert, Feuerbachische Elemente enthält? Dass dies in der Tat nicht nur die sinnvollere, sondern auch die erfolgreichere Methode ist, habe ich bereits anderenorts ausführlich zu belegen versucht (vgl. [18; 20; 21; 22]). Im Folgenden will ich mich daher auf die wichtigsten der dabei gewonnenen Einsichten beschränken:

Zunächst einmal müssen wir uns darüber im Klaren sein, dass niemand anders als Feuerbach selbst der „Feuerbach der Psychologie“ war, und dies keineswegs nur im übertragenen, sondern durchaus im buchstäblichen Sinne. Tatsächlich bildet ja von seinen frühen (erstmalig 1830 publizierten) *Gedanken über Tod und Unsterblichkeit* (vgl. [11, Bd. 1]) bis zu seiner Schrift „Zur Moralphilosophie“ von 1868 (vgl. [13]) die Beschäftigung mit psychologischen Fragestellungen zwar nicht das dominierende Leitmotiv seiner wissenschaftlichen Arbeit überhaupt, aber doch immerhin ein nahezu durchgehendes, dabei äußerst prägnantes Apropos zu den verschiedensten von ihm behandelten Thematiken, und selbst seine Hegel-Kritik ist in wesentlichen Momenten vom Standpunkt der Psychologie formuliert²³. Aber nicht

²² Dies hängt u.a. damit zusammen, dass die russischen Feuerbach-Übersetzungen nicht immer genau sind, so dass eine wörtliche Rückübersetzung durchaus in die Irre führen kann (vgl. etwa im Anhang zu dieser Studie „F: Textgegenüberstellung 4“).

²³ Ein Sachverhalt, auf den übrigens G.V. Plechanov bereits 1897 im Zusammenhang seiner Auseinandersetzung mit der ästhetischen Theorie N.G. Černyševskijs hingewiesen hat. – Siehe Feuerbach selbst zu dieser Frage in [33, Bd. 1, S. 390].

nur, dass sich sein permanentes Geltendmachen „innerer Gründe“ bei näherer Überprüfung immer als letztlich psychologische Argumentation erweist – es liegen auch zwei Abhandlungen Feuerbachs vor, die bereits bei oberflächlicher Betrachtung als in ihrer Grundthematik psychologische Arbeiten erkennbar sind und nach eingehenderer Analyse gar als Untersuchungen von programmatischem Charakter eingestuft werden müssen, findet man doch hier, vermittelt über die tiefgreifende Kritik verschiedener idealistischer Ansätze, klar und unmissverständlich die theoretisch-methodologischen Grundsätze einer konsequent materialistischen Psychologie formuliert. Auf die erste, „Wider den Dualismus von Leib und Seele, Fleisch und Geist“ (vgl. [11, Bd. 10]), wurde bereits im Einleitungsteil dieser Studie hingewiesen. Wie erinnerlich, ist es genau diese Abhandlung, die Lurija in seinem 1925er Artikel über die Psychoanalyse als ein System monistischer Psychologie überschwänglich lobt. Die zweite ist das zwanzig Jahre nach „Wider den Dualismus“ erschienene große Essay „Über Spiritualismus und Materialismus, besonders in Beziehung auf die Willensfreiheit“ (vgl. [11, Bd. 11])²⁴. Darüber hinaus bekennt sich Feuerbach an so vielen Stellen und mit so deutlichen Worten zur Psychologie (vgl. etwa [33, Bd. 1, S. 395]), widerspiegeln zudem verschiedene seiner Schriften auf so eindrucksvolle Weise auch wesentliche inhaltlich-psychologische Einsichten, dass man ohne Übertreibung sagen kann, das Gesamtwerk enthalte ein regelrechtes System von Richtlinien und Aussagen von unmittelbarer Relevanz für den Entwurf und die Durchführung einer materialistischen und dabei kulturhistorisch orientierten Psychologie. Für Letzteres können dann nicht nur seine Bemerkungen über die Entstehungsbedingungen des *menschlichen Gewissens* (vgl. [11, Bd. 7, S. 137/S. 139/S. 141] sowie [13, S. 422]) als Beleg herangezogen werden, sondern auch jener pointierte Aphorismus, dem zufolge „der Mensch, der unmittelbar der Natur entsprang“, nur „ein reines Naturwesen, kein Mensch“ war, denn: „Der Mensch ist ein Produkt des Menschen, der Kultur, der Geschichte“ [11, Bd. 10, S. 178]²⁵.

²⁴ N.B.: Während Plechanov im zweiten und dritten Kapitel seiner (erstmalig 1908 erschienenen) *Grundprobleme des Marxismus* wiederholt aus *beiden* Schriften zitiert, finden sich bei Vygotskij (in dem 1926/27er Essay über die Krise der Psychologie und in seinem 1930 veröffentlichten Aufsatz „Psyche, Bewusstsein und Unbewusstes“) lediglich Zitate aus bzw. Verweise auf „Wider den Dualismus“ (vgl. [61, Bd. 1, S. 236 f./S. 239/S. 245] und [56, Vol. 3, S. 116]); insofern kann seine Vertrautheit mit „Über Spiritualismus und Materialismus“ (Russisch erstmalig 1923 im ersten Band der *Sočinenija*) nur aus inhaltlichen Übereinstimmungen erschlossen werden, wie sie sich z.B. in seinem 1924er Aufsatz „Zur Psychologie und Pädagogik der kindlichen Defektivität“ finden (vgl. hierzu [21, S. 322 f.] sowie [24, S. 200]).

²⁵ Wie bereits andernorts vermerkt (vgl. [23, S. 119, Fußn. 10]), kommt die Nähe Vygotskijs zu Feuerbach auch in diesem Punkt sehr schön in M.G. Jaroševskijs Nachwort zum 6. Band der Vygotskij-Werkausgabe zum Ausdruck, wo (mit Blick auf die russischsprachige Version von „Werkzeug und Symbol“) von Vygotskijs Konzeption der „ursprünglichen Integration des Kindes in die mikrosoziale Gemeinschaft [mikrosozial’nuju obščnost’]“ die Rede ist, „in deren Mitte das Wunder der Umwandlung seiner natürlichen, sehr einfachen Funktionen in höhere, kulturell-historische Funktionen geschieht“, ein Prozess, der über den Einsatz von „Werkzeugen und Zeichen, insbesondere Sprachzeichen, abgesichert“ wird ([54, Tom 6, S. 331]; Übers. in Anlehnung an [56, Vol. 6, S. 247]).

Das „Feuerbach-Prinzip“ im Spätwerk Vygotskijs

Wenn man all dies berücksichtigt, was wäre dann unter dem „Feuerbach-Prinzip“ im Spätwerk Vygotskijs zu verstehen?

Während für Vygotskij als Autor der *Krise der Psychologie* und „Psyche, Bewusstsein und Unbewusstes“ Feuerbach eine nicht zu hinterfragende Autorität in Bezug auf grundlegende Fragen einer materialistisch-monistischen Psychologie ist²⁶, dienen dem ‘späten’ Vygotskij die Auffassungen Feuerbachs als nach außen weitgehend kaschierte Richtlinie seiner theoretischen und praktischen Arbeit und als stillschweigendes Kriterium der Analyse und Bewertung der in diese Arbeit eingehenden einschlägigen Literatur. Das heißt, der ‘späte’ Vygotskij schaut sozusagen ‘durch die Feuerbach’sche Brille’ bzw., wenn man die von ihm selbst bisweilen verwendete Prismenmetapher vorzieht: Seine Rezeption von Gegenwartsautorinnen und -autoren sowie die Neubewertung früherer Autoren werden durch das ‘Prisma’ der Auffassungen Feuerbachs ‘gebrochen’. In Hinblick auf die zeitgenössische Literatur wird dies bereits sehr deutlich in seinen Bezugnahmen auf die Forschungsergebnisse von V.S. Krasuskijs (vgl. [56, Vol. 2, S. 200 f./S. 217]) und D. McCarthy (vgl. [57, S. 87]), kommt aber noch klarer in seinem Rekurs auf die Ergebnisse von S. Fajans (vgl. [61, Bd. 2, S. 145 ff.]) und W. Peters (vgl. [61, Bd. 2, 149 f.]²⁷ zum Ausdruck, wird hier doch auch explizit der Feuerbach’sche Begriff der *Gemeinschaft* (russ.: „obščnost“) bemüht. Und was die Bewertung früherer Autoren betrifft, so zeigt sich der „Feuerbachianismus“ Vygotskijs, wie wir bereits gesehen haben, sehr deutlich in seiner Bezugnahme auf die Arbeit von E. Séguin. Aber auch die Rückgriffe auf die Schriften L. Tolstojs und F. M. Dostoevskijs im letzten Kapitel von *Denken und Sprechen* (vgl. [51, S. 434-437/S. 439 f./S. 444 f.]) könnten als Beispiele herangezogen werden.

Aufs Ganze gesehen lässt sich so das Verhältnis des ‘späten’ Vygotskij zu Feuerbach wohl am sinnfälligsten mit Hilfe jenes ‘Schlüsselwortes’ erfassen, dem zufolge es „in unserer Rede immer einen Hintergedanken, einen verborgenen Subtext (gibt)“ (vgl. [51, S. 460]). In diesem Sinne wären dann Feuerbachs Reflexionen (insbesondere seine Ausführungen über die fundamentale Bedeutung des „Du“ für das „Ich“ und die synergetischen Effekte der „Gemeinschaft des Menschen mit dem Menschen“)²⁸ als „verborgener Subtext“ zu den offen ausgebreiteten Konzeptionen Vygotskijs zu charakterisieren. Damit soll nun keineswegs gesagt sein, dass diese

²⁶ Vgl. hierzu auch im Anhang zu dieser Studie den Auszug aus den Vobereitungsarbeiten für den im Oktober 1930 gehaltenen Vortrag über psychologische Systeme.

²⁷ Auf welche Schrift von Peters sich Vygotskij hier bezieht, konnte bisher nicht ermittelt werden; der in [61, Bd. 2] angegebene 1927er Zeitschriften-Aufsatz über die Entwicklung von Wahrnehmungsleistungen beim Kind kommt nachweislich nicht als Quelle in Betracht.

²⁸ Für ein adäquates Verständnis von Vygotskijs Konzeption der „Zone der nächsten Entwicklung“ ist es notwendig zu berücksichtigen, dass Feuerbach die Bedeutung des „sinnlich gegebenen Du“ hervorhebt (vgl. [11, Bd. 9, S. 324]).

Konzeptionen sich einfach auf die psychologischen Anschauungen Feuerbachs reduzieren ließen oder dass man sie direkt aus ihnen ableiten könnte; aber der Rekurs auf den psychologischen Ansatz Feuerbachs trägt, wie ich zu zeigen versucht habe, allemal zu einem tieferen Verständnis zentraler Theoreme des Vygotskij'schen Spätwerkes bei. Dies gilt insbesondere sowohl für *seine* Auffassung von „Interiorisation“²⁹ als auch die in der vierten Lektion der *Grundlagen der Pädologie* detailliert vorgestellte Theorie der „Wechselwirkung zwischen Idealformen und rudimentären Formen“ in der Entwicklung der höheren, spezifisch menschlichen Charakteristika und Formen der kindlichen Tätigkeit (vgl. [58]) – eine Theorie, die von A. N. Leont'ev auf so erschreckende Weise fehlinterpretiert worden ist, der sie, in offener Unkenntnis der tatsächlichen Quellen Vygotskijs, als der idealistischen Soziologie eines E. Durkheim entlehnt abqualifizieren zu müssen glaubte (vgl. [32]).

Als Fazit lässt sich so festhalten, dass mit dem Programm einer systematischen Erschließung des Vygotskij'schen Spätwerks und der Wiederaufnahme von in seiner letzten Schaffensperiode initiierten, aber nach seinem Tode nicht weiter verfolgten Forschungsansätzen zwangsläufig auch die Erschließung des Systems der psychologischen Anschauungen Feuerbachs zu einer vorrangigen Gegenwartsaufgabe geworden ist.

²⁹ Vgl. Die relevanten Passagen im fünften Kapitel der *Entwicklungsgeschichte der höheren psychischen Funktionen* ([54, Tom 3, S. 144 ff.] bzw. [56, Vol. 4, S. 105 f.]) mit Feuerbachs Reflexionen über die Entstehung des menschlichen Gewissens ([11, Bd. 7, S. 137; 13, S. 419-423]).

Anhang

A: Bezugnahmen auf L. Feuerbach und Feuerbach'sche Redewendungen im Werk L.S. Vygotskijs

Ort der Bezugnahme:

„Krise der Psychologie“ [54, Tom 1, S. 409-412/S. 415; 61, Bd. 1, S. 236 f./S. 239/S. 245]

„Psychisches, Bewusstsein und Unbewusstes“ [54, Tom 1, S. 141; 56, Vol. 3, S. 116]

Ort der Bezugnahme:

„Konkrete Psychologie des Menschen“ [52, S. 299 f.]

„Pädologie des frühen Jugendalters“, Teil 3 [54, Tom 4, S. 227; 61, Bd. 2, S. 634]

„Einleitung zu E. K. Gračevs Buch“ [54, Tom 5, S. 230; 56, Vol. 2, S. 218 f.]

Denken und Sprechen [51, S. 467; 54, Tom 2, S. 361]

Dokument „Über Systeme“ (1930)*

Notizheft „Die anomale Entwicklung des Kindes“ (Ende 1930, Anfang 1931)*

Dokument „Bewusstsein ohne Worte“ (circa 1932)*

„Das Leib-Seele-Problem“ (Oktober 1932) in *Soviet Psychology*, 1983, Vol. 21, No. 3, S. 15

Dokument „NB! Bei Aphasie, Schizophrenie und anderen pathologischen Veränderungen“ (circa 1932–1933)*

Dokument „Meine Anmerkungen“ (circa 1933)*

eindeutig identifizierbare Quelle(en):

„Wider den Dualismus von Leib und Seele“ [11; Bd. 10, S. 127/S. 125/S. 125, Fußn.*]

„Wider den Dualismus von Leib und Seele“ [11, Bd. 10, S.127]

wahrscheinliche Quellen:

„Grundsätze der Philosophie der Zukunft“ [11, Bd. 9, S. 333 f.]

„Grundsätze der Philosophie der Zukunft“ [11, Bd. 9, S. 333] – „Wider den Dualismus von Leib und Seele“ [11, Bd. 10, S. 127]

„Grundsätze der Philosophie der Zukunft“ [11, Bd. 9, S. 279 f./S. 338 ff.] – *Das Wesen des Christentums* [11, Bd. 5, S.166/S. 224]

„Grundsätze der Philosophie der Zukunft“ [11, Bd. 9, S. 280] – „Zur Kritik der Hegelschen Philosophie“ [11, Bd. 9, S. 27/S. 28/S. 29/S. 31]

„Wider den Dualismus von Leib und Seele“ [11, Bd. 10, S. 124 f.]

„Grundsätze der Philosophie der Zukunft“ (11, Bd. 9, S. 280/S. 338 f.) – *Das Wesen des Christentums* [11, Bd. 5, S. 29/S. 166 f./S. 224, Fn.*]

Das Wesen des Christentums [11, Bd. 5, S. 29/S. 166 f.]

„Grundsätze der Philosophie der Zukunft“ [11, Bd. 9, S. 280]

„Grundsätze der Philosophie der Zukunft“ [11, Bd. 9, S. 280/S. 338 f.] – *Das Wesen des Christentums* [11, Bd. 5, S. 29/S. 166 f./S. 224, Fn.*]

Das Wesen des Christentums [11, Bd. 5, S. 29/S. 166 f.]

* Archivmaterial, mitgeteilt von E. Ju. Zaveršneva

B: Dechiffrierung von Bezugnahmen auf Feuerbach und Feuerbach'sche Redewendungen in Notizbüchern und Entwürfen Vygotskijs (1930-1933)*

1.) Dokument „Über Systeme“ (1930):

„Die Crux ist, dass die logische Analyse – der Endpunkt jeder phänomenologischen introspektiven Analyse, welche die Beziehung zwischen den Bewusstseinserscheinungen außerhalb der Beziehung zu ihren kausal-dynamischen Grundlagen zu erfassen sucht (weshalb es so schwierig ist, in der Phänomenologie die Logik von der Psychologie abzugrenzen) – nicht den Verlauf, nicht die Richtung, sondern nur das Resultat des Prozesses erfasst. In der Psychologie fliegen uns die Tauben gebraten ins Maul (Feuerbach). *Das ist der ganze Punkt.*“ – Dies ist offensichtlich eine Bezugnahme auf „Wider den Dualismus von Leib und Seele, Fleisch und Geist“:

„Psychologisch, d. h. für mich als Vorstellenden, Denkenden, ist an und für sich das Vorstellen, das Denken kein Hirnakt; ich kann denken, ohne nur zu wissen, daß ich ein Hirn habe; in der Psychologie fliegen uns die Tauben gebraten ins Maul; in unser Bewußtsein und Gefühl fallen nur die Schlußsätze, aber nicht die Prämissen, nur die Resultate, aber nicht die Prozesse des Organismus; es ist daher ganz natürlich, daß ich das Denken vom Hirnakt unterscheide und für sich selbst denke. Aber daraus, daß das Denken für mich kein Hirnakt, sondern ein vom Hirn unterschiedener und unabhängiger Akt ist, folgt nicht, daß es an sich auch kein Hirnakt ist. Nein, im Gegenteil: Was *für mich* oder *subjektiv* ein rein geistiger, immaterieller, unsinnlicher Akt, ist *an sich* oder *objektiv* ein materieller, sinnlicher. Die Identität von Subjekt und Objekt, die wir soeben als das Wesen der Psychologie bezeichneten, gilt insbesondere von dem Hirn- und Denkakt. Der Hirnakt ist der höchste, der unser Selbst begründende oder bedingende Akt – ein Akt, der daher nicht mehr als ein von uns unterschiedener wahrgenommen werden kann“ (zit. nach [11, Bd. 10, S. 124 f.]).

2.) Hinweis auf Feuerbach in dem Fragment „Konkrete Psychologie des Menschen“ (wahrscheinlich 1930): „*Es denkt nicht das Denken, es denkt der Mensch.* Dies ist der Ausgangspunkt. [Am Rand] Feuerbach: Deborin – Hegel, XXVI.“ [52, S. 299 f.] Dieser Hinweis korrespondiert einem Bezug auf Feuerbach im 16. Kapitel der *Pädologie des frühen Jugendalters* (vgl. [61, Bd. 2, S. 634]. – Siehe Textgegenüberstellung 4.

3.) Notizheft „Die anomale Entwicklung des Kindes“

Das Notizheft datiert vermutlich von Ende 1930, Anfang 1931. Es enthält den Plan für einen Vortrag, der die Grundlage für den Artikel „Das Kollektiv als Faktor der Entwicklung des anomalen [anomal'nogo] Kindes“ bildete. Der Plan unterscheidet sich in verschiedener Hinsicht von dem gedruckten Artikel, so verwendete Vygotskij beispielsweise nicht das Feuerbach-Zitat als Motto:

„*Das Kollektiv als Faktor der Entwicklung des nicht-normalen [nenormal'nogo] Kindes.*

Motto. Was für einen Menschen allein absolut unmöglich, ist möglich für zwei.“ – Siehe hierzu den methodologisch-empirischen Teil der vorliegenden Studie.

4.) Dokument „Bewusstsein ohne Worte“ (circa 1932)

„*Die Veränderung systemischer Beziehungen* ist außerhalb des Bewusstseins undenkbar. Wir können im organischen Leben kein wie auch immer geartetes Analogon für dieses Phänomen finden: weil der seelische Organismus selbst sich verändert (Stumpf). Des Weiteren: Es gibt nichts Vergleichbares, keinerlei Analogon für diese Bewegung im Bewusstsein ohne *Bedeutungen*, ohne Sinngehalte, ohne Feuerbachs zweiten Menschen (das Wort leistet dies, es dupliziert das Bewusstsein), d. h., beim Tier gibt es das nicht, sondern nur in der historischen Entwicklung.“ – Hier handelt es sich anscheinend um eine Bezugnahme auf zwei Passagen im *Wesen des Christentums*:

* Die unter 1., 3., 4., 6. und 7. zitierten Passagen aus Notizbüchern und Entwürfen Vygotskijs wurden dem Verfasser von Ekaterina Ju. Zaveršneva dankenswerterweise sowohl im russischen Original als auch in einer von René van der Veer gefertigten englischen Übersetzung übermittelt.

1. „Das Tier hat daher nur ein einfaches, der Mensch ein zweifaches Leben: Bei dem Tiere ist das innere Leben eins mit dem äußern – der Mensch hat ein inneres *und* äußeres Leben. Das innere Leben des Menschen ist das Leben im Verhältnis zu seiner Gattung, seinem allgemeinen Wesen. Der Mensch denkt, d.h., er konversiert, er spricht *mit sich selbst*. Das Tier kann keine Gattungsfunktion verrichten ohne ein anderes Individuum außer ihm; der Mensch aber kann die Gattungsfunktion des Denkens, des Sprechens – denn Denken, Sprechen sind wahre *Gattungsfunktionen* – ohne einen andern verrichten. Der Mensch ist sich selbst zugleich Ich und Du; er kann sich selbst die Stelle des andern vertreten, ebendeswegen, weil ihm seine Gattung, sein *Wesen*, nicht nur seine Individualität, Gegenstand ist“ (zit. nach [11, Bd. 5, S. 29]).

2. „Witz, Scharfsinn, Phantasie, Gefühl, als unterschieden von der Empfindung, Vernunft als subjektives Vermögen, alle diese sogenannten Seelenkräfte sind *Kräfte der Menschheit*, nicht des Menschen als eines Einzelwesens, sind Kulturprodukte, Produkte der menschlichen Gesellschaft. Nur wo sich der Mensch am Menschen *stößt* und *reibt*, entzündet sich Witz und Scharfsinn – mehr Witz ist daher in der Stadt als auf dem Lande, mehr in großen als kleinen Städten –, nur wo sich der Mensch am Menschen *sonnt* und *wärmt*, entsteht Gefühl und Phantasie – die Liebe, ein gemeinschaftlicher Akt, ohne Erwidern der größte Schmerz, ist der Urquell der Poesie –, und nur wo der Mensch mit dem Menschen *spricht*, nur in der Rede, einem gemeinsamen Akte, entsteht die Vernunft. Fragen und Antworten sind die ersten Denkakte. Zum Denken gehören ursprünglich zwei. Erst auf dem Standpunkt einer höhern Kultur verdoppelt sich der Mensch, so daß er jetzt in und für sich selbst die Rolle des andern spielen kann. Denken und Sprechen ist darum bei allen alten und sinnlichen Völkern identisch; sie denken nur im Sprechen, ihr Denken ist nur Konversation“ [11, Bd. 5, S. 166 f.].

5.) „*Das Leib-Seele-Problem*“ (Oktober 1932), *Soviet Psychology*, Vol. 21 (1983), No. 3, S. 15. Feuerbach wird hier zwar nicht persönlich erwähnt, wohl aber sein Schlüsselwort „unmöglich für einen, aber möglich für zwei“ verwendet.

6.) Dokument „*NB! Bei Aphasie, Schizophrenie und anderen pathologischen Veränderungen*“ (circa 1932–1933)

„Unsere Meinungsverschiedenheiten hinsichtlich der Frage der Lokalisation: Für uns stehen die extrazerebralen Verbindungen im Zentrum der Lokalisation – vgl. Jackson: Beim Verstehen ruft ein anderer die Verbindungen in meinem Gehirn hervor – ich bin sein Opfer [žertva]; beim Verstehen meiner selbst tritt ein Teil des Gehirns über die Peripherie mit einem anderen in Verbindung. Die Vermittlung schafft prinzipiell neue Typen von Verbindungen im Nervensystem. Was für einen Menschen unmöglich, ist für zwei möglich.“ – Siehe hierzu den methodologisch-empirischen Teil der vorliegenden Studie.

7.) Dokument „*Meine Anmerkungen*“ (circa 1933):

„Begriff – innere Rede.“ Mit Bleistift hinzugefügt: „Die Handlung der Seele im Sinne Spinozas, und nicht die *passiones*. *Aktivität in einem selbst*, das Tier ist im Äußeren aktiv. Und Aktivität einer neuen Art. Ihre Quelle sind 2 Menschen – Feuerbach. *Neue Gehirnstrukturen*.“ – Dies scheint ein weiteres Mal eine Anspielung auf die beiden bereits zitierten Passagen aus dem *Wesen des Christentums* zu sein (vgl. [11, Bd. 5, S. 29 u. S. 166 f.]).

C: Textgegenüberstellung 1

Vygotskij: „Einleitung zu E. K. Gračevs Buch:

„Nur die soziale Erziehung kann die Einsamkeit der Idiotie und der tiefen Zurückgebliebenheit überwinden, das schwer zurückgebliebene Kind durch den Prozess der Menschwerdung führen; denn – nach einer bemerkenswerten Redewendung von L. Feuerbach, die als Motto für eine Lehre von der Entwicklung des anomalen Kindes dienen könnte –: was dem Einzelnen absolut unmöglich ist, ist zweien möglich. Fügen wir hinzu: Das, was auf der Ebene der individuellen Entwicklung unmöglich ist, wird auf der Ebene der sozialen Entwicklung möglich“ [54, Tom 5, S. 230; 56, Vol. 2, S. 218 f.).

Vygotskij: “Denken und Sprechen”

„Das Wort ist im Bewusstsein das, was nach *Feuerbach* für den Einzelnen absolut unmöglich, für Zwei aber möglich ist. Es ist der direkteste Ausdruck der historischen Natur des menschlichen Bewusstseins“ ([51, S. 467]; Name Feuerbachs im russ. Orig. nicht hervorgehoben).

Feuerbach: „Grundsätze der Philosophie der Zukunft“, § 12:

„Was *einem* Menschen allein absolut unmöglich, ist zweien möglich.“ (zit. nach [11, Bd. 9, S. 280])

D: Textgegenüberstellung 2

Vygotskij:

„Der Pfad der Entwicklung verläuft für das schwer zurückgebliebene Kind durch die Zusammenarbeit, die soziale Hilfe eines anderen menschlichen Wesens, das anfänglich sein Geist, sein Wille, seine Tätigkeit ist. Eine Behauptung, die vollständig mit dem Gang der Entwicklung eines normalen Kindes übereinstimmt. *Der Pfad der Entwicklung eines schwer zurückgebliebenen Kindes verläuft durch die Beziehungen und die Zusammenarbeit mit anderen Menschen.* Aus genau diesem Grund enthüllt uns die soziale Erziehung von schwer zurückgebliebenen Kindern Möglichkeiten, die vom Standpunkt einer rein biologisch fundierten physiologischen Erziehung (wie Séguin sein System nannte) völlig utopisch erscheinen“ [54, Tom 5, S. 229; 56, Vol. 2, S. 218].

Vygotskij:

„Der Ausdruck *Idiot* ... bedeutet wörtlich übersetzt *Einzelgänger*, einsamer Mensch: Er ist wirklich allein mit seinen Empfindungen, ohne jeden intellektuellen oder moralischen Willen. (...) Die zeitgenössische wissenschaftliche Forschung belegt eindeutig ..., dass Einsamkeit die Quelle der Idiotie ist. (...) In dieser Hinsicht stellt, wie bereits gesagt, die soziale Erziehung für die schwer zurückgebliebenen Kinder den einzig gangbaren und wissenschaftlich vertretbaren Weg dar. Mehr noch, sie allein ist fähig, die wegen eines biologischen Defektes nicht vorhandenen Funktionen herauszubilden. Nur die soziale Erziehung kann die Einsamkeit der Idiotie und der tiefen Zurückgebliebenheit überwinden, das schwer zurückgebliebene Kind durch den Prozess der Menschwerdung führen ...“ [54, Tom 5, S. 229 f.; 56, Vol. 2, S. 218].

Feuerbach:

„So ist der *Mensch der Gott des Menschen*. Daß er *ist*, verdankt er der *Natur*; daß er *Mensch* ist, dem Menschen. Wie er nichts physisch vermag ohne den andern Menschen, so auch nichts geistig. Vier Hände vermögen mehr als zwei; aber auch vier Augen sehen mehr als zwei. Und diese *vereinte* Kraft unterscheidet sich nicht nur quantitativ, sondern auch *qualitativ* von der *vereinzelten*. Einzeln ist die menschliche Kraft eine beschränkte, *vereinigt* eine *unendliche* Kraft“ [11, Bd. 5, S. 166].

Feuerbach:

„Der einzelne Mensch *für sich* hat das *Wesen* des Menschen *nicht in sich, weder in sich als moralischem, noch in sich als denkendem Wesen*. Das *Wesen* des Menschen ist nur in der Gemeinschaft, in der *Einheit des Menschen mit dem Menschen* enthalten ...“ [11, Bd. 9, S. 338].
„*Einsamkeit* ist *Endlichkeit* und *Beschränktheit*, *Gemeinschaftlichkeit* ist *Freiheit* und *Unendlichkeit*.“ [11, Bd. 9, S. 339]
„Gemeinsamkeit erhöht die Gemütskraft, steigert das Selbstgefühl. Was man *allein* nicht vermag, vermag man *mit andern*. Alleingefühl ist Beschränktheitsgefühl, Gemeingefühl Freiheitsgefühl“ [11, Bd. 5, S. 224, Fußn.].

E: Textgegenüberstellung 3

Vygotskij:

„Das Wort ist im Bewusstsein das, was nach *Feuerbach* für den Einzelnen absolut unmöglich, für Zwei aber möglich ist“ [51, S. 467].

Feuerbach:

„Nicht allein, nur selbender kommt man zu Begriffen, zur Vernunft überhaupt. Zwei Menschen gehören zur Erzeugung des Menschen — des geistigen so gut wie des physischen: Die Gemeinschaft des Menschen mit dem Menschen ist das erste Prinzip und Kriterium der Wahrheit und Allgemeinheit“ [11, Bd. 9, S. 324].

„Die Sprache ist ... nichts anderes als die *Realisation der Gattung*, die Vermittlung des Ich mit dem Du, um durch die Aufhebung ihrer individuellen Getrenntheit die Einheit der Gattung darzustellen“ [11, Bd. 9, S. 27].

Sprachliche Darstellung eines Gedankens ist darum „nicht eine Vermittlung des Gedankens in und für den Gedanken selbst, sondern eine Vermittlung mittelst der Sprache zwischen dem Denken, *inwiefern es meines* ist, und dem Denken des *andern*, *inwiefern es seines* ist ... eine Vermittlung, durch die ich bewähre, daß *mein* Gedanke nicht meiner, sondern Gedanke *an und für sich* ist, welcher daher ebensogut wie der meinige der Gedanke des andern sein kann“ [11, Bd. 9, S. 28 f.].

F: Textgegenüberstellung 4

Vygotskij:

„*Es denkt nicht das Denken, es denkt der Mensch.* Dies ist der Ausgangspunkt. [Am Rand] Feuerbach: Deborin – Hegel, XXVI. Was ist der Mensch? Für Hegel ein logisches Subjekt. Für Pavlov ist er Soma, Organismus. Für uns – eine gesellschaftliche Person = eine Gesamtheit von gesellschaftlichen Beziehungen, in einem Individuum verkörpert (psychologische Funktionen, gemäß einer sozialen Struktur). [Am Rand] Der Mensch ist für Hegel immer Bewußtsein oder Selbstbewußtsein XXXVII“ [52, S. 299 f.].

„Aber es denkt, wie Feuerbach schrieb, nicht das Denken, sondern es denkt der Mensch“ [61, Bd. 2, S. 634].

Feuerbach:

„Die neue Philosophie hat daher zu ihrem Erkenntnisprinzip, zu ihrem *Subjekt nicht das Ich, nicht den absoluten*, d.i. abstrakten, Geist, kurz, *nicht die Vernunft in abstracto*, sondern das *wirkliche und ganze Wesen des Menschen*. Die *Realität*, das *Subjekt der Vernunft* ist nur der *Mensch*. Der *Mensch* denkt, nicht das Ich, nicht die Vernunft. (...) Nur ein *reales Wesen* erkennt *reale Dinge*; nur wo das Denken nicht *Subjekt für sich selbst*, sondern *Prädikat* eines *wirklichen Wesens* ist, nur da ist auch der *Gedanke nicht vom Sein getrennt*. (...) Nur wenn man das Denken vom Menschen absondert, für sich selbst fixiert, entstehen die peinlichen, unfruchtbaren und für diesen Standpunkt unauflösbaren Fragen, wie das Denken zum Sein, zum Objekt komme. Denn *für sich selbst* fixiert, d.h. außer *den Menschen* gesetzt, ist das Denken außer allem Verbands- und Zusammenhang mit der Welt“ [11, Bd. 9, S. 333 f.].

G: Textgegenüberstellung 5

Vygotskij: „Das Säuglingsalter“

„Durch all dies entsteht diese einzigartige, unvergleichliche Abhängigkeit des Kindes von den Erwachsenen, die, wie bereits gesagt, auch die scheinbar intimsten individuellen biologischen Bedürfnisse des Säuglings prägt und durchdringt. Als Folge der Abhängigkeit des Säuglings von den Erwachsenen gewinnt sein Verhältnis zur Realität (und zu sich selbst) einen ganz spezifischen Charakter: es werden nämlich diese Beziehungen immer durch andere vermittelt, sie werden immer durch das Prisma der Beziehungen zu einem anderen Menschen gebrochen. (...) Jede, selbst die elementarste Beziehung des Kindes zur Umwelt ist stets eine Beziehung, die gebrochen ist durch die Beziehung zu einem anderen Menschen. Das gesamte Leben des Säuglings ist so organisiert, daß in jeder Situation, sichtbar oder unsichtbar, ein anderer Mensch anwesend ist. Man kann das auch so ausdrücken: Jede Beziehung des Kindes zu den Dingen ist eine Beziehung, die mit Hilfe eines anderen Menschen beziehungsweise über ihn realisiert wird“ [61, Bd. 2, S. 108 f.]

„Der erwachsene Mensch ist das Zentrum jeder Situation im Säuglingsalter. Deshalb ist es nur natürlich, daß sich für den Säugling die Situation einfach in Abhängigkeit davon extrem und grundlegend verändert, ob ein Erwachsener in seiner Nähe ist oder nicht. Bildlich gesprochen kann man sagen: Das bloße Näherkommen oder Weggehen des Erwachsenen mobilisiert oder schwächt die Aktivität des Kindes. Ist kein Erwachsener in der Nähe, so ist der Säugling hilflos. Seine Aktivität gegenüber der Außenwelt ist irgendwie gelähmt oder zumindest in höchstem Grade eingeschränkt. (...) Ist der Erwachsene anwesend, so ist es für die Aktivität des Kindes die normalste und natürlichste Sache, sie über den anderen Menschen zu realisieren. Aus diesem Grunde ist der andere Mensch für den Säugling stets das psychologische Zentrum jeder Situation. Deshalb wird auch der Sinn jeder Situation für den Säugling in erster Linie durch dieses Zentrum, das heißt durch dessen sozialen Inhalt bestimmt. Im weiteren Sinne kann man sagen: Die Beziehung des Kindes zur Umwelt ist abhängig und abgeleitet von seinen konkreten, unmittelbaren Beziehungen zum erwachsenen Menschen“ [61, Bd. 2, S. 138 f.]

Feuerbach: „Das Wesen des Christentums“

„Der *andere* Mensch ist das Band zwischen mir und der Welt. Ich bin und fühle mich abhängig von der Welt, weil ich zuerst von andern Menschen mich abhängig fühle. Bedürfte ich nicht des Menschen, so bedürfte ich auch nicht der Welt. (...) Ohne den andern wäre die Welt für mich nicht nur tot und leer, sondern auch sinn- und verstandlos. Nur an dem andern wird der Mensch sich klar und selbstbewußt ... Ein absolut für sich allein existierender Mensch würde sich selbstlos und unterschiedslos in dem Ozean der Natur verlieren; er würde weder sich als Menschen noch die Natur als Natur erfassen. Der *erste* Gegenstand des Menschen ist der Mensch. Der Sinn für die Natur, der uns erst das Bewußtsein der Welt als Welt erschließt, ist ein späteres Erzeugnis; denn er entsteht erst durch den Akt der Absonderung des Menschen von sich. (...) Das Bewußtsein der Welt ist also für das Ich vermittelt durch das Bewußtsein des Du. So ist der *Mensch der Gott des Menschen*“ [11, Bd. 5, S. 165 f.]

Literatur:

1. Biblioteka istorii ruskoj filosofii i kul'tury „Dom A. F. Loseva“ [Bibliothek der Geschichte der russischen Philosophie und Kultur „Haus von A. F. Losev“] (elektronische Quelle).
2. Büro der Parteizelle der Allunions-KP (Bolschewiki) des Instituts der Roten Professur für Philosophie und Naturwissenschaften. Resolution, angenommen am 14. Oktober 1930: Über die Lage an der philosophischen Front betreffende Probleme // Bol'shevik [Bolschewik]. 1930. № 19—20, 31. Oktober. S. 100-110 (russ.).
3. Büro der Parteizelle des Inst. der Roten Professur für Philos. und Nat.wiss. (1930). Resolution vom 29. Dezember 1930: Ergebnisse der philosophischen Diskussion // Pod Znamenem Marksizma [Unter dem Banner des Marxismus]. 1930. № 10—12. S. 15-24 (russ.).
4. Čelpanov G.I. Psychologie oder Reflexologie? Moskau: Verlag „Russischer Bücherfreund“, 1926. (russ.).
5. Deborin A. Ludwig Feuerbach // Pod Znamenem Marksizma [Unter dem Banner des Marxismus], 1923. № 1. S. 5-41 (russ.).
6. Deborin A.M. Ludwig Feuerbach. [Seine] Persönlichkeit und Weltanschauung. Moskau: Buchverlag „Materialist“, 1923. (russ.).
7. Deborin A., Luppol Ja., Sten I., Karev N., Podvolockij I., Gessen B., Levin M., Agol I., Levit S. & Teležnikov F. (1930). Über den Kampf an zwei Fronten in der Philosophie // Pod Znamenem Marksizma [Unter dem Banner des Marxismus]. 1930. № 5. S. 139-149 (russ.).
8. Fejrbach L. Ausgewählte philosophische Werke in zwei Bänden. Moskau: Staatsverlag für politische Literatur, 1955. (russ.).
9. Fejrbach L. Das Wesen des Christentums / Vervollständigte Übersetzung aus dem Deutschen unter der Redaktion von Ju. M. Antonovskij. S.-Petersburg: Verlag Prometheus (Druckerei „Literarisches Grundwissen“), 1908. (russ.).
10. Fejrbach L. Über Dualismus und Unsterblichkeit / Aus dem Deutschen übersetzt von N. A. Alekseev. S.-Petersburg: Verlag S.-Petersburger Buchvertrieb, 1908. (russ.).
11. Feuerbach L. Gesammelte Werke // herausgegeben von W. Schuffenhauer. Berlin: Akademie Verlag, 1967 ff.
12. Fejrbach L. Werke [Sočinenija], Bände 1-3 // gemeinsamer Redaktion herausgegeben von L. Akselrod-Ortodoks, A. Deborin & D. Rjazanov. Moskau/Petrograd: Staatsverlag, 1923-1926. (russ.).
13. Feuerbach L. Zur Moralphilosophie (1868). Kritisch revidiert von W. Schuffenhauer // Solidarität oder Egoismus. Studien zu einer Ethik bei und nach

- Ludwig Feuerbach / H.-J. Braun (Hg.). Berlin: Akademie Verlag, 1994. S. 353-430.
14. Frankfurt Ju.V. G.V. Plechanov über das psychophysische Problem // Pod Znamenem Marksizma [Unter dem Banner des Marxismus]. 1926. № 6. S. 37-60 (russ.).
 15. Hecker R. Vorbemerkung zum Referat Rjazanovs über die Aufgaben des Marx-Engels-Instituts 1930/31 // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung, Neue Folge, Sonderband 1: David Borisovič Rjazanov und die erste MEGA. Hamburg/Berlin: Argument Verlag, 1997. S. 108-109.
 16. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Unveränderter Neudruck der von Raymond Schmidt besorgten Ausgabe (nach der zweiten durchgesehenen Auflage von 1930). Hamburg: Meiner, 1956.
 17. Keiler P. „Beinahe eine Apologie“? – Anmerkungen zur Vygotskij-Kritik A.N. Leont’evs // Tätigkeitstheorie – Journal für tätigkeitstheoretische Forschung in Deutschland. 2010. № 2. S. 7-41.
 18. Keiler P. „Behinderung“ als pädagogisch-psychologisches Problem und als sozial-ethische Herausforderung. Feuerbachische Elemente in L. S. Wygotskis Konzeption der kindlichen Defektivität // Solidarität oder Egoismus. Studien zu einer Ethik bei und nach Ludwig Feuerbach / H.-J. Braun (Hg.). Berlin: Akademie Verlag, 1994. S. 264-351.
 19. Keiler P. “Cultural-historical theory” and “cultural-historical school”: From myth (back) to reality // PsyAnima, Dubna Psychological Journal, 2012. № 5 (1). S. 1-33.
 20. Keiler P. Die Bedeutung der Auffassungen Ludwig Feuerbachs für die Begründung einer materialistischen Psychologie // Ludwig Feuerbach und die Philosophie der Zukunft / H.-J. Braun, H.-M. Sass, W. Schuffenhauer & F. Tomasoni (Hg.). Berlin: Akademie Verlag, 1990. S. 477-500.
 21. Keiler P. Feuerbach, Wygotski & Co. – Studien zur Grundlegung einer Psychologie des gesellschaftlichen Menschen. Hamburg/Berlin: Argument Verlag, 1997/ 1999.
 22. Keiler P. Gegenständlichkeit, Sozialität, Historizität – Versuch einer Rekonstruktion der Feuerbach-Wygotski-Linie in der Psychologie // Forum Kritische Psychologie, 1991. № 27. S. 89-168.
 23. Keiler P. „Kulturhistorische Theorie“ und „Kulturhistorische Schule“: Vom Mythos (zurück) zur Wirklichkeit (Kurzfassung) // Forum Kritische Psychologie, 2012. Vol. 56. S. 114-128

24. Keiler P. Lev Vygotsky — ein Leben für die Psychologie. Überarbeitete, aktualisierte, neu formatierte und mit einem Vorwort versehene Version der Originalausgabe von 2002. Weinheim/Basel: Beltz E-Book, 2015.
25. Keiler P. Lev Vygotskij – ein Leben für die Psychologie. Weinheim/Basel: Beltz Verlag, 2002.
26. Keiler P. Lew Wygotski und der Kampf um die marxistische Psychologie in der Sowjetunion. Berlin: „Helle Panke“ e.V., 2003.
27. Kornilov K. Die gegenwärtige Situation der Psychologie in der UdSSR // Pod Znamenem Marksizma [Unter dem Banner des Marxismus]. 1927. № 10-11. S. 195-217 (russ.).
28. Kornilov K.N. Naiver und dialektischer Materialismus in ihrer Beziehung zur Wissenschaft über das Verhalten des Menschen // Probleme der zeitgenössischen Psychologie / K. N. Kornilov (Hg.), 1926. S. 7-19. (russ.).
29. Kornilov K.N. Psychologie und Marxismus // Psychologie und Marxismus / K.N. Kornilov (Hg.). Leningrad: Staatsverlag, 1925. S. 9-24. (russ.).
30. Lenin W.I. Materialismus und Empiriokritizismus. Kritische Bemerkungen über eine reaktionäre Philosophie [entspricht Band 14 der Lenin-Werkausgabe]. Berlin (DDR): Dietz Verlag, 1971.
31. Lenin W.I. Werke, Band 38 (Philosophische Hefte). Berlin (DDR): Dietz Verlag, 1970.
32. Leont'ev A.N. (2001). Die Lehre von der Umwelt in den pädologischen Arbeiten von L. S. Vygotskij. Eine kritische Untersuchung // Aleksej N. Leont'ev, Frühschriften / G. Rückriem (Hg.). Berlin: Pro BUSINESS, 2001. S. 289-306.
33. Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass / Grün, K. (Ed.). (Sigel: Grün) (2 Bände). Leipzig/Heidelberg: Winter, 1874.
34. Lunačarskij A.V. Von Spinoza zu Marx. Essay über die Geschichte der Philosophie als Weltanschauung. Moskau: Verlag „Neues Moskau“, 1925. (russ.).
35. Luria A.R. Psychoanalysis as a system of monistic psychology // Journal of Russian and East European Psychology. 2002. № 1. S. 26-53.
36. Lurija A.R. Psychoanalyse als ein System monistischer Psychologie // Psychologie und Marxismus / K. N. Kornilov (Hg.), 1925. S. 47-80. (russ.).
37. Marx K., Engels F. Werke. Berlin (DDR): Dietz Verlag, 1956 ff.
38. Mitin M. Über die Ergebnisse der philosophischen Diskussion (überarbeitetes Stenogramm eines Vortrages, gehalten am 1. Januar 1931 in der Kommunistischen Akademie vor der Fraktion der „Gesellschaft der Streitbaren Materialisten“) // Unter dem Banner des Marxismus. 1931. Heft 2. S. 171-213.

39. Mitin M., Ral'cevič V., Judin P. Über die neuen Aufgaben der marxistisch-leninistischen Philosophie // Pravda. 1930. 7 Juni. S. 5-6 (russ.).
40. Plechanov G.V. Grundprobleme des Marxismus. Moskau: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1908/1922. (russ.).
41. Plechanow G.W. Grundprobleme des Marxismus. Berlin (DDR): Dietz Verlag, 1958.
42. Probleme der zeitgenössischen Psychologie. Sammelband von Aufsätzen von Mitarbeitern des Moskauer staatlichen Instituts für experimentelle Psychologie / Kornilov K. N. (Hg.). Leningrad: Staatsverlag, 1926. (russ.).
43. Psychologie und Marxismus. Sammelband von Aufsätzen von Mitarbeitern des Moskauer staatlichen Instituts für experimentelle Psychologie / Kornilov K.N. (Hg.). Leningrad: Staatsverlag, 1925. (russ.).
44. Rjazanov D.B. Über die Aufgaben des Marx-Engels-Instituts 1930/31 // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung, Neue Folge, Sonderband 1: David Borosovič Rjazanov und die erste MEGA. Hamburg/Berlin: Argument Verlag, 1930/1997. S. 110-124.
45. Ral'cevič V. Ein philosophisches „Geschenk“ an den XVI. Parteitag. (Zeitschrift „Pod Znamenem Marksizma“, No. 5, 1930) // Bol'shevik [Bolschewik], 1930. № 14. 31 Juli. S. 83-94 (russ.).
46. Rawidowicz S. Ludwig Feuerbachs Philosophie: Ursprung und Schicksal. Berlin: Verlag Reuther & Reichard (photo-mechanischer Nachdruck 1964, Berlin: Verlag de Gruyter), 1931.
47. Špet G.G. Lavrovs Anthropologismus im Licht der Geschichte der Philosophie // P. L. Lavrov. Artikel, biografische Erinnerungen, Materialien. Petersburg: Verlag „Kolos“, 1922. S. 13-138. (russ.).
48. Sretenskij N. Ludwig Feuerbach. (1872-1922). Krasnaja Nov' [Rotes Neuland]. 1922. № 6 (10). S. 211-236 (russ.).
49. Stein H. Der Sturz Rjazanovs. Das Schicksal eines russischen Gelehrten // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung, Neue Folge, Sonderband 1: David Borosovič Rjazanov und die erste MEGA. Hamburg/Berlin: Argument Verlag, 1931/1997. S. 245-247
50. Van der Veer R., Valsiner J. Understanding Vygotsky: A Quest for Synthesis. Oxford UK/Cambridge USA: Blackwell, 1991.
51. Vygotskij L.S. Denken und Sprechen / Herausgegeben und aus dem Russischen übersetzt von J. Lompscher und G. Rückriem. Weinheim/Basel: Beltz Taschenbuch, 2002.
52. Vygotskij L.S. Konkrete Psychologie des Menschen. Ein unveröffentlichtes Manuskript // Studien zur Tätigkeitstheorie V. Persönlicher Sinn als

- gesellschaftliches Problem / M. Holodynski & W. Jantzen (Hg.). Bielefeld: Universität Bielefeld, 1989. S. 292-307.
53. Vygotskij L.S. Psyche, Bewusstsein und Unbewusstes // Elemente der allgemeinen Psychologie (Grundmechanismen des menschlichen Verhaltens). Fernstudienbibliothek für die psychologisch-pädagogischen Fachrichtungen. Erster Jahrgang, vierte Lieferung / K.N. Kornilov (Hg.). Herausgegeben vom Büro für Fernstudien an der Pädagogischen Fakultät der 2. Moskauer Staatlichen Universität. Moskau: Verlag des Büros für Fernstudien an der Pädagogischen Fakultät der 2. Moskauer Staatlichen Universität, 1930. S. 48-61. (russ.).
54. Vygotskij L.S. Sobranie sočinenij [Gesammelte Werke], Tom 1–6. Moskau: Pedagogika, 1982-84. (russ.).
55. Vygotskij L.S. Zur Psychologie und Pädagogik der kindlichen Defektivität // Probleme der Erziehung blinder, taubstummer und geistig zurückgebliebener Kinder / L.S. Vygotskij (Hg.). Moskau: Verlag SPON des Volkskommissariats für Volksbildung, 1924. S. 5-30. (russ.).
56. Vygotsky L.S. Collected Works, Vol. 1–6 / Herausgegeben von R. W. Rieber et al. New York: Plenum Press, 1987-1999.
57. Vygotsky L.S. Mind in society. Cambridge USA: Harvard University Press, 1978.
58. Vygotsky L.S. The problem of the environment // The Vygotsky reader / R. van der Veer & J. Valsiner (Hg.). Oxford UK/Cambridge USA: Blackwell, 1994. S. 338-354.
59. Vygotsky's notebooks. A selection / Zavershneva E.Iu., van der Veer, R. (Hg.). New York: Springer. (im Druck)
60. Wolkogonow D. Stalin. Triumph und Tragödie. Ein politisches Porträt. Düsseldorf: Claassen Verlag, 1989.
61. Wygotski L. Ausgewählte Schriften (zwei Bände) / deutscher Sprache herausgegeben von J. Lompscher. Berlin (DDR): Verlag Volk und Wissen (reprografischer Nachdruck Berlin 2003: Verlag Lehmanns Media), 1985, 1987.
62. Zavershneva E.Iu. Investigating L.S. Vygotsky's manuscript "The historical meaning of the crisis in psychology" // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. Vol. 50. № 4. S. 42-63.
63. Zavershneva E.Iu. "The key to human psychology." Commentary on L.S. Vygotsky's notebook from the Zakharino hospital (1926) // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. Vol. 50. № 4. S. 16-41.
64. Zavershneva E.Iu., Osipov M.E. Primary changes to the version of "The historical meaning of the crisis in psychology" published in the Collected works of L.S. Vygotsky // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. Vol. 50. № 4. S. 64-84.

65. ZK der Allunions-KP (Bolschewiki). Gemeinsamer Beschluss vom 25. Januar 1931: Über die Zeitschrift „Pod Znamenem Marksizma“ // Pod Znamenem Marksizma [Unter dem Banner des Marxismus]. 1930. № 10—12. S. 1-2 (russ.).

Сведения об авторе:

Keiler Peter, Dr. phil. habil., Dipl.-Psych., apl. Professor im Wissenschaftsbereich Psychologie der Freien Universität Berlin (Germany)

“What Is Absolutely Impossible for *One* Person, Is Possible for Two” — A Historical-Methodological Study Concerning Feuerbachian Elements in the Later Works of L.S. Vygotsky¹

Keiler Peter

Free University of Berlin, Berlin, Germany

e-mail: peter.keiler@fu-berlin.de

Abstract. This essay examines the influence of the German materialist philosopher Ludwig Feuerbach (1804-1872) on the ideas of L. S. Vygotsky. It starts from the observation that, despite its continuity, Vygotsky’s affinity to Feuerbach did not always express itself in the same way in the course of his scientific career. The main emphasis then is laid on Vygotsky’s later work (1931-1934), whose elaboration was overshadowed by the radical political-ideological changes in the Soviet Union in the early 1930s. I argue that due to the requirements of the new situation Vygotsky had to adopt an attitude that for its paradoxical features could be characterized as “crypto-Feuerbachianism.” The argument then is substantiated by a closer examination of two explicit references to Feuerbach in Vygotsky’s later work. I first analyze the problems one has to cope with when trying to identify the “subtext” or hidden meaning of these kinds of references, and subsequently explain the general significance of what may be called the “Feuerbach principle” in Vygotsky’s later work.

Keywords: Vygotsky, Feuerbach, Historical-political background of Vygotsky’s work, Methodological problems of identifying camouflaged sources, Crypto-Feuerbachianism in Vygotsky’s later work, Cultural-historically oriented psychology

«Что совершенно невозможно *одному* человеку в одиночку, то возможно для двух»² — историко-методологическое исследование идей Фейербаха в работах позднего периода творчества Л.С. Выготского

¹ A first, less extensive version of the study, based on an invited paper, delivered at the XIth European Conference on Developmental Psychology, Milan, Italy, August 27-31, 2003, has been available on the internet.

² [8, tom I, c. 149]

Кайлер Петер

Свободный университет Берлина, Берлин, Германия

e-mail: peter.keiler@fu-berlin.de

Аннотация. В эссе рассматривается влияние немецкого философа-материалиста Людвиг Фейербаха (1804-1872) на идеи Л. С. Выготского. Статья начинается с того наблюдения, что, несмотря на свою преемственность, близость Выготского к Фейербаху не всегда проявлялась одинаково в течение его научной карьеры. Основной внимание уделяется позднему периоду творчества Выготского (1931-1934), чья научно-исследовательская работа была осложнена радикальными политико-идеологическими изменениями в Советском Союзе в начале 1930-х гг. Автор утверждает, что из-за требований новой ситуации Выготский должен был принять такую позицию, которую из-за ее парадоксальных черт можно охарактеризовать как «крипто-фейербахианство». Данный аргумент подтверждается более близким рассмотрением двух явных ссылок на Фейербаха в последние годы его научного творчества (ср. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 5, с. 230; Т. 2, с. 361). Сначала я анализирую проблемы, с которыми приходится сталкиваться при попытке идентифицировать «подтекст» или скрытый смысл подобных ссылок, а затем показываю, что в «позднем» Выготском гораздо больше «Фейербаха», чем можно предположить при первом взгляде.

Ключевые слова: Выготский, Фейербах, историко-политический контекст творчества Выготского, методологические проблемы выявления скрытых источников, крипто-Фейербахианство в позднем творчестве Выготского, культурно-историческая психология

Introduction

Not later than with the publication of L. S. Vygotsky's *Collected Works* (1987-1999), experts in "cultural-historical theory" should be acquainted with the finding that Vygotsky was not only "very familiar" with the work of the German materialist philosopher Ludwig Feuerbach (1804-1872) "and valued it highly," but beyond that "felt that Feuerbach's ideas could be used as a point of departure for the construction of a Marxist materialistic psychology." Nevertheless, it seems that until now this finding, originally formulated by L. A. Radzikhovskiy already in 1982 in an editorial note to the second volume of the Russian Vygotsky-work-edition (cf. *Sobr. soch.*, tom 2, pp. iv/489), and than reproduced in a corresponding place in the first volume of the *Collected Works* (cf. [61, p. 384]), despite its provoking implications has not found noticeable resonance. This is all the more deplorable, as the endeavor to clarify the real nature of the relation between Vygotsky and Feuerbach leads to a deeper understanding not only of Vygotsky's work itself but also of its political background.

In that, one of the most significant points is: Although Vygotsky held a throughout positive view of Feuerbach's ideas, his appreciation of the latter, as far as explicit symptoms are concerned, expressed itself in quite different ways in the course of his scientific career, whereby three periods can be discerned:

1. There are indeed noticeable indications, that already in the first period (1924 – 1926/27) Vygotsky had an inclination to that dimension of Feuerbachianism which would be prevalent in his last years (centred on the theorem that specifically human characteristics have their origin and their main developmental condition in the “community of man with man”)³. His overtly expressed attitude towards the great philosopher, however, at that time actually was determined by the mid 1920s debate about the importance of Feuerbach's views for the theoretical foundation of a Marxist materialistic psychology. This debate was part of an evaluation of G.V. Plekhanov's (1856-1918) position in regard to the psycho-physical problem⁴, a position that essentially based on the pertinent theorems of Feuerbach (cf. f. i. [17; 29, p. 11]). Plekhanov, the “Father of Russian Marxism,” had become an adherent of “Germany's Spinoza”⁵ in the mid 1890s and subsequently was a militant advocate of Feuerbach's ideas, in that being influential also on V. I. Lenin (cf. *Materialism and Empiriocriticism*). However, for a better understanding of the “early” Vygotsky's “Plekhanov-Feuerbachianism” one has to take into account not only the writings of Plekhanov, which Vygotsky is referring to (f. i. *Basic Problems of Marxism [Osnovnye voprosy marksizma]*)⁶, but also the literary and editorial work of A. M. Deborin (1881-1963), who had been a disciple of Plekhanov and was very influential in Soviet-Russian philosophy until the end of the 1920s⁷. Deborin not only referred to Feuerbach in his own writings, but published a comprehensive book about Feuerbach in commemoration of the 50th anniversary of the latter's death. Furthermore, between 1923 and 1926 he edited, together with L.A. Aksel'rod-Ortodoks and under the overall control of D.B. Riazanov (director of the Marx-Engels-Institute), three volumes of selected Feuerbach writings [10], with a remarkable high print run for

³ See for example in Vygotsky's 1924 pilot-article on the psychology and pedagogy of handicapped children his line of argument, which starts with a quotation from the 1911 Russian edition of P. Natorp's *Sozialpädagogik. Theorie der Willenserziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft [Socialpedagogy. Theory of the Education of Will on the Basis of Community]* [54, p. 24] — N.B.: Whereas in the Russian Vygotsky-work-edition there can be detected only “slight” changes (cf. [58, pp. 78 f.]), the English work-edition is presenting a downright parody of the original version of the respective passage (cf. [60, Vol. 2, p. 89]).

⁴ N.B.: In the German-Russian tradition the psycho-physical problem goes beyond the narrowly circumscribed “mind-body-problem,” it applies to the psyche's relations to *all* parts and moments of the physical (material) world and its immanent relationships.

⁵ Feuerbach had been honored by this epithet in the zenith of his popularity in Germany at the end of the 1840s (cf. [36, Vol. 1, pp. 382 f.]).

⁶ In some cases there is required a meticulous “philological” work to identify the correct source of Vygotsky's references to Plekhanov. In this respect, the reader should be cautious of the information given in either the Russian or the English versions of the Vygotsky-work-edition.

⁷ For a biographical sketch of Deborin see [26, pp. 464-467]; resp. [27, pp. 359 ff.].

each volume⁸. And by all of these activities Deborin contributed much to the propagation of Feuerbachian thought in Soviet Russia around the mid 1920s (cf. [47, p. 496]). All in all, when assessing the then pertinent literature⁹, one gets the impression, that Feuerbach's prophetic words, that his time was still to come (cf. [6, p. 85]), finally had become true, though not, as he had hoped, in Germany. Perhaps the general atmosphere among the Russian intelligentsia in the mid 1920s may be characterized best with the words, used by Fr. Engels 40 years before in his *Ludwig Feuerbach*, when he described the situation among the Young-Hegelians caused by the publication of Feuerbach's *The Essence of Christianity* in 1841: "All of us were at the moment Feuerbachians [Wir alle waren momentan Feuerbachianer]" (cf. [40, Vol. 21, p. 272])¹⁰.

The writing of Feuerbach most frequently referred to by Soviet psychologists in that period was "Against the Dualism of Body and Soul, Flesh and Spirit." This programmatic treatise had been published originally in 1846 within the second volume of Feuerbach's *Sämmtliche Werke [Complete Works]*. A first Russian translation was released in 1908 together with another article by Feuerbach in a volume titled "On Dualism and Immortality [O dualizme i bessmertii]"¹¹, and a second time it appeared in 1923 within the first of the three volumes of Feuerbach writings edited by Deborin and Aksel'rod-Ortodoks.¹² Lengthy quotations from this treatise can be found not only in articles by K.N. Kornilov [30] and A.R. Luriiia [39], but also in the polemical brochure *Psychology or Reflexology? [Psikhologiiia ili refleksologiiia?]*, published by G.I. Chelpanov in 1926. In that, it is interesting that Chelpanov, former director of the Moscow Institute of Psychology and still the militant standard-bearer of the "older psychology," crowned his quotation with the conclusion that from the whole passage "it is easy to recognize, that Feuerbach's humanism is beyond doubt a kind of Spinozism" (cf. [4, p. 33]). Herewith, on the one hand Chelpanov was seemingly in accordance with Plekhanov, confirming Feuerbach's epithet "Germany's Spinoza." On the other hand he was pursuing the diversionist goal of playing Feuerbach off against Marx, whom he reproaches of "empirical dualism [ëmpiricheskogo dualizma]" (cf. [4, p. 34]).

However, for my present concerns it is more important to take note of Luria's reference to Feuerbach's treatise in his 1925-article "Psychoanalysis as a System of Monistic Psychology," where he expresses his high esteem for Feuerbach as follows:

⁸ Cf. [1]. This source also gives a detailed overview of the contents of each volume.

⁹ Important sources to be considered are: [4; 5; 6; 17; 30; 37; 39; 43; 49; 50].

¹⁰ Unfortunately, in the English translation the ambiguity of the by Engels used word "momentan" inevitably gets lost, it can mean both "immediately" and "(only) momentary."

¹¹ Cf. [5; 8, p. 656/660; 47, p. 476; 50].

¹² A third time it was included in the first volume of *Izbrannye filosofskie proizvedeniia v dvukh tomakh*, both volumes published in 1955 (i. e., during the "thaw"-period). Deplorably, until now there does not exist any official English translation of this in many respects very important writing of Feuerbach.

Feuerbach brilliantly anticipated many of the concepts of the new psychology. His arguments for a monistic approach to the individual, about feelings, about the relationship between cerebral activity and the organs of the body were altogether a classic prototype of a sound and profound approach to the problem of the individual personality. See especially his essay “Against the Dualism of Body and Soul, Flesh and Spirit,” in [Works] (GIZ, 1923), vol. 1, pp. 146 ff. (quoted after [38, p. 48, note 12]; for the Russian original see [39, p. 58, fn. 1]).

In conclusion, it seems to be part of a more general trend that Vygotsky expresses his enthusiasm for Feuerbach’s “psychological materialism” in his great 1926/27-essay on the historical significance of the crisis in psychology and in his closely to this essay related article “Mind [Psyche], Consciousness, [and] the Unconscious.” Here the name of Feuerbach is the password for the access to Vygotsky’s program for the systematic reorganization of psychology as a whole on a strictly materialistic base (see [62, pp. 116/322/324/327])¹³.

2. In the second period (1927/28 – 1930/31), dedicated to the elaboration and re-elaboration of what usually is referred to as “cultural historical theory”¹⁴, Feuerbach, at first glance, seems to have lost for Vygotsky his programmatic relevance. Explicit references to him apparently only serve as a methodological corrective against an impending deviation (not only of other scholars but also of Vygotsky himself) toward an idealism of the Hegelian kind (cf. [59, pp. 65 f.; 63, p. 172]). However, there is one significant symptom that Vygotsky had not only taken a stroll along the shore of the “fiery brook” but really had “passed through it”¹⁵: his (since 1928) notoriously consequent use of the formulations “psychological processes [psikhologicheskie protsessy]” and “psychological functions [psikhologicheskie funktsii]” instead of the mainstream versions “psychic processes [psikhicheskie protsessy]” and “psychic functions [psikhicheskie funktsii]” (also favoured by I.P. Pavlov). As meanwhile it seems to be generally recognized in the relevant literature, that there is such a “strange quirk” of Vygotsky, which has to be respected as such, the systematic (i. e., conceptual) reason for this peculiar terminological deviation apparently has not been grasped yet. However, this reason can easily be found out by consulting the already

¹³ Though “Mind [Psyche], Consciousness, [and] the Unconscious [Psikhika, soznanie i bessoznatel’noe]” was published only in 1930 (cf. [55]), its virtual origin evidently has to be dated back into the period of 1925-27, when the discussion about the theoretical-methodological fundamentals of the “new” (i.e., Marxist materialistic) psychology had reached its first peak (cf. [29, 30, 31]). It seems most plausible that the article, at least in its essential parts, has been elaborated in the atmosphere of the “crisis”-project. This view, which I am advocating since more than a decade (cf. [26, pp. 134/399; 27, pp. 113 f./151; 28, pp. 46 f.]), has recently found vigorous support in E. Iu. Zavershneva’s profound analyses of textual materials preserved in the Vygotsky family archive (cf. [69, 70]), and the on these analyses based reconstructive work (cf. [71]).

¹⁴ The problem of the correct labeling of Vygotsky’s approach is discussed in detail in [22].

¹⁵ For this play on words, which bases on the literal meaning of the surname “Feuerbach” (= “Fiery brook”), see [40, Vol. 1, p. 27].

mentioned article “Mind [Psyche], Consciousness, [and] the Unconscious,” whose central argument is the statement that, “when psychic [psikhicheskikh] processes are replaced by psychological [psikhologicheskikh] processes, the application of Feuerbach’s viewpoint in psychology becomes possible” [62, p. 116]¹⁶.

3. In the last period (1931-34) Vygotsky’s relation to Feuerbach is overshadowed by the aftermath of the radical changes which took place within the scientific life in the Soviet Union in 1930/31, putting a definitive end to what might be called the “golden age” of Feuerbachianism. In that, the respective change in the general attitude towards Feuerbach was not brought about by a detection of hitherto undiscovered “flaws” or “mistakes” in his works — rather, it was just a “collateral effect” of a political-ideological drama, which came off in a relatively short period of time but had far reaching consequences. It took its start in June 1930 during the approaches to the 16th convention of the All-Union’s Communist Party (Bolsheviks)¹⁷, increased between July and October 1930, culminated about the turn of the year, and came to a provisional end with the dismissal of Deborin from his positions as chief editor of the periodical *Pod Znamenem Marksizma* [*Under the Banner of Marxism*] and vice-director of the Marx-Engels-Institute in the end of January 1931. Half a month later, D.B. Riazanov, the till then director of that institute and meritorious chief editor of the complete works of Marx and Engels (MEGA) was arrested, and finally the whole procedure was “crowned” in April 1931 by merging the Marx-Engels-Institute with the Lenin-Institute to create the Marx-Engels-Lenin-Institute as the henceforth undisputed grail keeper of Marxism-Leninism.¹⁸

And it was one of the inevitable consequences of Deborin’s fall, that the high valuations he had given of Feuerbach (f. i., declaring him dialectical materialist in the strict sense, and characterizing Marxism as nothing other than a kind of Feuerbachianism) had to be “corrected” towards a lessening of the latter’s importance. In that (as already foreshadowed in M. Mitin’s talk on January, 1st of 1931), Feuerbach’s official “downgrading” did not end up in a total loss of

¹⁶ For the underlying Russian version cf. *Sobr. soch.*, tom 1, p. 141, resp. [55, p. 55].

¹⁷ Later renamed in Communist Party of the Soviet Union.

¹⁸ As the “plot” of this drama is too complex as to be told in three sentences thereby taking into consideration all relevant aspects, the reader may consult for a first overview the present author’s detailed report in his *Feuerbach, Vygotski & Co.* (cf. [24, pp. 79-86/139-142]). In covering the period until October 1930, this report is based to a large extent on the results of the literary studies of Simon Rawidowicz, a contemporary witness of the 1930 events (cf. [47, pp. 497 ff.]). For the time after October 1930, however, it is based exclusively on the author’s own research. Readers, interested in a complete reconstruction of the events touched upon, may study the following sources: Mitin, Ral’tsevich & Iudin [42]; Deborin et al. [7]; Ral’tsevich [46]; Riazanov (Sept./Oct. 1930/1997) [48]; Biuro iacheiki VKP(b) Instituta Krasnoi Professury Filosofii i Estestvoznaniia [3]; Wolkogonow [67, pp. 338 f.]; Biuro iacheiki IKP F. i E. [2]*; Mitin [41]*; TsK VKP(b) [52]*; Stein [51]; Hecker [18]. – N.B.: With respect to the correct dating of the three Russian sources marked with *, it has to be considered that the October-December 1930 issue of *Pod Znamenem Marksizma* (No. 10-12) was not released before the end of January or (more likely) the beginning of February 1931.

reputation, but he was just put back into the role, assigned to him by Engels in his *Ludwig Feuerbach*: “John Baptist of Marxism,” not less but not more either.

Under these conditions, the enterprise of showing explicitly the heuristic value of Feuerbach’s ideas in regard to scientific topics, located outside of the special sphere of interest of Marx and/or Engels (or Lenin) but nevertheless of some significance for the internal completion of Marxism, was a quite risky one. It could easily be “misunderstood,” giving rise to the incrimination of the respective scholar of still being a partisan of Deborin and his “menshevizing idealism” (cf. [53, pp. 302 f.]). As a consequence, when studying the later work of Vygotsky, as far as it is published, we are confronted with a peculiar paradox: On the one hand, there is a far-reaching overlap of Vygotsky’s lines of argument with ideas of Feuerbach, especially in the area of developmental psychology (compare for instance [63, pp. 216 and 231, with [14, pp. 82 ff.]) but also in the framework of defectological investigations (cf. [61, pp. 198 ff./218 f.]) and in the area of psycholinguistics (cf. [60, pp. 47/285])¹⁹; on the other hand, there are conspicuously few explicit references (strictly speaking, only two) to the great philosopher in this later work. Thus, in regard to the period of 1931-1934, the real extent of Vygotsky’s affinity to Feuerbach can be revealed only by a painstaking and time-consuming philological analysis — an analysis for which not only the knowledge of the respective work of Vygotsky (including the pertinent archival material) but also an ample familiarity with the work of Feuerbach is the absolutely necessary precondition.

In the remainder of this study, I will focus on what might be called the “crypto-Feuerbachianism” of the “later” Vygotsky (1931-34). And in doing so, I am pursuing a double aim:

On one hand, I want to give an idea of the methodological difficulties one is confronted with if one does not uncritically accept the, first by Radzikhovsky formulated, assertion of a close affinity of Vygotsky to Feuerbach as an “insider’s” expertise, but tries to prove the validity of this assertion. On the other hand, I will present data (both in the main text and in more detail in the appendix to this study) which, in my opinion, are compelling enough to prove that there is even more to this assertion than Radzikhovsky realized.

As a starting point I have chosen the two passages in the later work of Vygotsky where there is an obvious reference to Feuerbach, in order to reveal the hidden meaning of these kinds of references, and subsequently explain the general

¹⁹ In regard to the passage in the first chapter of *Thinking and Speech* it is not sufficiently clear, if Vygotsky is “quoting” Feuerbach directly or via V. I. Lenin, who in his survey of Hegel’s *Lectures on the History of Philosophy* (cf. [33, p. 246]) is quoting from Feuerbach’s “Principles of the Philosophy of the Future” (cf. [13, p. 43]).

significance of what can be called the “Feuerbach principle” in Vygotsky’s later work.

Two Quasi-Quotations Charged with Problems

The first of these passages is the final word of Vygotsky’s introduction to E. Gracheva’s book on the education and instruction of severely retarded children which was published in 1932, and the second passage is from the final part of Vygotsky’s posthumous work *Thinking and Speech*²⁰.

The conclusion of Vygotsky’s introduction to Gracheva’s book reads as follows:

*Only social education can lead severely retarded children through the process of becoming human by eliminating the solitude of idiocy and severe retardation. L. Feuerbach’s wonderful phrase, might be taken as the motto to the study of development in abnormal children: “That which is impossible for one, is possible for two.” Let us add: That which is impossible on the level of individual development becomes possible on the level of social development [61, pp. 218 f.].*²¹

And at the end of *Thinking and Speech* we can read: “In consciousness, the word is what — in Feuerbach’s words — is absolutely impossible for one person but possible for two. The word is the most direct manifestation of the historical nature of human consciousness” [60, p. 285]).

As clear as these two references to Feuerbach appear to be at first glance, a closer look shows that they are charged with problems. First, we notice that in both cases the source of the reference is not specified, so that, if we are not Feuerbach experts, we have great difficulty in examining whether what Vygotsky aims to express with his quasi-quotations really corresponds to Feuerbach’s original intent. Second, although the source is not specified, it seems that Vygotsky in both passages is referring to one and the same original statement by Feuerbach, but is imparting a different sense to it, corresponding to two completely different thematic contexts. However, in doing so, Vygotsky not only gives an impressive illustration of his own

²⁰ N.B.: It is exactly this passage, from which Radzikhovsky is taking a start for his assertion that Vygotsky “was very familiar” with Feuerbach’s work.

²¹ According to the respective archival material communicated to the present author by E. Iu. Zavershneva, Vygotsky properly had planned to put “L. Feuerbach’s wonderful phrase” as the epigraph to his article “The Collective as a Factor in the Development of the Abnormal Child,” to be published in 1931. But he refrained, apparently realizing that it would not be beneficial to the cause to show up at that moment as a defiant Feuerbachian. However, in December of 1931 Deborin wrote a self-critical open letter to the newspaper *Pravda*, remorsefully admitting all the mistakes he had been criticized for, as far as they concerned his assessment of the specifics of V. I. Lenin’s contribution to the further development of Marxism. After that kowtow he was permitted to continue at least his work within the institutional framework of the Academy of Science (he had been “elected” academician in February 1929). Thus, it seems that in 1932 Vygotsky dared to launch a “trial balloon,” presenting Feuerbach’s “wonderful phrase” at the end of an introduction to another author’s book — a maneuver, that in all its aspects is open to a “dialectical” interpretation.

reflections on the relationship between meaning and sense (cf. [60, pp. 275 ff.]), but also provokes the suspicion that there must be something wrong with his references to Feuerbach; that is, either in the introduction to Gracheva's book or in the last chapter of *Thinking and Speech* — if not in both cases — there must be a misinterpretation of the respective original statement of Feuerbach.

“Man with Man — the Unity of I and Thou — Is God”

This suspicion seems to be justified, when we reintegrate Feuerbach's statement in its original context, namely paragraph 12 of the *Principles of the Philosophy of the Future* (first published in German in 1843, first Russian publication in 1923). Because, in doing so, we come to realize that in this paragraph Feuerbach is dealing with a topic that seems to be quite far from the problems Vygotsky is dealing with. It is Feuerbach's point, by referring to “a striking example,” namely that of the natural sciences, to demonstrate the fundamental

truth that man's conception of God is the human individual's conception of his own species, that God as the total of all realities or perfections is nothing other than the total of the attributes of the species — dispersed among men and realizing themselves in the course of world history — succinctly combined for the benefit of the limited individual (quoted after [13, p. 17]).

An idea which Feuerbach expands as follows:

*The domain of the natural sciences is, because of its quantitative size, completely beyond the capacity of the individual to view and measure. Who is able to count the stars in the sky and at the same time the muscles and nerves in the body of a caterpillar? <...> Who is able to observe simultaneously the difference of height and depth on the moon and at the same time observe the differences of the innumerable ammonites and terebratula? But what the individual does not know and cannot do all of mankind together knows and can do. <...> While one person notices what is happening on the moon or Uranus, another observes Venus or the intestines of the caterpillar or some other place <...> Indeed, while one person observes this star from the position of Europe, another observes the same star from the position of America. What is absolutely impossible for one person alone is possible for two (cf. *ibid.* — rectified after the original [German] version [cf. [12, Vol. 9, pp. 279 f.]²²*

²² Besides the fact that there are only lamentably few translations of the writings of Feuerbach, understanding his ideas is rendered even more difficult for the English reading public by the fact that these translations are sometimes inaccurate. Thus, quite paradoxically, the *Collected Works* versions of Vygotsky's quasi-quotations of Feuerbach in both cases are closer to the German original wording than the official English translation of the *Principles of the*

If Vygotsky is singling out precisely this last phrase, in order to emphasize that the basic idea of his own conception about the education of severely retarded children is already anticipated by the conceptions of Feuerbach, the reproach of misleading the reader (i.e., misusing Feuerbach's authority for the propagation of an idea which is quite far from Feuerbach's original conceptions) can only be refuted by proving that the selected phrase serves only as a code for other passages in the work of Feuerbach which correspond much better to what Vygotsky is aiming at. And in fact, it is possible to furnish evidence for that interpretation, because there are at least three more paragraphs in the *Principles of the Philosophy of the Future* which could be conceived as a further "expansion" of Feuerbach's basic idea in the direction of what was "properly meant" by Vygotsky.

Thus paragraph 59 reads as follows:

The single man for himself does not possess the essence of man, neither in himself as a moral being nor in himself as a thinking being. The essence of man is contained only in the community²³, in the unity of man with man — a unity, however, which is based only on the reality of the distinction between I and thou (cf. [13, p. 71]).

And paragraph 60 reads: "Solitude is finiteness and limitation; community is freedom and infinity. Man for himself is man (in the ordinary sense); man with man — the unity of I and thou — is God" (ibid.).

And eventually in paragraph 63, Feuerbach stresses that already in his *Essence of Christianity* (first published in German in 1841, first Russian publication in 1908, included 1926 in the second volume of *Sochineniia*) he has identified the "secret of communal and social life, the secret of the necessity of the 'thou' for an 'I'." For him, the explanation of this "secret" is

the truth that no being — be it man, God, mind, or ego — is for itself alone a true, perfect, and absolute being, that truth and perfection are only the connection and unity of beings equal in their essence. The highest and last principle of philosophy is, therefore, the unity of man with man. All essential relations <...> are only different kinds and ways of this unity [13, p. 72]).

Philosophy of the Future, which reads: "What is absolutely impossible for one man alone to accomplish is possible for two men to achieve" [13, p. 17]. Consequently, for the sake of a more authentic appreciation of Feuerbach's ideas, a (responsibly realized) rectification of problematic terms and figures of speech in the official English translations is inevitable here and there.

²³ The German term used by Feuerbach is "Gemeinschaft."

Following this explicit reference to the *Essence of Christianity*, we find no less than two passages that fit very well with the phrase, quoted by Vygotsky. In the first passage Feuerbach says:

Thus man is the God of man. That he is, he has to thank Nature; that he is man, he has to thank man; spiritually as well as physically he can achieve nothing without his fellow-man. Four hands can do more than two, but also four eyes can see more than two. And this combined power is distinguished not only in quantity but also in quality from that which is solitary. In isolation human power is limited, in combination it is infinite. <...> Wit, acumen, imagination, feeling as distinguished from sensation, reason as a subjective faculty, — all these so-called powers of the soul are powers of humanity, not of man as an individual; they are products of culture, products of human society (quoted after [14, p. 83]).

And in the other passage we can read:

Community enhances the force of emotion, heightens confidence. What we are unable to do alone we are able to do with others. The sense of solitude is the sense of limitation, the sense of community is the sense of freedom [14, p. 124, fn.].

That Vygotsky, when referring to Feuerbach, has in mind precisely these ideas becomes very clear when we go back to the starting point of our “philological” excursion, that is, Vygotsky’s introduction to Gracheva’s book, and have a look at the complete context in which Vygotsky’s reference to Feuerbach’s “wonderful phrase” is integrated.

A Revealing Textual Comparison

In the final part of this introduction, Vygotsky is first reporting on an empirical study, realized by V. S. Krasussskii, which had shown that free collectives of severely retarded children are formed according to the principle of heterogeneity of intellectual levels (cf. [61, p. 217]). He then discusses the views of Edouard Séguin, a prominent representative of 19th century curative pedagogy, and finally gives the following summary:

The developmental path for a severely retarded child lies through collaborative activity, the social help of another human being, who from the first is his mind, his will, his activities. This proposition also corresponds entirely with the normal path of development for a child. The developmental path for a severely retarded child lies

through relationships and collaborative activity, with other humans. *For precisely this reason, the social education of severely retarded children reveals to us possibilities which might seem outright Utopian from the viewpoint of purely biologically based physiological education <...> The term idiot <...> literally means solitarius, a lone man: He is really alone with his sensations, without any intellectual or moral will. <...> Contemporary scientific research is wholeheartedly proving <...> that the source of idiocy is solitude. <...> In this respect, as we have already said, it is the social education of severely retarded children which becomes the sole sustainable and scientific path toward their education. In addition, it alone is capable of recreating the absent functions where they are not, because of a biological sense of inadequacy in the child. Only social education can lead severely retarded children through the process of becoming human by eliminating the solitude of idiocy and severe retardation. L. Feuerbach's wonderful phrase, might be taken as the motto to the study of development in abnormal children: "That which is impossible for one, is possible for two." [61, pp. 218 f].*

In conclusion, Vygotsky's reference to Feuerbach's "wonderful phrase," then, in no way can be seen as misleading. Rather, this reference is based on what I. Kant has called a "synthesis," by which, "in the most general meaning," he understood "the act of putting various presentations together and comprehending their manifoldness in one cognition" [19, p. 37]. In that, the difficulty obviously lies in the fact that this process cannot be simply reversed. That is, we cannot readily infer from the result of the "synthesis" back to those "various and manifold presentations" which are its basic material. Rather, this original material must be known in advance to identify the synthesis in question as a synthesis at all. In the present case, this means that in order to understand what Vygotsky is aiming at with his reference to "L. Feuerbach's wonderful phrase," prior knowledge of the writings of Feuerbach or at least a sufficient familiarity with the central ideas of his philosophy are a basic requirement.

An Attempt at Decoding

The importance of knowing Feuerbach's work becomes even more clear, when we try to figure out the meaning of the quasi-quotation at the end of *Thinking and Speech*.

Here, if we take the literal wording, Vygotsky should also refer to paragraph 12 of Feuerbach's *Principles of the Philosophy of the Future*. But, as follows from our preceding analysis, this would make no real sense.

A second perusal of the relevant writings of Feuerbach, however, reveals that Vygotsky at the end of *Thinking and Speech* obviously is trying to put together

certain reflections of Feuerbach on the relationship between thinking and speech, as put forward in his critique of Hegel's philosophy, with another basic idea of Feuerbach which also can be found in the *Principles of the Philosophy of the Future*.

In fact, it is paragraph 41 where we can read:

Not alone, but only with others, does one reach notions and reason in general. Two human beings are needed for the generation of man — of the spiritual as well as of the physical man; the community of man with man is the first principle and criterion of truth and generality [13, pp. 58 f.].

And in his *Towards a Critique of Hegel's Philosophy* (first published in German in 1839, first Russian publication in 1923 within the first volume of *Sochineniia*) Feuerbach writes: "Language is nothing else than the *realization of the species*, the mediation of the 'I' with the 'You' in order to manifest, by eliminating their individual separateness, the unity of the species" (quoted after [15, p. 63] — rectified after the original [German] version [cf. [12, Vol. 9, p. 27]]).

Every verbal representation of a thought is therefore

not a mediation of the thought within the thought and for the thought itself, but a mediation through language between thinking, in so far as it is mine, and the thinking of another person, in so far as it is his, <...> a mediation through which I prove that my thought is not mine but thought in and for itself so that it can just as well be that of the other person as it can be mine (cf. loc. cit., p. 64 — rectified after the original [German] version [cf. [12, Vol. 9, pp. 28 f.]]).

In other words: The verbal utterance of a thought is "the means through which I free my thought from the form of 'mine-ness' in order that the other person may recognize it as his own" (cf. loc. cit., p. 66 — rectified after the original [German] version [cf. [12, Vol. 9, p. 31]]).

In conclusion: When Vygotsky is "synthesizing" all this to the statement that, according to Feuerbach, in consciousness the word is absolutely impossible for one person but possible for two, he is certainly correct in essentials, although it might seem illegitimate to present this statement as a quasi-quotation.

A Plea for a Change of Perspectives

Briefly summarizing, we can state that the demonstrated method, to depart from explicit references to Feuerbach in order to get a better understanding of Feuerbachian elements in the later work of Vygotsky, is quite successful. After all, by

using this method we can show that there is much more “Feuerbach“ in the “later” Vygotsky than can be assumed at first glance — a finding, that gets even more substantiated when the research is not restricted to already published writings but is extended to the material preserved in the Vygotsky family archive (cf. the appendix to this study). But at the same time we have to admit that this is only a rather limited success, and furthermore a success which can only be reached under certain circumstances: Be it free accessible published texts, be it archival material, the method merely works in those cases where we have plain references to Feuerbach, and, moreover, we must have at least a rough idea, *where* to search in his writings.

Thus, inevitably the question arises whether it would not be wiser to take the opposite way right from the start, that is, getting first thoroughly familiar with the writings of Feuerbach and the psychological views which are contained in them, and then examining step by step Vygotsky’s work, to find out in what way it contains, overtly or concealed, Feuerbachian elements. Indeed, this seems to be not only the more meaningful but also the more efficient method (cf. [21; 23; 24; 25]).

In what follows, I will confine myself to the most important findings of this kind of approach:

First of all, we have to recognize that nobody else but Feuerbach himself was the “Feuerbach of Psychology” — and this not only in the figurative but in the literal sense. Starting with his early *Thoughts on Death and Immortality* (first published anonymously in 1830 [cf. [12, Vol. 1]]) and ending with his last work on moral philosophy, commonly known under the title *Eudemonism* (finished in 1868, first published posthumously in 1874 (cf. [8, tom I, pp. 578-641; 16])), we realize that the concern with psychological questions, although not the dominant leitmotif, nevertheless is pervasive in Feuerbach’s scientific work. Even his critique of Hegel is in some essential aspects formulated from a psychological point of view (a fact stressed by Plekhanov already in 1897).

It is not just that Feuerbach’s permanent advancing of “inner reasons” in the last analysis always turns out to be a psychological argumentation; there are two comprehensive treatises as well which reveal themselves at first sight in their basic topics as psychological writings. And more than that, after a closer analysis they can be characterized as programmatic essays in which, mediated by a profound critique of various idealistic conceptions, are formulated clearly and unmistakably the theoretical-methodological principles of a strictly materialistic psychology. The first of these treatises, pointed to already in the introductory part of this study, is entitled *Against the Dualism of Body and Soul, Flesh and Spirit* (cf. [8, tom I, pp. 211-238; 12, Vol. 10]), and, as we remember, it is precisely this treatise, which Luria is praising in his 1925 article about psychoanalysis as a system of monistic psychology,

and which Vygotsky is referring to and taking quotations from in his famous essay on the historical significance of the crisis in psychology and in his (closely to this essay related) article “Mind [Psyche], Consciousness, [and] the Unconscious.” Unfortunately, as mentioned before, till now there is no English translation of this in many respects very important writing of Feuerbach. The other treatise is entitled *About Spiritualism and Materialism, Especially with Regard to the Freedom of the Will* (cf. [8, tom I, pp. 442-577; 12, Vol. 11]; likewise no English translation available). Its original German copy had been published in 1866 and was repeatedly quoted by Plekhanov at different occasions, its Russian translation then being published for the first time also in 1923 within the first volume of the Russian Feuerbach-edition. That Vygotsky was familiar with it, can be inferred from some of his arguments in his 1924 pilot-article on the psychology and pedagogy of handicapped children, the same being valid for “Mind [Psyche], Consciousness, [and] the Unconscious.”

Apart from these two doubtless psychological writings there are many passages in Feuerbach’s work where he declares himself *expressis verbis* for psychology. In addition to this, various of his writings reflect essential psychological insights in such an impressive way that we can say without exaggeration that the complete works of Feuerbach contain a system of guidelines and statements of immediate relevance for the design and the realization of a materialistic, cultural-historically oriented psychology. In that, his general characterization of the “so-called powers of the soul” as “products of culture, products of human society” (cf. [14, pp. 83 f.]) as well as his special reflections on the basis and genesis of the human conscience (cf. [8, tom I, pp. 627-633; 12, Vol. 7, pp. 137, 139, 141; 16, pp. 419-425]) could serve as first order testimonials — not to forget his striking aphorism: “... man, who directly arose from nature, was still only a pure natural, not human being. Man [as human] is a product of man, of culture, of history” (quoted after [12, Vol. 10, p.178]; transl. and insertion in brackets P. K.)²⁴.

The “Feuerbach Principle” in Vygotsky’s Later Work

Having all this in mind, what then is meant by the “Feuerbach principle” in Vygotsky’s later work?

²⁴ As already noted elsewhere (cf. [22, p. 10, fn. 30]), Vygotsky’s nearness to Feuerbach in this point (though Feuerbach is not explicitly mentioned) is demonstrated very nicely in M. G. Iaroshevskii’s epilogue to the sixth volume of the *Collected Works*, where he, in regard to the Russian version of “Tool and Symbol” („Orudie i znak v razvitii rebenka“), is talking about Vygotsky’s conception of the “initial integration of the child into the microsocal community [mikrosotsial’nuuu obshchnost’] in the midst of which occurs the miracle [chudo] of converting his natural, very simple functions into higher, cultural-historical functions” (quoted after Coll. Works, Vol. 6, p. 247; for the Russian version cf. *Sobr. soch.*, tom 6, p. 331).

Whereas for Vygotsky as the author of *The Crisis in Psychology* and “Mind [Psyche], Consciousness, [and] the Unconscious” Feuerbach is an undisputable authority in regard to basic (mainly methodologically oriented) questions of a materialistic-monistic psychology in general,²⁵ for the “later” Vygotsky Feuerbach’s ideas serve as a *guideline* for his own, now more specialized theoretical and practical work and as a *medium* in the analysis and evaluation of the relevant literature. That is, the “later” Vygotsky, not just when reading the contemporary psychological literature but also when re-evaluating earlier authors, is looking “through Feuerbach’s spectacles” or, if one prefers the prism-metaphor, as it was sometimes used by Vygotsky: His reception of contemporary authors and the re-evaluation of earlier authors is “refracted” by the “prism” of Feuerbach’s views.

In regard to the contemporary literature, this becomes very clear not just in his references to the findings of V. S. Krasusskii (cf. [61, pp. 200 f./217]) and the findings of D. McCarthy (cf. [64, p. 87]) but is even more striking in the case of his references to the findings of S. Fajans (cf. [63, pp. 233 ff.]²⁶ and the findings of W. Peters (cf. [63, p. 236])²⁷. And in regard to earlier authors, this Feuerbach-determined attitude shows, as we have already seen, quite clearly in Vygotsky’s reference to the work of E. Séguin. But his well-known references to Tolstoy’s and Dostoyevsky’s writings in the last chapter of *Thinking and Speech* (cf. [60, pp. 268 f./271 f.]) could likewise be used as examples.

In sum: The “later” Vygotsky’s relations to Feuerbach could be characterized most strikingly by means of that Vygotskian “keyword” according to which “there is always a background thought, a hidden subtext in our speech” ([60, p. 281]). In this sense, Feuerbach’s reflections (especially his reflections on the fundamental significance of the “Thou” for the “I” and the synergetic effects of the community of man with man)²⁸ have to be qualified as a “hidden subtext” to Vygotsky’s explicitly unfolded conceptions. That is not to say that Vygotsky’s conceptions could be simply reduced to the psychological ideas of Feuerbach or could be directly derived from them. But the turn to Feuerbach’s psychological approach leads, as I have tried to

²⁵ See for that also in the appendix to this study the extract from the preparatory work for Vygotsky’s paper on psychological systems, delivered in October 1930.

²⁶ For a better understanding the reader should use either the Russian source (i.e., [57, pp. 305-308]) or the official German translation (cf. [68, pp. 142-148]), because in the English translation Vygotsky’s “Feuerbachianism” is veiled by an inappropriate terminology (the author of the translation apparently did not grasp the meaning of the Russian term “obshchnost” which is equivalent to the German word “Gemeinschaft” and should be translated as “community” and not as “communication”).

²⁷ Here again, for a better understanding the reader should use either the Russian source ([loc. cit., pp. 309 f.]) or the official German translation ([loc. cit., pp. 149 f.]), because the English version is once more inappropriate (this time, in addition to the constant incorrect translation as “communication”, “obshchnost” is translated twice as “intercourse”).

²⁸ For an adequate understanding of Vygotsky’s conception of the “zone of proximal development” it has to be noticed, that Feuerbach stresses the importance of the “*sensory given Thou*” (“das sinnlich gegebene Du”/ “chuvstvenno dannogo Ty” — cf. [8, tom 1, p. 190; 12, Vol. 9, p. 324]).

show, to a more profound understanding of the later work of Vygotsky. This statement holds especially true as well for *his* conception of “interiorization”²⁹ as for his theory about the “interaction of ideal and rudimentary forms” in the development of higher, specifically human characteristics and forms of the child’s activity (cf. [65]) — a theory which so easily can be identified as a developmental-psychological specification of Feuerbach’s central idea of “man being the God of man,” and which notwithstanding has been so terribly misinterpreted by A. N. Leontiev (cf. [34])³⁰. Consequently, the project of a systematic disclosure and analysis of Vygotsky’s later work implies inevitably the disclosure of the system of the psychological ideas of Feuerbach.

Final Remarks

At first glance, the perspective opened up by the present author seems to have only a slim chance to be realized by scholars from Anglophone countries, as there is only a lamentably small part of Feuerbach’s œuvre available in English translation, whereat in addition these translations have to be scrutinized in any special case in respect to their reliability³¹. But having a closer look at the advances of Vygotskian studies since the 1978 publication of *Mind in Society* until the present, it can be stated that there is no need to maintain such a pessimistic view. In fact, in the meantime it has become a commonly accepted belief, that for a serious involvement in Vygotskian studies there is required at least a certain degree of bilingualism, to enable the respective researcher to make use of the Russian sources (this maxim, of course, does not apply only to native English-speakers). Thus, nowadays there should be already a good quantity of scholars, who are able to utilize the official Russian translation of the pertinent writings of Feuerbach, in that being in exact the same position as the very Vygotsky had been, who might have read the writings of Feuerbach also in their original language (as f. i. Chelpanov, Shpet, Deborin, and Kornilov did), but, as it seems, chiefly made use of their Russian translation (this preference generating the problem, that sometimes there may be not found a perfect

²⁹ Compare the relevant passages in the fifth chapter of the *History of the Development of Higher Mental Functions* ([56, pp. 144 ff.], respectively Coll. Works, Vol. 4, pp. 105 f.) with Feuerbach’s reflections on the genesis of the human conscience ([8, tom 1, pp. 627-631; 12, Vol. 7, p. 137; 16, pp. 419-423]).

³⁰ In the a decade ago published English version of the respective (written in 1936) article (cf. Leontiev, 2005), the unsuitability of Leontiev’s critique of Vygotsky’s conceptions (denouncing them as borrowed from E. Durkheim’s idealistic sociology) is partially masked by a (once again) inappropriate terminology (for instance, the difference between “socialny” [= social] and “obshchestvenny” [= societal] is not taken into account). — For a detailed assessment of Leontiev’s article cf. [20].

³¹ Comparing the three English translations referred to in the present study, I am taking the view that the translation of *The Essence of Christianity* is the most authentic of them. It was made by Marian Evans, who for the publication in 1854 had to use the male pseudonym “George Eliot.” In this context it must not be withheld that already in the early 1840s the *Essence of Christianity* had found a remarkable resonance especially in the female reading public; Jenny von Westphalen, the wife of Karl Marx, being one of the prominent witnesses for that (cf. Marx’ letter to Feuerbach, dated the third of October 1843; [40, Vol. 27, p. 421]).

match between Vygotsky's quasi-quotations and the original German source and/or its English translation)³². Of course, being trilingual would be even more favorable, and this not just for achieving a closer familiarity with the psychological dimension in the work of Feuerbach but also in order to get, by reading the original literature, a more authentic understanding of all the other representatives of German philosophy, psychology, and pedagogy, to whom Vygotsky is referring more or less frequently, and whose ideas (not always being correctly interpreted by himself or his critics) became essential for the development of his own scientific work.

Acknowledgments

Thanks to Robert J. Smith and René van der Veer for critical reading of the manuscript in the version of 2003/04, to Ekaterina Iu. Zavershneva for supplying me with additional, hitherto not published material from the Vygotsky family archive³³, to Anton Yasnitsky for being a generous and almost inexhaustible source of copies of original text material, though published not easy to come by, and, last not least, to Michael Cole for his involvement in making the actual (extended) version of the study's introductory part better readable for a native Anglophone audience.

³² Cf. f. i. in the appendix to the present study the textual comparison No. 4.

³³ The respective material will be included in a special volume with the title "Vygotsky's notebooks. A selection," prepared for publication by Zavershneva and van der Veer.

Appendix

A: Explicit references to L. Feuerbach and Feuerbachian keywords in the work of L.S. Vygotsky

Locus of Reference:

“Crisis in Psychology” [62, pp. 322, 324, 327]

“Mind, Consciousness, the Unconscious” [62, p. 116]

Locus of Reference:

“Concrete Human Psychology” [58, pp. 65 f.]

“Pedology of the Adolescent”, Part 3 [63, p. 172]

“Introduction to E.K. Gracheva’s Book” [61, pp. 218 f.]

Last Chapter of *Thinking and Speech* [60, p. 285]

Document “About systems” (1930)*

Notepad “The anomalous development of the child” (end of 1930, beginning of 1931)*

Document “Consciousness without words” (circa 1932)*

“The mind-body problem” (October 1932) in *Soviet Psychology*, 1983, Vol. 21, No. 3, p. 15

Document “NB! In aphasia, schizophrenia, and other pathological alterations” (circa 1932–1933)*

Document “My remarks” (circa 1933)*

Unmistakably identifiable Sources:

“Against the Dualism of Body and Soul” [8, tom I, pp. 216, 214, 214 fn.; 12, Bd. 10, pp. 127, 125, 125 fn.]

“Against the Dualism of Body and Soul” [8, tom I, p. 216; 10, Bd. 10, p. 127]

Likely Sources:

“Principles of the Philosophy of the Future” [13, § 50]

“Principles of the Philosophy of the Future” [13, § 50] – “Against the Dualism of Body and Soul” [8, tom I, p. 216; 10, Bd. 10, p. 127]

“Principles of the Philosophy of the Future” [13, § 12, p. 17; §§ 59, 60] – *The Essence of Christianity* [14, pp. 83, 124 fn.]

“Principles of the Philosophy of the Future” [13, § 12, p. 17, § 41, pp. 58 f.] – „Towards a Critique of Hegel’s Philosophy“ [15, pp. 63, 64, 66]

“Against the Dualism of Body and Soul” [8, tom I, pp. 213 f.; 10, Bd. 10, pp. 124 f.]

“Principles of the Philosophy of the Future” [13, § 12, p. 17; §§ 59, 60] *The Essence of Christianity* [14, pp. 83, 124 fn.]

The Essence of Christianity [14, pp. 2, 83 f.]

“Principles of the Philosophy of the Future” [13, § 12, p. 17]

“Principles of the Philosophy of the Future” [13, § 12, p. 17; §§ 59, 60] *The Essence of Christianity* [14, pp. 83, 124 fn.]

The Essence of Christianity [14, p. 2]

* Archival material (communicated to the present author by E. Iu. Zavershneva)

B: Decoding references to Feuerbach and to Feuerbachian keywords in notebooks and draft papers of Vygotsky (1930-1933)*

1.) Document “About systems” (1930)

“The crux of the matter is that logical analysis – the endpoint of every phenomenological introspective analysis that conceives the relationship between the phenomena of consciousness beyond the relationship to their causal-dynamic bases (this is why it is so difficult to separate logic from psychology in phenomenology) – does not establish the progress, the course, but the result of the process. In psychology the pigeons come already roasted to our mouth (Feuerbach). *This is the whole point.*” – This seems to be a reference to “Against the Dualism of Body and Soul, Flesh and Spirit”:

“From the psychological point of view, i. e., for me as the subject of imagination and thinking, imagination and thinking in itself [an sich] are no brain acts; for I can think without knowing that I have a brain; in psychology the pigeons fly roasted into our mouth; only the conclusions enter in our consciousness and feeling, but not the premises, only the results, but not the processes of the organism; therefore it is quite natural, that I tell apart thinking from the brain act and conceive it as something in itself. But from the fact, that for me thinking is no brain act but an act told apart and independent from the brain, does not follow that also *for itself* it is no brain act. No, on the contrary: What *for me* or *subjectively* is a purely mental [geistiger], immaterial, non-sensory act, is *in itself* or *objectively* a material, sensory [act]. The identity of subject and object, that we previously have described as the essence of psychology, especially applies to the brain and thinking act [Hirn- und Denkart]. The brain act is the highest act, laying the foundations or conditions for our self – an act, which therefore ultimately cannot be perceived as distinguished from ourselves” (quoted after [12, Vol. 10, pp. 124 f.]; transl. and insertions in brackets by P. K. – for the Russian version see [8, tom I, pp. 213 f.]).

2.) Indication to Feuerbach in the fragment “Concrete Human Psychology” (probably 1930): „*It is not thought that thinks: a person thinks.* This is the starting point [In margin] Feuerbach: Deborin – Hegel, XXVI” [59, pp. 65 f.]. = the same as in *Pedology of the Adolescent*, chapter 16 (which is a parallel-text to “Concrete Human Psychology”) [63, p. 172]. – See Textual comparison No. 4.

3.) Notepad “The anomalous development of the Child”

The notepad presumably dates from end 1930 – early 1931. It contains the plan for a talk that formed the basis of the article “The collective as a factor in the development of the anomalous (anomal’nogo) child.” The plan differs in several respect from the printed article, for example, in the article Vygotsky did not use the quote from Feuerbach as an epigraph:

“*The collective as a factor of development of the abnormal (nenormal’nogo) child.*”

Epigraph. What is absolutely impossible for one man alone, is possible for two.” – See for that the methodological-empirical part of the present study.

4.) Document “Consciousness without words” (1932).

“Outside consciousness a *change of systemic relationships* is unthinkable. We can find no analogue whatsoever of this phenomenon in organic life: because the mental organism itself changes (Stumpf). Further: there is *nothing similar*, no analogue whatever for this movement in consciousness without *meanings*, without senses, without Feuerbach’s second person (the word does this, it duplicates consciousness), i.e., the animal does not have it, it exists only in historical development.” – This seems to be a reference to two passages in the *Essence of Christianity*:

1. “Hence the brute has only a simple, man a twofold life: in the brute, the inner life is one with the outer; man has both an inner and an outer life. The inner life of man is the life which has relation to his species, to his general, as distinguished from his individual, nature. Man thinks – that is, he converses

* Pertinent passages from the notebooks and draft papers of Vygotsky provided by Ekaterina Iu. Zavershneva (nos. 1., 3., 4., 6., 7. – transl. by René van der Veer), additional passages (nos. 2. and 5.) and references to the Feuerbach-sources by P. K.

with himself. The brute can exercise no function which has relation to its species without another individual external to itself; but man can perform the functions of thought and speech, which strictly imply such a relation, apart from another individual. Man is himself at once I and thou; he can put himself in the place of another, for this reason, that to him his species, his essential nature, and not merely his individuality, is an object of thought” (quoted after [14, p. 2] – for the original German version see [12, Vol. 5, p. 29]).

2. “Wit, acumen, imagination, feeling as distinguished from sensation, reason as a subjective faculty, — all these so-called powers of the soul are powers of humanity, not of man as an individual; they are products of culture, products of human society. Only where man has contact and friction with his fellow-man are wit and sagacity kindled; hence there is more wit in the town than in the country, more in great towns than in small ones. Only where man suns and warms himself in the proximity of man arise feeling and imagination. Love, which requires mutuality, is the spring of poetry; and only where man communicates with man, only in speech, a social act, awakes reason. To ask a question and to answer are the first acts of thought. Thought originally demands two. It is not until man has reached an advanced stage of culture that he can double himself, so as to play the part of another within himself. To think and to speak are therefore, with all ancient and sensuous nations, identical; they think only in speaking; their thought is only conversation” (quoted after [14, p. 83] – for the original German version see [12, Vol. 5, pp. 166 f.]).

5.) “*The mind-body problem*” (October 1932), *Soviet Psychology*, Vol. 21 (1983), No. 3, p. 15. Here, Feuerbach is not mentioned personally, but the keyword “impossible for one, but possible for two” is used.

6.) Document “*NB! In aphasia, schizophrenia, and other pathological alterations*” (circa 1932–1933) “Our differences of opinion about the question of localization: for us central in localization are the extracerebral connections – cf. Jackson: in understanding, another person stimulates the connections in my brain – I am his victim; in understanding oneself, one part of the brain communicates with another part via the periphery. Mediation creates fundamentally new types of connections in the nervous system. What is impossible for one person, is possible for two.” – See for that the methodological-empirical part of the present study.

7.) Document “*My remarks*” (circa 1933):

“The concept – inner speech.” Added with pencil: “The action of mind according to Spinoza, and not the *passiones*. Activity inside oneself, the animal is active in the open. And activity of a *new type*. Its source are 2 persons – Feuerbach. *New brain structures*.” – This seems to be once more an allusion to the above quoted passages from the *Essence of Christianity* [14, pp. 2, 83].

C: Textual Comparison No. 1

Vygotsky: Introduction to E.K. Gracheva's book

“Only social education can lead severely retarded children through the process of becoming human by eliminating the solitude of idiocy and severe retardation. L. Feuerbach's wonderful phrase, might be taken as the motto to the study of development in abnormal children: ‘That which is impossible for one, is possible for two.’ Let us add: That which is impossible on the level of individual development becomes possible on the level of social development” [61, pp. 218 f.].

Vygotsky: Last chapter of *Thinking and Speech*

“In consciousness, the word is what – in Feuerbach's words – is absolutely impossible for one person but possible for two. The word is the most direct manifestation of the historical nature of human consciousness” [60, p. 285].

Feuerbach: “Principles of the Philosophy of the Future”, § 12

“What is absolutely impossible for one person alone is possible for two” (cf. [13, p. 17]).

D: Textual Comparison No. 2

Vygotsky:

“The developmental path for a severely retarded child lies through collaborative activity, the social help of another human being, who from the first is his mind, his will, his activities. This proposition also corresponds entirely with the normal path of development for a child. *The developmental path for a severely retarded child lies through relationships and collaborative activity, with other humans.* For precisely this reason, the social education of severely retarded children reveals to us possibilities which might seem outright Utopian from the viewpoint of purely biologically based physiological education ...” [61, p. 218].

“The term *idiot* ... literally means *solitarius*, a lone man: He is really alone with his sensations, without any intellectual or moral will. (...) Contemporary scientific research is wholeheartedly proving ... that the source of idiocy is solitude. (...) In this respect, as we have already said, it is the social education of severely retarded children which becomes the sole sustainable and scientific path toward their education. In addition, it alone is capable of recreating the absent functions where they are not, because of a biological sense of inadequacy in the child. Only social education can lead severely retarded children through the process of becoming human by eliminating the solitude of idiocy and severe retardation” [61, p. 218].

Feuerbach:

“Thus man is the God of man. That he is, he has to thank Nature; that he is man, he has to thank man; spiritually as well as physically he can achieve nothing without his fellow-man. Four hands can do more than two, but also four eyes can see more than two. And this combined power is distinguished not only in quantity but also in quality from that which is solitary. In isolation human power is limited, in combination it is infinite” [14, p. 83]

“The single man for himself does not possess the essence of man, neither in himself as a moral being nor in himself as a thinking being. The essence of man is contained only in the community, in the unity of man with man ...(...) Solitude is finiteness and limitation; community is freedom and infinity” (cf. [13, p. 71]. “Community enhances the force of emotion, heightens confidence. What we are unable to do alone we are able to do with others. The sense of solitude is the sense of limitation, the sense of community is the sense of freedom” [14, p. 124, fn.*].

E: Textual Comparison No. 3

Vygotsky:

“In consciousness, the word is what – in Feuerbach’s words – is absolutely impossible for one person but possible for two” [60, p. 285].

Feuerbach:

“Not alone, but only with others, does one reach notions and reason in general. Two human beings are needed for the generation of man – of the spiritual as well as of the physical man; the community of man with man is the first principle and criterion of truth and generality” [13, pp. 58 f.].

“Language is nothing else than the *realization of the species*, the mediation of the ‘I’ with the ‘Thou’ in order to manifest, by eliminating their individual separateness, the unity of the species” ([15, p. 63] – rectified after the original (German) version by P. K.).

Verbal representation of a thought is therefore “not a mediation of the thought within the thought and for the thought itself, but a mediation through language between thinking, *in so far as it is mine*, and the thinking of another *person, in so far as it is his*, ... a mediation through which I prove that *my* thought is not mine but thought *in and for itself* so that it can just as well be that of the other person as it can be mine” (cf. [15, p. 64] – rectified after the original (German) version by P.K.).

F: Textual Comparison No. 4

Vygotsky:

“*It is not thought that thinks: a person thinks.* This is the starting point [In margin] Feuerbach: Deborin – Hegel, XXVI. What is man? For Hegel, he is a logical subject. For Pavlov, it is a soma, an organism. For us, man is a social person = *an aggregate of social relations, embodied in an individual* (psychological functions built according to social structure). [In margin] Man is always consciousness or self-consciousness for Hegel XXXVII” [59, pp. 65 f.].

“But, in the well-known expression of L. Feuerbach, it is not thinking that thinks – man thinks” [63, p. 172].

Feuerbach:

“The new philosophy has, therefore, as its principle of cognition and as its subject, not the ego, the absolute, abstract mind, in short, not reason for itself alone, but the real and whole being of man. Reality, the subject of reason, is only man. *Man thinks, not the ego, not reason.* (...) Only a real being recognizes real objects; only where thought is not the subject of itself but a predicate of a real being is the idea not separated from being. (...) Only when thought is separated from man and is determined for itself alone do awkward, fruitless, and, from this viewpoint, insoluble questions arise. How does thought arrive at being, that is, the object? For thought determined for itself alone, that is, posited apart from man, is apart from all ties and connections to the world” [13, pp. 66, 67, 67 f.]; italics by P. K.

G: Textual Comparison No. 5

Vygotsky: “Infancy”

“Because of all this, there is such a singular, unique dependence of the child on the adults that it sustains and permeates ... what would seem to be the most individual biological needs and wants of the infant. The dependence of the infant on adults creates a completely unique character of the child’s relations to reality (and to himself): these relations are always mediated by others, and are always refracted through a prism of relations with another person. (...) Every relation of the child to the outside world, even the simplest, is always a relation refracted through the relation to another person. The whole life of the infant is organized in such a way that in every situation, visibly or not, there is another person. This can be expressed in another way by saying that every relation of the child to things is a relation accomplished with the help of or through another person” [63, p. 216].

“The adult is the center of every situation during infancy. It is natural for this reason that the simple closeness or distancing of a person signifies for the child a sharp and radical change in the situation in which he finds himself. [figuratively speaking] we might say that a simple approach and distancing of an adult arms and disarms the activity of the child. In the absence of the adult, the infant falls into a situation of helplessness. His activity with respect to the external world is seemingly paralyzed or at least limited and narrowed to a high degree. (...) This is why another person is always the psychological center of every situation for the infant. This is why, for the infant, the sense of every situation is determined in the first place by this center, that is, its social content, or, to put it more broadly, the relation of the child to the world depends on and is largely derived from his most direct and concrete relations with an adult” (loc. cit., p. 231; textual change in the brackets by P. K.).

Feuerbach: *The Essence of Christianity*

“My fellow-man is the bond between me and the world. I am, and I feel myself, dependent on the world, because I first feel myself dependent on other men. If I did not need man, I should not need the world. (...) Without other men, the world would be for me not only dead and empty, but meaningless. Only through his fellow does man become clear to himself and self-conscious ... A man existing absolutely alone would lose himself without any sense of his individuality in the ocean of Nature; he would neither comprehend himself as man nor Nature as Nature. The first object of man is man. The sense of Nature, which opens to us the consciousness of the world as a world, is a later product; for it first arises through the distinction of man from himself. (...) The *ego*, then, attains to consciousness of the world through consciousness of the *thou*. Thus man is the God of man” [14, pp. 82 f.].

References:

1. Biblioteka istorii russkoi filosofii i kul'tury “Dom A.F. Loseva” [Library of the history of Russian philosophy and culture “House of A.F. Losev”] (electronic resource).

2. Biuro iacheiki IKP F. i E. [Bureau of the party cell of the Inst. of the Red Chair for Philos. and Nat. Sc.]. Resolutsiia ot 29 dekabria 1930 g.: Itogi filosofskoi diskussii [Resolution from the 29th of December, 1930: Results of the philosophical discussion] // Pod Znamenem Marksizma [Under the Banner of Marxism]. 1930. № 10—12. P. 15-24.
3. Biuro iacheiki VKP(b) Instituta Krasnoi Professury Filosofii i Estestvoznaniia [Bureau of the party cell of the All-Union's Communist Party (Bolsheviks) of the Institute of the Red Chair for Philosophy and Natural Sciences]. Resoliutsiia, priniataia 14 oktiabria 1930 g.: K voprosu o položenii na filosofskom fronte [Resolution, accepted the 14th of October, 1930: About the problem concerning the situation at the philosophical front] // Bol'shevik [Bolshevik]. 1930. № 19—20, 31 oktiabra [31st of October]. P. 100-110.
4. Chelpanov G.I. Psikhologiiia ili refleksologiiia [Psychology or reflexology]? Moskva: Izdatel'stvo "Russkii kniznik", 1926.
5. Deborin A. Liudvig Feierbakh [Ludwig Feuerbach] // Pod Znamenem Marksizma [Under the Banner of Marxism]. 1923. № 1. P. 5-41.
6. Deborin A.M. Liudvig Feierbakh. Lichnost' i Mirovozzrenie [Ludwig Feuerbach. (his) Personality and Ideology (Weltanschauung)]. Moskva: Knigoizdatel'stvo "Materialist", 1923.
7. Deborin A., Luppol Ia., Sten I., Karev N., Podvolotskii I., Gessen, B., Levin M., Agol I., Levit S. & Telejnikov F. (1930). O bor'be na dva fronta v filosofii [About the struggle at two fronts in philosophy] // Pod Znamenem Marksizma [Under the Banner of Marxism]. 1930. № 5. P. 139-149.
8. Feierbakh L. Izbrannye filosofskie proizvedeniia v dvukh tomakh [Selected philosophical works in two volumes]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955.
9. Feierbakh L. O dualizme i bezmertii [On dualism and immortality] / Per. s nem. N. A. Alekseeva [Transl. from Germ. by N. A. Alekseev]. S.-Peterburg: Izdanie S.-Peterburgskoi kniznoi ekspeditsii, 1908.
10. Feierbakh L. Sochineniia, tom 1-3 [Works, volumes 1-3] / Pod obsh. red. L. Akselrod-Ortodoks, A. Deborina, D. Riazanova [under the general editorship of L. Akselrod-Ortodoks, A. Deborin, D. Riazanov]. Moskva/Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923-1926.
11. Feierbakh L. Sushchnost' khristianstva [The essence of Christianity] / Polnyi per. s nem. pod red. Iu. M. Antonosvkogo [Completed transl. from Germ. under the editorship of Iu. M. Antonovskii]. S.-Peterburg: Prometei (Tipografia "Gramotnost"), 1908.
12. Feuerbach L. Gesammelte Werke [Collected Works] / Edited by W. Schuffenhauer. Berlin, Germany: Akademie Verlag, 1967 ff.

13. Feuerbach L. Principles of the philosophy of the future / Translated, with an introduction, by Manfred H. Vogel. Indianapolis/New York: The Bobbs-Merrill Company, 1966.
14. Feuerbach L. The essence of Christianity / Translated from the German by George Eliot (Marian Evans). New York/Evanston/London: Harper & Row, 1854/1957.
15. Feuerbach L. Towards a critique of Hegel's philosophy // The fiery brook: Selected writings of Ludwig Feuerbach / Translated with an introduction by Zawar Hanfi. Garden City, NY: Doubleday & Company, 1972. P. 53-96.
16. Feuerbach L. Zur Moralphilosophie (1868) [On moral philosophy (1868)]. Critically revised by W. Schuffenhauer // Solidarität oder Egoismus: Studien zu einer Ethik bei und nach Ludwig Feuerbach [Solidarity or egoism: Studies in the ethics by and after Ludwig Feuerbach] / H.-J. Braun (Ed.). Berlin, Germany: Akademie Verlag, 1994. P. 353-430.
17. Frankfurt Iu.V. G.V. Plekhanov o psikhofisiocheskoi probleme [G.V. Plekhanov about the psychophysical problem] // Pod Znamenem Marksizma [Under the Banner of Marxism]. 1926. № 6. P. 37-60.
18. Hecker R. Vorbemerkung zum Referat Rjzanovs über die Aufgaben des Marx-Engels-Instituts 1930/31 [Preliminary remark to Riazanov's lecture on the aims of the Marx-Engels Institute 1930-31] // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung, Neue Folge, Sonderband 1: David Borisovič Rjzanov und die erste MEGA [Contributions to Marx-Engels-studies, New series, Special issue 1: David Borisovich Riazanov and the first MEGA]. Hamburg/Berlin, Germany: Argument Verlag, 1997. P. 108-109.
19. Kant I. Critique of pure reason / English translation, introduction, and glossary by Wolfgang Schwarz. Aalen, Germany: Scientia Verlag, 1982.
20. Keiler P. „Beinahe eine Apologie“? – Anmerkungen zur Vygotskij-Kritik A.N. Leont'evs [“Almost an apology”? – commentary on A.N. Leontiev's critique of Vygotsky] // Tätigkeitstheorie – Journal für tätigkeitstheoretische Forschung in Deutschland [Activity Theory – Journal of activity-theoretical research in Germany]. 2010. № 2. P. 7-41.
21. Keiler P. “Behinderung” als pädagogisch-psychologisches Problem und als sozial-ethische Herausforderung: Feuerbachische Elemente in L. S. Wygotskis Konzeption der kindlichen Defektivität [“Handicap” as a pedagogical-psychological problem and as social-ethical challenge: Feuerbachian elements in L. S. Vygotsky's conception of defectivity in children] // Solidarität oder Egoismus: Studien zu einer Ethik bei und nach Ludwig Feuerbach [Solidarity or egoism: Studies in the ethics by and after Ludwig Feuerbach] / H.-J. Braun (Ed.). Berlin, Germany: Akademie Verlag, 1994. P. 264-351.

22. Keiler P. “Cultural-historical theory” and “cultural-historical school”: From myth (back) to reality // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2012. № 5 (1). P. 1-33.
23. Keiler P. Die Bedeutung der Auffassungen Ludwig Feuerbachs für die Begründung einer materialistischen Psychologie [The significance of Ludwig Feuerbach’s views for the foundation of a materialistic psychology]. // *Ludwig Feuerbach und die Philosophie der Zukunft [Ludwig Feuerbach and the philosophy of the future]* / H.-J. Braun, H.-M. Sass, W. Schuffenhauer & F. Tomasoni (Eds.). Berlin, Germany: Akademie Verlag, 1990. P. 477-500.
24. Keiler P. Feuerbach, Wygotski & Co.: Studien zur Grundlegung einer Psychologie des gesellschaftlichen Menschen [Feuerbach, Vygotsky & Co.: Studies toward the foundation of a psychology of societal man]. Hamburg/Berlin, Germany: Argument Verlag, 1997/ 1999.
25. Keiler P. Gegenständlichkeit, Sozialität, Historizität: Versuch einer Rekonstruktion der Feuerbach-Wygotski-Linie in der Psychologie [Objectness, sociality, historicity: Attempt at a reconstruction of the Feuerbach-Vygotsky-line in psychology] // *Forum Kritische Psychologie [Forum Critical Psychology]*. 1991. № 27. P. 89-168.
26. Keiler P. Lev Vygotsky — ein Leben für die Psychologie [Lev Vygotsky — a life for psychology]. Weinheim, Germany/Basel, Switzerland: Beltz Taschenbuchverlag, 2002.
27. Keiler P. Lev Vygotsky — ein Leben für die Psychologie / Überarbeitete, aktualisierte, neu formatierte und mit einem Vorwort versehene Version der Originalausgabe von 2002 [Lev Vygotsky — a life for psychology. Revised, actualized, and reformatted version of the original edition from 2002, complemented by a foreword]. Weinheim, Germany/Basel, Switzerland: Beltz E-Book, 2015.
28. Keiler P. Lew Wygotski und der Kampf um die marxistische Psychologie in der Sowjetunion [Lev Vygotsky and the struggle for Marxist psychology in the Soviet Union]. Berlin: „Helle Panke“ e.V, 2003.
29. Kornilov K.N. Naivnyi i dialekticheskii materializm v ikh otnoshenii k nauke o povedenii cheloveka [Naive and dialectical materialism in their relationship to the science about the behavior of man] // *Problemy sovremennoi psikhologii [Problems of contemporary psychology]* / K. N. Kornilov (red. [ed.]), 1926. P. 7-19.
30. Kornilov K.N. Psikhologiiia i marksizm [Psychology and Marxism] // *Psikhologiiia i marksizm [Psychology and Marxism]* / K.N. Kornilov (red. [ed.]), 1925. P. 9-24.
31. Kornilov K. Sovremennoe sostoianie psikhologii v SSSR [The present situation of the psychology in the USSR] // *Pod Znamenem Marksizma [Under the Banner of Marxism]*. 1927. № 10-11. P. 195-217.

32. Lenin V.I. Polnoe Sobranie Sochinenii, tom 18 (Materializm i Ėmpiriokrititsizm) [Complete Collected Works, volume 18 (Materialism and Empiriociticism)]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961.
33. Lenin V.I. Polnoe Sobranie Sochinenii, tom 29 (Filosofskie tetradi) [Complete Collected Works, volume 29 (Philosophical notebooks)]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1963.
34. Leont'ev A.N. Uchenie o srede v pedologicheskikh rabotakh L. S. Vygotskogo (Kriticheskoe issledovanie) [The doctrine about the environment in the pedological works of L. S. Vygotsky (A critical treatise)] // Voprosy psikhologii [Problems of psychology]. 1998. Vol. 44, № 1. P. 108-124.
35. Leontiev A.N. Study of the environment in the pedological works of L.S. Vygotsky. A critical study // Journal of Russian and East European Psychology. 2005. Vol. 43, № 4. P. 8-28.
36. Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass [Ludwig Feuerbach in his correspondence and literary bequest] (2 volumes) / Grün K. (Ed.). Leipzig/Heidelberg, Germany: Winter, 1874.
37. Lunacharskii A.V. Ot Spinozy do Marksa. Ocherk po istorii filosofii kak mirosozertsaniia [From Spinoza to Marx. Essay on the history of philosophy as Weltanschauung]. Moskva: "Novaia Moskva", 1925.
38. Luria A.R. Psychoanalysis as a system of monistic psychology // Journal of Russian and East European Psychology. 2002. № 1. P. 26-53.
39. Luriiia A.R. Psikhoanaliz kak sistema monisticheskoi psikhologiiia [Psychoanalysis as a system of monistic psychology]. // Psikhologiiia i marksizm [Psychology and Marxism] / K. N. Kornilov (red. [ed.]), 1925. P. 47-80.
40. Marx K., Engels Fr. Werke [Works]. Berlin (GDR): Dietz Verlag, 1956 ff.
41. Mitin M. K itogam filosofskoi diskussii. (Obratbotannaia stenogramma doklada, pročitannogo na zasedanii fraktsii OVMD v Komakademii 1 ianvaria 1931 goda) [About the results of the philosophical discussion. (Revised stenograph of a talk, given to the assembly of the fraction of the Society of Militant Dialectical Materialists at the Communist Academy, the 1st of January 1931)] // Pod Znamenem Marksizma [Under the Banner of Marxism]. 1930. № 10—12. P. 25-59.
42. Mitin M., Ral'tsevich V., Iudin P. O novykh zadachakh marksistsko-leninskoi filosofii [About the new tasks of Marxist-Leninist philosophy] // Pravda. 1930. 7 iunia [The Truth, 7th of June]. P. 5-6.
43. Plekhanov G.V. Osnovnye voprosy marksizma [Basic problems of Marxism]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1908/1922.
44. Problemy sovremennoi psikhologii. Sbornik statei sotrudnikov moskovskogo gosudarstvennogo instituta eksperimental'noi psikhologii [Problems of contemporary psychology. Compilation of articles by collaborators of the

- Moscow state institute of experimental psychology] / Kornilov K.N. (red. [ed.]). Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926.
45. Psikhologii i marksizm. Sbornik statei sotrudnikov moskovskogo gosudarstvennogo instituta eksperimental'noi psikhologii [Psychology and Marxism. Compilation of articles by collaborators of the Moscow state institute of experimental psychology] / Kornilov K.N. (red. [ed.]). Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925.
 46. Ral'tsevich V. Filosofskii "podarok" XVI s'ezdu partii. (Jurnal "Pod Znamenem Marksizma", No. 5, 1930 g.) [A philosophical "present" to the XVIth party convention, (Journal "Under the Banner of Marxism", No. 5, 1930)] // Bol'shevik [Bolshevik]. 1930. № 14, 31 iulia [31st of July]. P. 83-94.
 47. Rawidowicz S. Ludwig Feuerbachs Philosophie: Ursprung und Schicksal [Ludwig Feuerbach's philosophy: Origin and fate]. Berlin, Germany: Reuther & Reichard (photo-mechanical reprint [1964], Berlin, Germany: de Gruyter), 1931.
 48. Rjazanov D.B. Über die Aufgaben des Marx-Engels-Instituts 1930/31 [Lecture on the aims of the Marx-Engels Institute 1930-31] // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung, Neue Folge, Sonderband 1: David Borosovič Rjazanov und die erste MEGA [Contributions to Marx-Engels-studies, New series, Special issue 1: David Borisovich Riazanov and the first MEGA]. Hamburg/Berlin, Germany: Argument Verlag, 1930/1997. P. 110-124.
 49. Shpet G.G. Antropologizm Lavrova v svete istorii filosofii [The anthropologism of Lavrov in the light of the history of philosophy] // P.L. Lavrov. Stat'i, vospominaniia, materialy [P.L. Lavrov, articles, reminiscences, materials]. Peterburg: "Kolos", 1922. P. 73-138.
 50. Sretenskii N. Liudvig Feierbakh. (1872-1922) [Ludwig Feuerbach (1872-1922)] // Krasnaia Nov' [Red Virgin Soil]. 1922. № 6 (10). P. 211-236.
 51. Stein H. Der Sturz Rjazanovs. Das Schicksal eine russischen Gelehrten [The fall of Riazanov. Fate of a Russian scholar] // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung, Neue Folge, Sonderband 1: David Borosovič Rjazanov und die erste MEGA [Contributions to Marx-Engels-studies, New series, Special issue 1: David Borisovich Riazanov and the first MEGA]. Hamburg/Berlin, Germany: Argument Verlag, 1931/1997. P. 245-247.
 52. TsK VKP(b) [Central Committee of the All-Union's Communist Party (Bolsheviks)]. Postanovlenie ot 25 ianvaria 1931 goda: O jurnale „Pod Znamenem Marksizma“ [Collective decision from the 25th of January, 1931: About the journal "Under the Banner of Marxism"] // Pod Znamenem Marksizma [Under the Banner of Marxism]. 1930. № 10—12. P. 1-2.
 53. Van der Veer R., Valsiner J. Understanding Vygotsky: A Quest for Synthesis. Oxford UK/Cambridge USA: Blackwell, 1991.
 54. Vygotskii L.S. K psikhologii i pedagogike detskoi defektivnosti [About the psychology and pedagogy of children's defectivity] // Voprosy vospitaniia

- slepykh, glukhonemykh i umstvenno ostalykh detei [Problems of the education of blind, deaf-mute, and mentally retarded children]. L.S. Vygotskii (red. [ed.]). Moskva: Izdatel'stvo SPON NKP, 1924. P. 5-30.
55. Vygotskii L.S. Psikhika, soznanie i bessoznatel'noe [Psyche, consciousness, and the unconscious] // Élementy obshchei psikhologii (Osnovy mekhanizmy chelovecheskogo povedeniia) [Elements of general psychology (Basic mechanisms of human behavior)]. Zaochnye bibliotechnye kursy po psikhologo-pedagogicheskim distsiplinam / K.N. Kornilov (red. [ed.]). God 1., Vyp. IV [Correspondence library course for the psychological-pedagogical disciplines. First year, Fascicle IV]. B(iuro) Z(aochnogo) O(bucheniia) Pri pedagogicheskom fakul'tete 2 MGU [B(ureau) of C(orrespondence) I(nstruction) at the pedagogical faculty of the 2nd M(oscow) S(tate) U(niversity)] (pp.). Moskva: Izdanie B(iuro) Z(aochnogo) O(bucheniia) Pri Pedfake 2 MGU, 1930. P. 48-61.
56. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii [Collected works], tom 3 (Problemy razvitiia psikhiki) [volume 3 (Problems of the development of the psyche)]. Moskva: Pedagogika, 1983.
57. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii [Collected works], tom 4 (Detskaia psikhologiya) [volume 4 (Child psychology)]. Moskva: Pedagogika, 1984.
58. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii [Collected works], tom 5 (Osnovy defektologii) [volume 5 (Fundamentals of defectology)]. Moskva: Pedagogika, 1983.
59. Vygotsky L.S. [Concrete human psychology]. An unpublished manuscript by Vygotsky // Soviet Psychology. 1989. Vol. 27 № 2. P. 53-77.
60. Vygotsky L.S. Collected Works, Vol. 1 (Problems of general psychology). Edited by R. W. Rieber & A. S. Carton. New York/London: Plenum Press, 1987.
61. Vygotsky L.S. Collected Works, Vol. 2 (The fundamentals of defectology) / Edited by R. W. Rieber & A. S. Carton. New York/London: Plenum Press, 1993.
62. Vygotsky L.S. Collected Works, Vol. 3 (Problems of the theory and history of psychology) / Edited by R.W. Rieber & J. Wollock. New York/London: Plenum Press, 1997.
63. Vygotsky L.S. Collected Works, Vol. 5 (Child psychology) / Edited by R. W. Rieber. New York/London: Plenum Press, 1998.
64. Vygotsky L.S. Mind in society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978.
65. Vygotsky L.S. The problem of the environment // The Vygotsky reader / R. van der Veer & J. Valsiner (Eds.). Oxford UK/Cambridge USA: Blackwell, 1994. P. 338-354.
66. Vygotsky's notebooks. A selection / Zavershneva E.Iu., van der Veer R. (Eds.). New York: Springer (in print).

67. Wolkogonow D. Stalin. Triumph und Tragödie. Ein politisches Porträt [Stalin. Triumph and tragedy. A political portrayal]. Düsseldorf, Germany: Claassen Verlag, 1989.
68. Wygotski L. Ausgewählte Schriften, Bd. 2 (Arbeiten zur psychischen Entwicklung der Persönlichkeit) / deutscher Sprache herausgegeben von J. Lompscher [Selected Writings, Vol. 2 (Studies in the psychic development of the personality)/ Edited in the German language by J. Lompscher]. Berlin, Germany: Volk und Wissen, 1987.
69. Zavershneva E.Iu. Investigating L.S. Vygotsky's manuscript "The historical meaning of the crisis in psychology" // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. Vol. 50. № 4. P. 42-63.
70. Zavershneva E.Iu. "The key to human psychology". Commentary on L.S. Vygotsky's notebook from the Zakharino hospital (1926) // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. Vol. 50. № 4. P. 16-41.
71. Zavershneva E.Iu, Osipov M.E. Primary changes to the version of "The historical meaning of the crisis in psychology" published in the Collected works of L.S. Vygotsky // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. Vol. 50. № 4. P. 64-84.

Сведения об авторе:

Keiler Peter, Dr. phil. habil., Dipl.-Psych., apl. Professor im Wissenschaftsbereich Psychologie der Freien Universität Berlin (Germany).

«Что совершенно невозможно *одному* человеку в одиночку, то возможно для двух»¹ — историко-методологическое исследование идей Фейербаха в работах позднего периода творчества Л.С. Выготского

Кайлер Петер

Свободный университет Берлина, Берлин, Германия

e-mail: peter.keiler@fu-berlin.de

Аннотация. В эссе рассматривается влияние немецкого философа-материалиста Людвиг Фейербаха (1804-1872) на идеи Л. С. Выготского. Статья начинается с того наблюдения, что, несмотря на свою преемственность, близость Выготского к Фейербаху не всегда проявлялась одинаково в течение его научной карьеры. Основное внимание уделяется позднему периоду творчества Выготского (1931-1934), чья научно-исследовательская работа была осложнена радикальными политико-идеологическими изменениями в Советском Союзе в начале 1930-х гг. Я утверждаю, что из-за требований новой ситуации Выготский должен был принять такую позицию, которую из-за ее парадоксальных черт можно охарактеризовать как «крипто-фейербахианство». Данный аргумент подтверждается более близким рассмотрением двух явных ссылок на Фейербаха в последние годы его научного творчества [2, с. 361; 5, с. 230]. Сначала я анализирую проблемы, с которыми приходится сталкиваться при попытке идентифицировать «подтекст» или скрытый смысл подобных ссылок, а затем показываю, что в «позднем» Выготском гораздо больше «Фейербаха», чем можно предположить при первом взгляде.

Ключевые слова: Выготский, Фейербах, историко-политический контекст творчества Выготского, методологические проблемы выявления скрытых источников, крипто-Фейербахианство в позднем творчестве Выготского, культурно-историческая психология

“What Is Absolutely Impossible for *One* Person, Is Possible for Two” — A Historical-Methodological Study Concerning Feuerbachian Elements in the Later Works of L.S. Vygotsky

¹ Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 149

Keiler Peter

Free University of Berlin, Berlin, Germany

e-mail: peter.keiler@fu-berlin.de

Abstract. This essay examines the influence of the German materialist philosopher Ludwig Feuerbach (1804-1872) on the ideas of L. S. Vygotsky. It starts from the observation that, despite its continuity, Vygotsky's affinity to Feuerbach did not always express itself in the same way in the course of his scientific career. The main emphasis then is laid on Vygotsky's later work (1931-1934), whose elaboration was overshadowed by the radical political-ideological changes in the Soviet Union in the early 1930s. I argue that due to the requirements of the new situation Vygotsky had to adopt an attitude that for its paradoxical features could be characterized as "crypto-Feuerbachianism." The argument then is substantiated by a closer examination of two explicit references to Feuerbach in Vygotsky's later work. I first analyze the problems one has to cope with when trying to identify the "subtext" or hidden meaning of these kinds of references, and subsequently explain the general significance of what may be called the "Feuerbach principle" in Vygotsky's later work.

Keywords: Vygotsky, Feuerbach, Historical-political background of Vygotsky's work, Methodological problems of identifying camouflaged sources, Crypto-Feuerbachianism in Vygotsky's later work, Cultural-historically oriented psychology

В эссе рассматривается влияние немецкого философа-материалиста Людвиг Фейербаха (1804-1872) на идеи Л.С. Выготского. Статья начинается с того наблюдения, что, несмотря на свою преемственность, близость Выготского к Фейербаху не всегда проявлялась одинаково в течение его научной карьеры. Основное внимание уделяется позднему периоду творчества Выготского (1931-1934), чья научно-исследовательская работа была осложнена радикальными политико-идеологическими изменениями в Советском Союзе в начале 1930-х гг. Я утверждаю, что из-за требований новой ситуации Выготский должен был принять такую позицию, которую из-за ее парадоксальных черт можно охарактеризовать как «крипто-фейербахианство». Данный аргумент подтверждается более близким рассмотрением двух явных ссылок на Фейербаха в последние годы его научного творчества [2, с. 361; 5, с. 230]. Сначала я анализирую проблемы, с которыми приходится сталкиваться при попытке идентифицировать «подтекст» или скрытый смысл подобных ссылок, а затем показываю, что в «позднем» Выготском гораздо больше «Фейербаха», чем можно предположить при первом взгляде.

В то время как для Л.С. Выготского как автора работы «Исторический смысл психологического кризиса» (1926/27) и (тесно связанной с данной работой) статьи «Психика. Сознание. Бессознательное» (1930) Фейербах является бесспорным авторитетом в отношении к основным (главным образом, методологически ориентированным) вопросам материалистической-монистической психологии в целом, то для «более позднего» Выготского идеи Фейербаха служат руководством для его собственной, теперь более специализированной теоретической и практической работы и посредником при анализе и оценке современной ему литературы. То есть «поздний» Выготский, не только при чтении современной психологической литературы, но и при повторной оценке предыдущих авторов, смотрит «через очки Фейербаха» или, если кто-то предпочитает призму-метафору, как это иногда использовал Выготский: его восприятие современных ему авторов и переоценка более ранних авторов «преломляются» через «призму» взглядов Фейербаха.

Касаясь современной ему литературы, данное положение становится очень ясным не только в его ссылках на выводы В.С. Красусского (ср. [5, с. 208-209, 228-229]) и выводы Д. Маккарти (см. [15, с. 87]), но еще более поразительным в случае его ссылок на выводы С. Фаянса (ср. [4, с. 306-308]) и выводы В. Петерса (ср. [4, с. 309-310]). А в отношении более ранних авторов эта позиция, детерминированная идеями Фейербаха, довольно отчетливо проявляется в ссылке Выготского на работу Е. Сегина (ср. [5, с. 229-230]). Также в качестве примеров можно упомянуть его известные ссылки на произведения Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в последней главе книги «Мышление и речь» (ср. [2, с. 334-335, 338-339]).

Резюмируя все вышесказанное: «Позднее» отношение Л.С. Выготского к идеям Фейербаха можно охарактеризовать наиболее точно с помощью «фразы», данной Выготским, согласно которому «В нашей речи всегда есть задняя мысль, скрытый подтекст» [2, с. 356]. В этом смысле размышления Фейербаха (особенно его размышления о фундаментальном значении «Ты» для «Я» и синергетические эффекты общности человека с человеком) должны быть обозначены как «скрытый подтекст» для развернутой концепции Выготского (NB: Для адекватного понимания концепции Выготского о «зоне ближайшего развития» следует заметить, что Фейербах подчеркивает важность «чувственно данного Ты» - ср. [9, с. 190]). Это не означает, что концепции Выготского могут быть просто сведены к психологическим идеям Фейербаха или могут быть непосредственно получены из них. Но поворот к психологическому подходу Фейербаха приводит к более глубокому пониманию более позднего творчества Выготского. Это утверждение особенно верно и для *его* концепции

«интериоризации»², и для его теории о «взаимодействии идеальных и рудиментарных форм» в развитии высших, специфически человеческих характеристик и форм деятельности ребенка (см. [16]).

Следовательно, проект систематического раскрытия и анализа поздних идей Л.С. Выготского неизбежно подразумевает раскрытие системы психологических идей Фейербаха:

Начиная с его ранних *Мыслей о Смерти и Бессмертии* (впервые опубликованных анонимно в 1830 году [11]) и заканчивая его последней работой по моральной философии, широко известной под названием *Эвдемонизм* (законченной в 1868 году, впервые опубликованной посмертно в 1874 году [9, с. 578-641]), мы понимаем, что озабоченность психологическими вопросами, хотя и является не доминирующим лейтмотивом, тем не менее распространена в научном творчестве Фейербаха. Даже его критика Гегеля в некоторых существенных аспектах сформулирована с психологической точки зрения (факт, который подчеркнул Г. В. Плеханов уже в 1897 году).

Дело не только в том, что постоянное развитие Фейербахом идеи «внутренних причин» в конечном счете всегда оказывается психологическим аргументом; есть также два всеобъемлющих трактата, которые проявляются на первый взгляд в их основных темах как психологические произведения. И более того, после более тщательного анализа их можно охарактеризовать как программные очерки, в которых, подкрепленные глубокой критикой различных идеалистических концепций, сформулированы четко и безошибочно теоретико-методологические принципы строго материалистической психологии. Первый из этих трактатов называется «Против дуализма тела и души, плоти и духа» [9, с. 211-238]. Он был впервые опубликован на немецком языке в 1846 году. Первый русский перевод был выпущен в 1908 году вместе с другой статьей Фейербаха в томе под названием «О дуализме и бессмертии», а во второй раз он появился в 1923 году в первом из трех томов сочинений Фейербаха под редакцией А. М. Деборина, Л. А. Аксельрод-Ортодокса и Д. Б. Рязанова. И это именно этот трактат, который А. Р. Лурия восхваляет в своей статье 1925 года о психоанализе как о системе монистической психологии [8, с. 58], и на который Выготский ссылается и цитирует в своей знаменитой работе об историческом значении кризиса в психологии и в своей статье «Психика, Сознание, [и] Бессознательное» (ср. [1, с. 141, 409, 411-412, 415]). Другой трактат называется «О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воле» [9, с. 442-577]. На немецком эта работа была опубликована в 1866 г. и

² Ср. соответствующие фрагменты в пятой главе «Истории развития высших психологических функций» [3, с. 144-146] с идеями Фейербаха о генезисе человеческого сознания [9, с. 627-631; 12, с. 137].

неоднократно цитировалась Плехановым в разных случаях, ее русский перевод затем был опубликован впервые также в 1923 году в первом томе сочинений Фейербаха. В том, что Выготский был знаком с этим изданием, можно убедиться по некоторым его аргументам в своей экспериментальной статье 1924 года о психологии и педагогике детей с ограниченными возможностями, то же самое справедливо и для статьи «Психика, Сознание, [и] Бессознательного».

Помимо этих двух несомненно психологических трудов в творчестве Фейербаха есть много мест, в которых он *expressis verbis* относит себя к психологам. В дополнение к этому, различные его работы отражают существенную психологическую пронизательность столь впечатляющим образом, что мы можем без преувеличения сказать, что собрание сочинений Фейербаха содержит систему руководящих принципов и положений, имеющих непосредственное отношение к проектированию и реализации материалистической, культурно-исторически ориентированной психологии. При этом его общая характеристика «так называемых душевные сил» как «продуктов культуры, продуктов человеческого общества» [10, с. 115], а также его особые размышления об основе и генезисе человеческой совести (ср. [10, с. 627-633; 12, с. 137, 139, 141; 14, с. 419-425]) могут служить в качестве первостепенных причин - не забывать его поразительный афоризм: «... человек, который непосредственно возник из природы, все еще остается лишь существом чистой природы, но не человеком. Человек [как человек] является производением человека, культуры, истории» (цитируется по: [13, с. 178], перевод и вставка в скобках П. К.)³.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 487 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.

³ Как уже отмечалось [7, С. 39, сноска. 11], в этом отношении близость взглядов Выготского и Фейербаха, эксплицитно не упомянута, но очень удачно продемонстрирована в эпилоге М.Г. Ярошевского к шестому тому *Собрания сочинений* Выготского, где он в контексте обсуждения русской версии «Орудия и знака», рассуждает об идеях Выготского об «изначальной интеграции ребенка в микросоциальную общность, в недрах которой совершается чудо превращения его натуральных, простейших функций в высшие, культурно-исторические», процесс, который обеспечивается «орудиями и знаками, прежде всего речевыми знаками» [6, С. 331].

3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 367 с.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. 487 с.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. 369 с.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. Научное наследство / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
7. Кайлер П. «Культурно-историческая теория» и «Культурно-историческая школа»: От мифа (обратно) в реальность // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 5 (1). С. 34-46
8. Лурия А.Р. Психоанализ как система монистической психологии. // Психология и марксизм. Сборник статей сотрудников московского государственного института экспериментальной психологии / К.Н. Корнилов (Ред.). Ленинград/Москва: Государственное издательство, 1925.
9. Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. 676 с.
10. Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955. 943 с.
11. Feuerbach L. Gesammelte Werke. Band 1 / [Collected Works], herausgegeben von [edited by] W. Schuffenhauer. Berlin: Akademie Verlag, 1981.
12. Feuerbach L. Gesammelte Werke Band 7 / [Collected Works], herausgegeben von [edited by] W. Schuffenhauer. Berlin: Akademie Verlag, 1985.
13. Feuerbach L. Gesammelte Werke Band 10 / [Collected Works], herausgegeben von [edited by] W. Schuffenhauer. Berlin: Akademie Verlag, 1982.
14. Feuerbach L. Zur Moralphilosophie (1868) [On moral philosophy (1868)]. Critically revised by W. Schuffenhauer // Solidarität oder Egoismus: Studien zu einer Ethik bei und nach Ludwig Feuerbach [Solidarity or egoism: Studies in the ethics by and after Ludwig Feuerbach] / H.-J. Braun (Ed.). Berlin, Germany: Akademie Verlag, 1994. P. 353-430.
15. Vygotsky L.S. Mind in society. Cambridge USA: Harvard University Press, 1978.
16. Vygotsky L.S. The problem of the environment // The Vygotsky reader / R. van der Veer & J. Valsiner (Eds.). Oxford UK/Cambridge USA: Blackwell, 1994. P. 338-354.

References:

1. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psihologii / Pod red. A. R. Lurija, M. G. Jaroshevskogo. M.: Pedagogika, 1982. 487 s.
2. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T. 2. Problemy obshej psihologii / Pod red. V. V. Davydova. M.: Pedagogika, 1982. 504 s.
3. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T. 3. Problemy razvitija psihiki / Pod red. A.M. Matjushkina. M.: Pedagogika, 1983. 367 s.
4. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T. 4. Detskaja psihologija / Pod red. D.B. Jel'konina. M.: Pedagogika, 1984. 487 s.
5. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T. 5. Osnovy defektologii. M.: Pedagogika, 1983. 369 s.
6. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T. 6. Nauchnoe nasledstvo / Pod red. M. G. Jaroshevskogo. M.: Pedagogika, 1984. 400 s.
7. Kajler P. «Kul'turno-istoricheskaja teorija» i «Kul'turno-istoricheskaja shkola»: Ot mifa (obratno) k real'nost' // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 5 (1). S. 34-46
8. Lurija A.R. Psihoanaliz kak sistema monisticheskoi psihologii. // Psihologija i marksizm. Sbornik statej sotrudnikov moskovskogo gosudarstvennogo instituta jeksperimental'noj psihologii / K.N. Kornilov (Red.). Leningrad/Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925.
9. Fejrbah L. Izbrannye filosofskie proizvedenija: V 2t. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1955. 676 s.
10. Fejrbah L. Izbrannye filosofskie proizvedenija: V 2t. T. 2. M.: Gospolitizdat, 1955. 943 s.
11. Feuerbach L. Gesammelte Werke. Band 1 / [Collected Works], herausgegeben von [edited by] W. Schuffenhauer. Berlin: Akademie Verlag, 1967.
12. Feuerbach L. Gesammelte Werke Band 7 / [Collected Works], herausgegeben von [edited by] W. Schuffenhauer. Berlin: Akademie Verlag, 1967.
13. Feuerbach L. Gesammelte Werke Band 10 / [Collected Works], herausgegeben von [edited by] W. Schuffenhauer. Berlin: Akademie Verlag, 1967.
14. Feuerbach L. Zur Moralphilosophie (1868) [On moral philosophy (1868)]. Critically revised by W. Schuffenhauer // Solidarität oder Egoismus: Studien zu einer Ethik bei und nach Ludwig Feuerbach [Solidarity or egoism: Studies in the ethics by and after Ludwig Feuerbach] / H.-J. Braun (Ed.). Berlin, Germany: Akademie Verlag, 1994. P. 353-430.
15. Vygotsky L.S. Mind in society. Cambridge USA: Harvard University Press, 1978.
16. Vygotsky L.S. The problem of the environment // The Vygotsky reader / R. van der Veer & J. Valsiner (Eds.). Oxford UK/Cambridge USA: Blackwell, 1994. P. 338-354.

Сведения об авторе:

Кайлер Петер, Ph.D., профессор кафедры психологии, Свободный университет Берлина (Германия).

Историко-психологические аспекты проблемы смеха в отечественной науке конца XIX – начала XX века

Жарова Дарья Викторовна

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия

e-mail: zharodar@yandex.ru

Колышкина Елизавета Васильевна

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия

e-mail: laiza_zi@mail.ru

Аннотация. В статье представлено наследие отечественных авторов конца XIX-начала XX века по проблеме смеха как категории психологического анализа. Рассмотрены психологические теории смеха, причины смеха, зависимость смеха от умственного и нравственного развития. Раскрыто педагогическое значение смеха. Представлена преемственность взглядов на психологическое значение смеха.

Ключевые слова: психология, смех, улыбка, теории, формы смеха, «смешное».

Historical and psychological aspects of the problem of laughter in the domestic science of the late 19th - early 20th century

Zharova Darya Victorovna

Nizhny Novgorod state pedagogical University of K. Minin, Russia

e-mail: zharodar@yandex.ru

Kolyshkina Elizaveta Vasilievna

Nizhny Novgorod state pedagogical University of K. Minin, Russia

e-mail: laiza_zi@mail.ru

Abstract. The article presents the heritage of Russian authors of the late 19th-early 20th century on the problem of laughter as a category of psychological analysis. The psychological theories

of laughter, the causes of laughter, the dependence of laughter on mental and moral development are considered. Revealed is the pedagogical significance of laughter. Continuity of views on the psychological significance of laughter is presented.

Keywords: psychology, laughter, smile, theories, forms of laughter, ridiculous.

Область комического является предметом научного интереса различных ученых, однако, по-прежнему остается неисчерпанной. Имеющаяся научная литература, по преимуществу, анализирует смех в физиологическом, философском, эстетическом, социологическом и культурном аспектах. Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления имеющегося исторического опыта в изучении феномена смеха как категории психологического анализа.

В работах отечественных авторов конца XIX – начала XX века (С. Тормазов, В. Русаков, М. Владиславлев, В.А. Снегирев) смех рассматривается как нечто большее, чем комбинация физиологического и психологического явления. В работах анализируются три теории, объясняющие психологическую природу смеха: моральная, интеллектуальная и теория противоречия.

В основе моральной теории смеха (теории унижения) лежит чувство собственного превосходства и желание унижения, принижения кого-либо другого. Зачатки этой теории лежат во взглядах А. Бэна, Т. Гоббса, А. Адлера, который рассматривал смех, во-первых, как жест, указывающий на слабости и недостатки осмеиваемого, его несоответствие принятым социальным нормам, во-вторых, использование смеха как средства привлечения внимания и получения превосходства над другими [2, с. 314].

По мнению М. Владиславлева, автора книги «Психология. Исследование основных явлений душевной жизни» (1881 г.), когда человек смеется над другим, он неизбежно «трактует его свысока», «смеющийся всегда становится выше того, над кем он смеется, он третирует его... смех действительно роняет лицо, ставшее предметом его. И чем человек или предмет почтеннее, выше, тем, разумеется, чувствительней падение. Поэтому никто не подвергает себя охотно посмеянию: ибо никто не желает казаться хуже, чем он есть, или, чем бы желал казаться» [1, с. 497].

Интеллектуальная теория смеха или теории разрядки берет начало от идей И. Канта, который рассматривает смех как «аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [2, с. 318]. Интеллектуальная теория рассматривает смех в психотерапевтическом аспекте. По мнению

М. Владиславлева, воплощением разрядки является безобидный смех – это смех не над конкретным человеком, объектом или обстоятельством, а смех как выражение «веселости, возбуждаемой забавною группировкой мысли и игрой ума» [1, с. 503].

В рамках теории противоречий, причиной возникновения чувства «смешного» является восприятие несообразности какого-либо предмета, явления, отношения, то есть несоответствия установившимся нормам, обычаям, нравственным требованиям и законам логики.

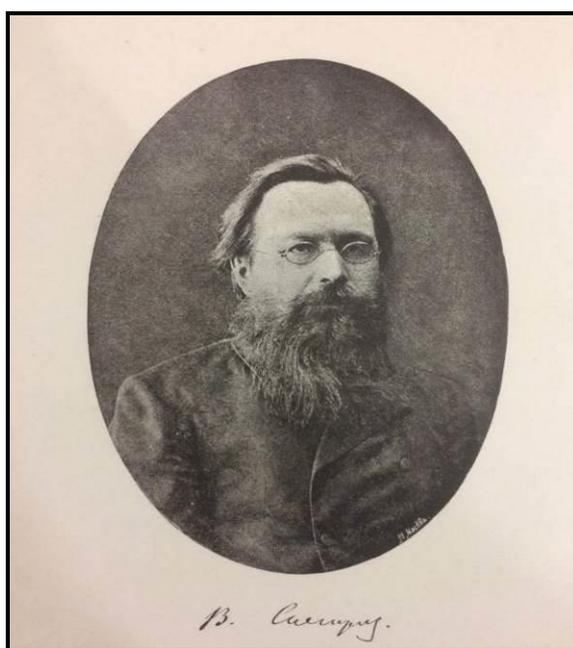

Рис. 1. В.А. Снегирев (1841-1889)

Профессор Казанской духовной академии, автор книги «Психология. Систематический курс чтений по психологии» (1893 г.), Вениамин Алексеевич Снегирев [7], исходя из теории противоречия, в качестве причин, вызывающих смех, выделяет: непропорциональность частей фигуры смешного предмета («огромный нос на маленьком лице, маленький дом и громадное крыльцо»), несоответствие возможностей и намерений человека («крайняя ограниченность средств при широких замыслах и запросах»), присутствие в предмете свойств, действий, принадлежностей «чуждых ему по природе или по положению» («тоненький голосок у мужчины громадного роста или бас у женщины, глупец, воображающий себя гением»), несоответствие действия цели («употребление большой силы для побеждения ничтожного сопротивления») [6, с. 466].

Анализируя теорию смеха как результат противоречия, С. Тормазов, автор книги «Генезис смеха и речи» (Санкт-Петербург, 1907 год), представляет

ее как несостоятельную. Объяснение смеха как результата осознания контрастов неправомерно, так как «между смехом и осознанием контрастов вообще имеется связь, но эта связь не такова, чтобы сознание контраста всегда было причиной, а смех всегда был следствием... беспрестанно случается, что внутренняя потребность в смехе побуждает человека выискивать противоречия, над которыми можно было бы посмеяться» [8, с. 5-6]. Автор указывает, что смех не является производным от умственного труда, «мнение, что смех вызывается только осознанием контрастов, не более чем предрассудок, основанный на поверхностном наблюдении» [8, с. 6].

Кроме того, замечает С. Тормазов, против психологического (или, по его словам, спиритуалистического) объяснения смеха говорит отсутствие закономерностей между развитием умственных способностей и смешливостью: «если бы смех зависел, как думают спиритуалисты (психологи), от высшего духовного склада человека, то следовало бы ожидать, что чем более человек развит умственно и нравственно, тем более он должен проявлять склонности к смеху» [7, С. 8]. В действительности же этого не происходит: дикари смеются не меньше цивилизованного человека, «самые неразвитые и тупые люди предаются смеху не меньше, чем умные и утонченно развитые» [8, с. 8]. Таким образом, смех необходимо рассматривать вне зависимости от умственного и нравственного развития человека.

С. Тормазов приводит описание двух разных типов людей в зависимости от их готовности к смеху: нормально-смеющиеся («вволю смеющиеся») – это «здоровые» люди, не испорченные влиянием правил: дети, молодежь и простонародье. Они готовы искренне смеяться вне зависимости от интеллектуальных поводов, смех могут вызвать совершенно любые обстоятельства [8, с. 15]; ограничивающие смех – высшие классы общества, интеллигенция, которые ограничивают свою потребность в смехе правилами, принятыми в обществе. Эти люди приучают себя воздерживаться от смеха, даже если есть реальный повод. С. Тормазов называет это «извращением инстинкта, вызываемое обычаями культурного общежития...это ведет к тому, что у большинства людей культурных слоев утрачивается с годами способность свободно и естественно отдаваться смеху» [8, с. 15].

О смехе как потребности пишет и Сигизмунд Феликсович Либрович (псевдоним Виктор Русаков), автор книги «Детский смех. Его психологическое, педагогическое и гигиеническое значение» (Санкт-Петербург, 1900 г.). Автор исследует положительное влияние смеха на психическое и физическое состояние детей: «изучайте, поскорее изучайте влияние смеха на ребенка, это изучение может совершенно переиначить систему воспитания, может дать

основу новым взглядам на воспитание характера» [5, с. 5]. Виктор Русаков говорит о наличии у детей потребности смеяться, которая проявляется в самом раннем возрасте и именно от родителей и педагогов зависит, будет ли удовлетворена эта потребность: «тяжкий грех берут на душу те, кто старается заглушить эту потребность» [5, с. 15]. Большой ошибкой автор считает сдерживание родителями и педагогами детского смеха и веселья. Напротив, необходимо использовать разные приемы, чтобы вызывать и поддерживать детский смех. По мнению В. Русакова действительность такова, что многие детские игры, развлечения направлены на развитие познавательных способностей, интеллекта или художественного вкуса и как мало детских игр и развлечений, которые бы «давали детям пищу для смеха» [5, с. 15].

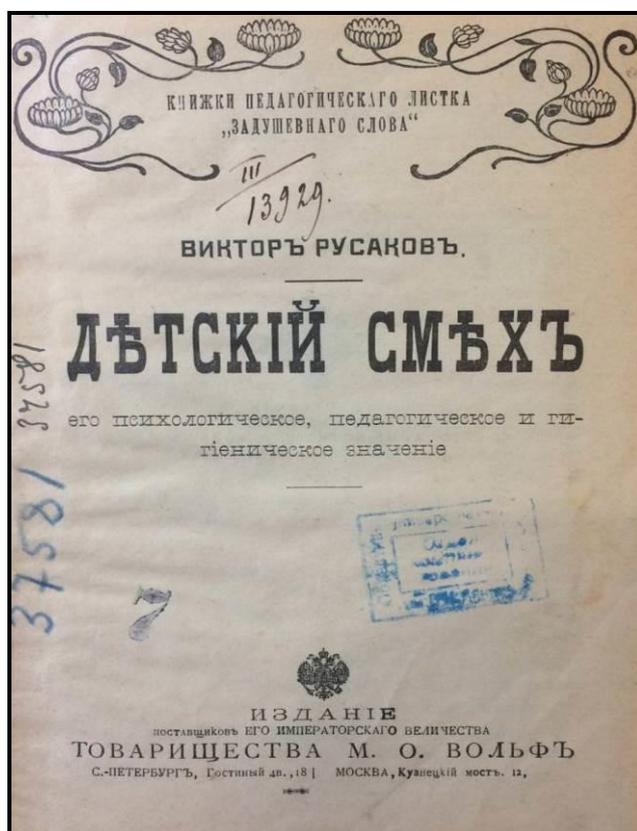

Рис. 2. В. Русаков «Детский смех» (1900)

Сравнительный анализ теории смеха в работах отечественных авторов позволяет сделать вывод, что в работах ученых прошлого подчеркивается амбивалентная природа смеха, как результата осознания контраста между торжественностью и обыденностью, добротой и злом, низостью и героизмом. Разнообразием мнений отличаются и указания на источники смеха в работах указанного периода времени.

Вместе с тем, целостной картины смеха пока не существует, смех как эмоция нуждается в системном анализе. И сегодня можно с уверенностью утверждать о преемственности взглядов ученых на рассматриваемую проблему. Историко-психологические исследования позволяют создать качественно иные условия для формирования целостной картины становления и развития многих проблем психологии, и, в частности, проблемы изучения смеха. Знание истории психологических идей дает возможность проанализировать то ценное, что было сделано предшественниками, что, в конечном итоге, создает обогащенную ситуацию для будущего видения решения проблемы [4].

Список литературы:

1. Владиславлев М. Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. Т. 1. Санкт-Петербург, Типография В. Безобразова, 1881. – 573 с.
2. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: социофилософский анализ. М., Альфа, 2005. 592 с.
3. Жарова Д.В. Критический анализ психолого-педагогического наследия английских ученых в отечественной науке конца XIX- начала XX столетия // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 108-116.
4. Жарова Д.В., Батыршина А.Р. Проблема педагогических способностей в исторической ретроспективе. Вестник Мининского университета. 2016. №2 (15). С. 24-31.
5. Русаков В. Детский смех. Его психологическое, педагогическое и гигиеническое значение. СПб.: Издание его Императорского Величества товарищества М.О. Вольф, 1900. 16 с.
6. Снегирев В.А. Психология. Систематический курс чтений по психологии. Харьков, Типография Адольфа Дарре, 1893. 613 с.
7. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А., Костригин А.А. Вениамин Алексеевич Снегирев: психолог и богослов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 138-149.
8. Тормазов С. Генезис смеха и речи. СПб, 1907. 48 с.

References:

1. Vladislavlev M. Psihologija. Issledovanie osnovnyh javlenij dushevnoj zhizni. T. 1. Sankt-Peterburg, Tipografija V. Bezobrazova, 1881. – 573 s.

2. Dmitriev A.V., Sychev A.A. Smeh: sociofilosofskij analiz. M., Al'fa, 2005. 592 s.
3. Zharova D.V. Kriticheskiy analiz psihologo-pedagogicheskogo nasledija anglijskih uchenyh v otechestvennoj nauke konca XIX- nachala XX stoletija // Teoreticheskaja i jeksperimental'naja psihologija. 2015. T. 8. № 2. S. 108-116.
4. Zharova D.V., Batyrshina A.R. Problema pedagogicheskikh sposobnostej v istoricheskoy retrospektive. Vestnik Mininskogo universiteta. 2016. №2 (15). S. 24-31.
5. Rusakov V. Detskij smeh. Ego psihologicheskoe, pedagogicheskoe i gigienicheskoe znachenie. SPb.: Izdanie ego Imperatorskogo Velichestva tovarishhestva M.O. Vol'f, 1900. 16 s.
6. Snegirev V.A. Psihologija. Sistematiceskij kurs chtenij po psihologii. Har'kov, Tipografija Adol'fa Darre, 1893. 613 s.
7. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A., Kostrigin A.A. Veniamin Alekseevich Snegirev: psiholog i bogoslov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 3. S. 138-149.
8. Tormazov S. Genezis smeha i rechi. SPb, 1907. 48 s.

Сведения об авторах:

Жарова Дарья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии, Нижегородский государственный педагогический университет им.К.Минина (Россия)

Кольшкина Елизавета Васильевна, студентка факультета психологии и педагогики, Нижегородский государственный педагогический университет им.К.Минина (Россия)

Приключения теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра в СССР и России: дефективно-детективная история

Сабанин Павел Валерьевич

Московский финансово-юридический университет, Россия

e-mail: convergo@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается о попытках разработки адаптированного для русскоязычного пользователя варианта теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра. Анализируются причины трудностей, с которыми встретились разработчики. Приведена основная литература по этой проблеме и рассказано о вариантах психодиагностического инструментария, разработанного побочно с адаптацией теста структуры интеллекта. В основе статьи интервью одного из группы авторов разработки модификаций и непосредственного свидетеля событий вокруг теста Р. Амтхауэра.

Ключевые слова: психологическая диагностика, история психологии, методики психологической диагностики, «Словесные субтесты», тест структуры интеллекта, Р. Амтхауэр, интервью.

Adventures of R. Amthauer's intelligence structure test in the USSR and Russia: defective-detective story

Sabanin Pavel Valerievich

Moscow University of Finance and Law, Russia

e-mail: convergo@mail.ru

Abstract. The article describes attempts to develop a variant of the R. Amthauer's intelligence structure test, adapted for the Russian-speaking user. The reasons for the difficulties encountered by the developers are analyzed. The main literature on this problem is given and it is told about the variants of the psychodiagnostic toolkit developed side by side with the adaptation of the intelligence structure test. The article is based on an interview by one of the authors of the development of modifications and a direct witness of events around the test of R. Amthauer.

Keywords: Psychological diagnostics, history of psychology, methods of psychological diagnostics, "Verbal subtests", test of structure of intelligence, R. Amthauer, interview.

Это интервью об истории распространения в СССР и России теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра (I-S-TR). Собеседник – кандидат психологических наук Леонид Федорович Чупров (далее ЛЧ), главный редактор научных журналов «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», «Наука. Мысль», один из участников этой истории и, в какой-то степени, «ходячая летопись» отечественной психологической диагностики.

ПС. Леонид Федорович, в ваших первых публикациях по психологической диагностике есть упоминание о тесте Р. Амтхауэра, а уже в последующих и последних нет. Как-то в частной беседе вы обронили фразу, что это «дефективно-детективная история». Могли бы Вы более подробно объяснить эти моменты?

ЛЧ. Действительно, молодой человек, это захватывающая, подобно детективу, история, связанная с распространением одного из инструментов психологической диагностики в середине 80-х годов прошлого века в СССР, а в последующем в России и за рубежом.

Почему детективная? Это был фактически второй интеллектуальный тест после методики Д. Векслера (в адаптации А.Ю. Панасюка, 1973), что пришел к нам в СССР в период, когда только зарождалась практическая психология (психологическая служба) в стране, существовали жесткие ограничения на исследование интеллекта, тем более детей. Фактически это была «подпольная» деятельность возрождавшейся психометрии и «не патопсихологической диагностики» в нашем Отечестве. Тесты для конспирации именовались методиками, разработчики отечественного арсенала тестометрии занимались либо адаптацией, либо модификацией инструментов психологической диагностики. Это нашло свое отражение и в том, что мы на сегодняшний день имеем в психологическом арсенале. Помимо тех, кто добровольно взвалил на свои плечи этот титанический труд, были и те, кого можно назвать публикаторы-популяризаторы, что ловко воспользовались продуктами чужого труда.

Что же касается «дефективности», то здесь два момента: первый – прямое отражение названия одного из учреждений, в котором происходила эта история – НИИ дефектологии АПН СССР. Второй момент – деятельность публикаторов-популяризаторов, что на волне острейшего дефицита диагностических инструментов фактически занимались порчей чужого труда, распространяя контрафактные дефектные варианты методик.

Наверное, надо бы кратко охарактеризовать, что собой представляет исходный вариант I-S-TR.

ПС. *Да, тогда будет понятно, почему выделены направления «адаптации» и «модификации», и почему имя Р. Амтхауэра исчезает с части «готовой продукции».*

ЛЧ. Тест Р. Амтхауэра (Amthauer Intelligenz-Struktur-Test? I-S-T) был предложен автором в 1953 году (вторая редакция в 1973 г.) известен был только по описанию в монографии Й. Шванцары и колл. [39]. Справочник Л.Ф. Бурлачука, С.М. Морозова еще не вышел в свет [26]. Предназначен тест был для целей профотбора и предполагал границы использования с 12-13 лет до 61 года. Уже по этой причине он был вне поля зрения психологов только зарождавшейся психологической службы. Тест состоит из 9 субтестов по 20 проб в I, II и III субтестах и 16 заданий в IV, далее следуют задания на счет, ряды чисел, выбор фигур, задания с кубиками (изображение) и памятиевый субтест. Для каждого субтеста строго регламентировано время выполнения, форма проведения групповая. Теоретической основой являются представления Р. Амтхауэра, что интеллект – специализированная подструктура в целостной структуре личности. «Этот конструкт понимается им как структурированная целостность психических способностей, проявляющаяся в различных формах деятельности» [5, с. 16].

Тест имеет от трех до четырех параллельных форм. В зависимости от года пересмотра. Какие из них попали в СССР – тайна покрытая мраком, но в 1984 г. в двух научно-исследовательских институтах в Москве началась работа с этим тестом. По хронологии первую публикацию сделала Э.Ф. Замбацявичене, аспирантка-заочница из Литвы (НИИ дефектологии АПН СССР, научный руководитель профессор В.И. Лубовский) [8]. Стандартизованная методика Э.Ф. Замбацявичене отличалась от исходного теста Р. Амтхауэра возрастным диапазоном и была выполнена на выборке детей с родным литовским языком (с I по V классы). Была большая выборка испытуемых нормальных (общеобразовательная школа с I по III классы) и аномальных (вспомогательная школа, школа для слепых и слабовидящих, школа для глухих с I по V классы). Оценка результативности производилась в баллах от 1,9 до 3,4 в зависимости от диагностического веса пробы и трудности задания. Максимальная оценка успешности выполнения должна была бы быть 100 баллов, сложение же баллов за субтесты (26,1 + 25,6 + 22,7 + 25,1) этого не дало. К тому же это был не полный тест Р. Амтхауэра, а только первые четыре вербальные субтесты, сокращенные до 10 проб в каждом из субтестов. Почти сразу после публикации варианта Э.Ф. Замбацявичене в работу над методикой включилась группа исследователей НИИ дефектологии АПН СССР в составе д. псих. н., в.н.с. Л.И. Переслени, проф., д.м.н. Е.М. Мастюковой и аспиранта клинического

сектора Л.Ф. Чупрова. Первую математическую обработку результатов апробации провел к.псих.н., с.н.с. НИИ дефектологии АПН СССР В.Л. Подобед. Ему же принадлежит инициатива о включении в методику стимулирующей помощи. Кстати, именно этот момент, т.е. «стимулирующая помощь», оказался непонятным для большинства, кто впервые читал материалы о «Словесных субтестах», даже рецензентам ЭСПП [7]. В методике «Словесные субтесты» ребенок должен был сделать выбор из пяти предложенных альтернатив и объяснить обоснованность своего выбора. Выбор-то может быть правильный, а объяснение неправильное или недостаточно правильное. Помните классический пример по М.С. Певзнер: «Ребенок: “Доктор я прилетел к вам как метеор”. Доктор: «А что такое метеор?». Ребенок: “Это метла такая”». Как раз этого момента не учитывают так называемые «стандартизованные тесты». На сегодняшний день группа разработчиков уже перевалила за десяток. При библиографическом поиске, уже после моей защиты, было обнаружено, что вариант методики Э.Ф. Замбацявичене – это не тест Р. Амтхауэра. Предложенный вариант Э.Ф. Замбацявичене требовал существенной доработки. На его основе была разработана методика «Словесные субтесты» по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1989) [16]. Это уже был не «Амтхауэр» и не «стандартизованная методика для определения уровня умственного развития» Э.Ф. Замбацявичене, как говорится, «Федот, да не тот» [36].

Вторая публикация вышла из стен НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (М.К. Акимова, В.Т. Козлова) [2].

Вариант теста, разрабатываемого под руководством М.К. Акимовой, тоже был неполным [1]. Он был ориентирован на возраст от 12 лет, но способ обработки отличен от такового в тесте Р. Амтхауэра.

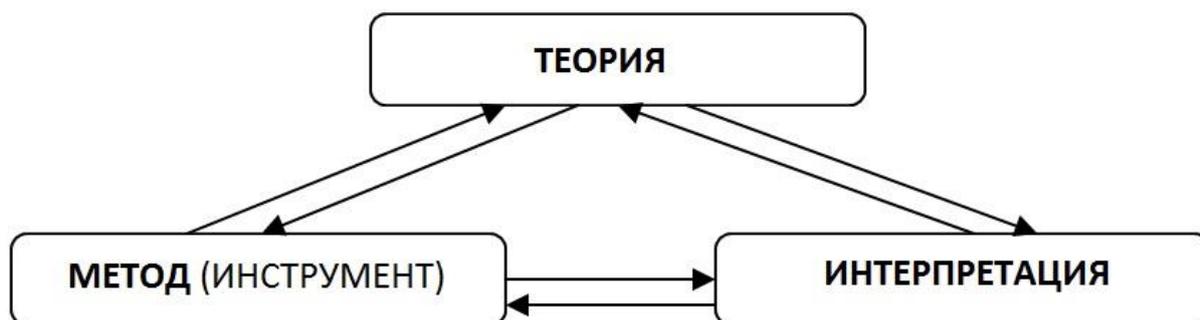
ПС. Выходит, что в России нет адаптированного варианта теста Р. Амтхауэра?

ЛЧ. Выходит, что так. В справочнике Л.Ф. Бурлачука, С.М. Морозова [5; 26] есть упоминание о разработке этого теста в Эстонии (Х.И. Лейметс с соавт., 1974), но, во всяком случае, наша группа его не видела. Как и публикацию упоминаемого в статье Э.Ф. Замбацявичене исследования, проведенного Э. Коэметсом (1970). Позднее мне удалось обнаружить большую статью В.Н. Намазова, А.Н. Жмырикова (1988) [13]. Эту публикацию никто не заметил, вероятно, кроме меня. Я ее обнаружил в 1989 г. в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, когда был в Москве, уже после защиты диссертации [30]. Во всяком случае, ни в первом издании справочника Л.Ф. Бурлачука, С.М. Морозова, ни во втором об этих авторах ни слова. Они

упомянуты лишь в нашем пособии (1990) [18], но уже в издании ПДК, подготовленном Л.И. Переслени, – упоминание отсутствует [15]. Именно по этой публикации В.Н. Намазова, А.Н. Жмырикова я получил представление о тесте I-S-TR.

ПС. Почему была адаптация теста подменена модификациями?

ЛЧ. Основная причина в том, что ни один диагностический инструмент не нейтрален по отношению к теории, положенной в его основу. Схематично я бы изобразил это так.

Научно обоснованной психодиагностики не может быть ради психодиагностики, исследования ради исследования. «Метод, построенный в рамках одной теории, не может быть использован адекватно для объективизации той стороны объекта, которая освещена другой теорией, а полученные с помощью этого метода данные, не могут быть основой для построения коррекционной методики, базирующейся на совершенно иных теоретических представлениях» [31, с. 28]. Это **принцип методического ограничения**.

Наша группа разрабатывала инструменты на основе качественно-количественного подхода с учетом возможности ребенком использовать стимулирующую помощь.

«Словесные субтесты» разрабатывались для психодиагностической батареи ПДК (Психодиагностический комплекс методик по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову, 1990) [18; 21; 40]. Методика использовалась и как исследовательский инструмент в диссертационных работах Л.Ф. Чупрова и Т.А. Фотековой [19; 29]. Я применил ее для сравнительного исследования умственного развития младших школьников из различных социально-педагогических условий [32]. В том числе и вы широко ее использовали для сравнительных целей [23; 24; 25; 38]. Методика «Словесные субтесты» широко применяется в работе практических психологов в России. Есть информация об

ее использовании в практике работы психолого-медико-педагогических консультаций за рубежом, например, в Украине [14].

Инструмент на сегодня имеет **четыре варианта**, позволяющие отследить динамику развития словесно-логического мышления детей дошкольного, младшего школьного возраста и у учащихся средней школы.

1. Вариант для исследования детей дошкольного возраста: Л.Ф. Чупров (2002), В.И. Распопов, Л.Ф. Чупров (2014) [22; 24]. Он представлен 10-ю пробами. По пять проб в каждом субтесте. Это операции классификации и обобщения.

2. Вариант для экспресс-диагностики (Л.И. Переслени, Л.Ф. Чупров, 1989) [17]. В нем уже 4 субтеста, а всего 25 информативных проб на операции осведомленности, классификацию, установление отношений по типу аналогий и обобщение. Этот вариант методики обычно используют при наборе в первый класс [6; 28]. Естественно, и для экспресс-диагностики.

3. Вариант «Словесных субтестов» для младших школьников по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1989) [16]. Это первоначальный, исходный вариант методики [33; 35]. Он представлен четырьмя субтестами с десятью пробами в каждом (осведомленность, классификация понятий, аналогии, обобщение). Несколько позднее Р.Д. Монгуш и Л.Ф. Чупров (1993) опубликовали сообщение о разработке варианта для исследования детей с родным тувинским языком [12].

4. Вариант Л.И. Переслени, Т.А. Фотековой (2002) для исследования учащихся 5-9 классов [20]. Правда, в журнале «Школьный психолог» был при публикации в названии обозначен предельный возраст использования методики, что, вероятно, дезориентировало педагогов-психологов. Но, кому было нужно, - нашли, поняли и включили в разрабатываемые УУД. В этом варианте также четыре субтеста с десятью пробами в каждом. Исследуются, как и в основном варианте, осведомленность, классификация понятий, аналогии, обобщение.

Первый и второй варианты, как и варианты второй и третий позволяют исследовать динамику развития при переходе из детского сада в первый класс и в конце обучения в первом классе. Эта технология описана Л.Л. Нарожной и Л.Ф. Чупровым [37].

Основной (третий вариант полного набора проб словесных субтестов) позволяет отслеживать динамику после каждого года обучения с первого по третий (четвертый) классы включительно.

Четвертый вариант предназначен отслеживать динамику развития словесно-логического мышления у учащихся с 5-го по 9-й классы. И в третьем,

и в четвертом вариантах главное – соблюдение графика исследования. Нельзя делать это после каждой четверти. Это должно быть обследование раз в году, лучше в конце учебного года.

Группа М.К. Акимовой исходила из социально-психологического норматива по К.М. Гуревичу, который определяется как система требований общества к психическому развитию индивида.

Вторая причина, на мой взгляд, заключается в том, что исходно тест Р. Амтзауэра разрабатывался не для нужд психологической службы.

Вероятно, был и еще один скрытый мотив. Во всяком случае, в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР на его основе разработали, например, ШТУР (Школьный тест умственного развития) для учащихся 6-8 классов.

Немаловажным было и то, что большое количество заданий и субтестов значительно повышает нагрузку на испытуемого и на исследователя. Вот почему уже в варианте Л.И. Переслени и Т.А. Фотековой количество проб сокращено до десяти [19]. Были выбраны только наиболее информативные пробы, выполняемые большинством учащихся.

ПС. *Насколько деструктивна деятельность контрафактного распространения модифицированных вариантов методики многочисленными публикаторами?*

ЛЧ. Своеобразным «пионером» в распространении стал В.М. Астапов в 1994 г. [4]. Он даже не обратил внимания на название, что оно «К разработке стандартизованной методики для определения уровня умственного развития», просто заменил пробы со стимулами регионального характера (типа «литовский порт» и т.п.) в методике Э.Ф. Замбацявичене схожими, но привычными для русского уха. Причем все остальное, включая оценку проб, оставил прежним, безо всякой адаптации и апробации и т.п. подготовительных процедур на проверку надежности инструмента. Валерий Михайлович забыл указать год и номер журнала «Дефектология», откуда он заимствовал этот инструмент. Подробно об этой «новации» написано в статье В.И. Лубовского, Л.И. Переслени, М.М. Семаго [11]. Уже на следующий год некие публикаторы, сокрывшись под псевдонимом «Р.Р. и С.А. Римские», сделали из варианта В.М. Астапова–Э.Ф. Замбацявичене и «Словесных субтестов» своеобразного кентавра [3].

Дефектной является и публикация «Словесных субтестов» в пособии И.Ю. Левченко (2000) [10].

Но более всего постарались авторы из одного технического университета О.Н. Истратова и Т.В. Эксакусто [27]. Они просто в свои многочисленные

справочники, пособия и т.п. взяли полностью пособие по ПДК (Абакан, 1990) [18], разрезали его на части и почти целиком включили все его содержание в свои книги, даже не утруждая себя запросить разрешение у правообладателей.

Особенно поражает последняя «новация» [9]. Вряд ли разумный человек сможет согласиться, что исследование динамики развития на основе, например, антропометрических данных, когда у школьника его рост стоя измерен в I классе, рост сидя во II, окружность грудной клетки в III, а окружность головы в IV классе, является объективным. Да, вроде, один и тот же ребенок, вроде и исследование проводилось, но данные несопоставимы. Приблизительно так рекомендует проводить мониторинг педагог-психолог из Томской области Ю.Г. Коломиец, предложив четыре варианта диагностического инструмента, «модифицировав» некую методику «известного теста развития логических операций». Этот тест существует в разных модификациях. Мы также модифицировали его» [9]. По описанию Ю.Г. Коломиец можно понять, какие это были методики. Как принято говорить, очень похожие на методику Э.Ф. Замбацявичене и на «Словесные субтесты». К чему было их, во всяком случае «Словесные субтесты», еще раз «модифицировать»?

Заключение.

Таким образом, выходит, что полный тест Р. Амтхауэра есть, но он мало кому известен. Вариант, разработанный группой под руководством М.К. Акимовой, неполон, и имеет отличия от оригинала. Так называемые «детские Амтхауэры», рассчитанные на возраст учащихся начальной школы, на самом деле модифицированные контрафактные варианты – либо методики Э.Ф. Замбацявичене, либо «Словесных субтестов». Методика Э.Ф. Замбацявичене не есть тест Р. Амтхауэра, а «Словесные субтесты» – не методика Э.Ф. Замбацявичене. Это все разные инструменты. И если быть до конца принципиальными, то, *как таковой методики Э.Ф. Замбацявичене на русском не существует в авторском варианте*. Ее «сделал на коленке» В.М. Астапов из статьи в журнале «Дефектология» № 1, 1984, где были опубликованы Э.Ф. Замбацявичене в переводе с литовского языка четыре субтеста [8].

Список литературы:

1. Акимова М.К., Борисова Е.М., Козлова В.Т., Логинова Г.П. Особенности умственного развития учащихся старшего подросткового возраста //

- Психологические проблемы повышения качества обучения и воспитания. М., 1984. С. 23-35.
2. Акимова М.К., Козлова В.Т. Анализ результатов диагностических методик, ориентированных на норматив // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 23-35.
 3. Альманах психологических тестов /Сост.: Р.Р. и С.А. Римские. М.: «КСП», 1995. 400 с.
 4. Астапов В.М. Введение в дефектологию с основами нейро- и патопсихологии. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 216 с.
 5. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь справочник по психодиагностике. СПб.: Питер Ком, 1999. 528 с.
 6. Бухаркина О.Г., Чупров Л.Ф. Особенности адаптации учащихся 1 класса в зависимости от уровня школьной зрелости // Актуальные проблемы подготовки специалиста в ВУЗе: Материалы III республиканских Катановских чтений. Абакан: Изд-во ХГУ, 1996. С. 72-73.
 7. Завоеванная Н.С. Указатель «Методика-автор»: Комплекс ПД-триада (Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров, М.С. Певзнер, 1990) // Наука. Мысль. 2014. № 7. - С. 52-57.
 8. Замбацявичене Э.Ф. К разработке стандартизированной методики для определения уровня умственного развития нормальных и аномальных детей // Дефектология. 1984. № 1. С. 28-34.
 9. Коломиец Ю.Г. Психологический мониторинг формирования УУД в рамках ФГОС// Психологическая газета. URL: <http://psy.su/feed/3996/>
 10. Левченко И.Ю. Патопсихология: теория и практика. - Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 232 с.
 11. Лубовский В.И., Переслени Л.И., Семаго М.М. О публикациях психодиагностических материалов // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 133-133. URL: http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1997/971/971133.htm
 12. Монгуш Р.Д., Чупров Л.Ф. Опыт разработки экспериментальной методики исследования особенностей вербального развития детей с тувинско-русским двуязычием // Вопросы совершенствования подготовки учителя в ВУЗе (Материалы I Катановских чтений) / Отв. ред. К.Х. Кан. Абакан: АГПИ, 1993. С. 154-156.
 13. Намазов В.Н., Жмыриков А.Н. Психолого-педагогические методы исследования индивидуально-личностных особенностей (Учебно-методическое пособие для преподавателей, учителей, учителей общеобразовательной системы, работников кадровых служб) / Под общ. и научн. ред. В.Н. Намазова. М., 1988. 81 с.
 14. Обухівська А.Г. Діяльність психолого-медико-педагогічних консультацій в умовах інтеграції дітей з особливими освітніми потребами - Електрон. дані. - Київ, Український НМЦ практичної психології і соціальної роботи, 2013. 1 електрон. опт. диск (CD-ROM), 12 см. ISBN 978-617-7118-06-9.

15. Переслени Л.И. Психодиагностический комплекс методик для определения уровня развития познавательной деятельности младших школьников. М.: Когито-Центр, 1996. 70 с.
16. Переслени Л.И., Мастюкова Е.М., Чупров Л.Ф. Особенности словесно-логического мышления младших школьников в аспекте диагностики интеллектуальной недостаточности // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1989. Том 89. Вып. 3. С. 35-39.
17. Переслени Л.И., Чупров Л.Ф. Определение уровня развития словесно-логического мышления у первоклассников // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 154-157.
18. Переслени Л.И., Мастюкова Е.М., Чупров Л.Ф. Психодиагностический комплекс методик для определения уровня умственного развития младших школьников (учебно-методическое пособие)/ Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров/- Абакан, АГПИ, 1990. 68 с.
19. Переслени Л.И., Фотекова Т.А. Особенности познавательной деятельности младших школьников с недоразвитием речи и задержкой психического развития // Дефектология. 1993. № 5. С.17-23.
20. Переслени Л., Фотекова Т. Определение уровня развития словесно-логического мышления у девятиклассников // Школьный психолог. №7. 2002. URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200200711>
21. Переслени, Л.И. Психодиагностический комплекс методик для определения уровня умственного развития младших школьников [Текст]: (практическое пособие) / Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров; под ред. Л.Ф. Чупрова // Психологическая диагностика. - 2014. - № 2. - С. 3-66.
22. Распопов В.И., Чупров Л.Ф. Исследование уровня умственного развития детей-дошкольников с целью определения степени готовности к школьному обучению // Психолог в детском саду. 2014. № 3. С. 61-69.
23. Сабанин П.В., Чупров Л.Ф. Особенности словесно-логического и наглядно-образного мышления у детей младшего школьного возраста, проживающих в Московской агломерации / П.В. Сабанин, Л.Ф. Чупров // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013. № 4. С. 27-46.
24. Сабанин П.В., Чупров Л.Ф., Ропотько Н.В. Исследование межрегиональных особенностей развития словесно-логического мышления младших школьников // Международна научна школа "Парадигма". Лято-2015 сборник научни статии в 8 тома. под ред. А.В. Берлов, Л.Ф. Чупров. 2015. С. 324-328.
25. Сабанин П.В., Чупров Л.Ф. Влияние условий обучения в сельской школе на развитие логических универсальных действий // Актуальные проблемы социальной психологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 26 апреля 2017 г.) / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой ; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т, ф-т психологии. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 196-201.

26. Словарь справочник по психодиагностике / Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М.; Отв. ред. Крымский С.Б. Киев: Наук. думка, 1989. 200 с.
27. Справочник психолога начальной школы / О.Н. Истратова, Т.В. Эксакусто. Изд. 2-е. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 442, с.
28. Фотекова Т.А., Чупров Л.Ф. Лонгитюдные исследования в практике работы психологической службы школы // Актуальные проблемы подготовки специалиста в педагогическом ВУЗе: Материалы II республиканских Катановских чтений. В 2-х томах. Абакан: Изд-во ХГУ, 1995. Т. 2. С. 14-15.
29. Чупров Л.Ф. Особенности произвольного внимания и познавательной деятельности младших школьников с задержкой психического развития // Дефектология. - 1987.- № 6.- С. 17-22.
30. Чупров Л.Ф. Особенности произвольного внимания младших школьников с задержкой психического развития: Дисс. ... канд. психологических наук. М.: АПН СССР, 1988. 165 с.
31. Чупров Л.Ф. Некоторые аспекты организации психологической службы в школе (методическое пособие). Часть 1. - Абакан: АГПИ, 1992. 57 с.
32. Чупров Л.Ф. Особенности интеллектуальной недостаточности у младших школьников с задержкой психического развития из различных социально-педагогических условий // Журнал практического психолога. 2000. № 10-11. С.184-192.
33. Чупров Л.Ф. Стандартизация методики диагностики уровня умственного развития первоклассников (Словесные субтесты) // Психолог в школе. 2001. № 1-2. С. 51-62.
34. Чупров Л.Ф. «Словесные субтесты»: вариант для обследования детей дошкольного возраста // Психолог в детском саду. - 2002. - № 1. - С. 60-69.
35. Чупров Л.Ф. Методики исследования вербального развития детей: сравнительный анализ методик Э.Ф. Замбацявичене и «Словесных субтестов» // Психологическая диагностика. 2006. № 1. С. 86-109.
36. Чупров Л.Ф. «Федот, да не тот» или метаморфозы методик Э.Ф.Замбацявичене и «Словесных субтестов» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2012. № 1-2. С. 42-61.
37. Чупров Л.Ф., Нарожная Л.Л. К методике «Словесные субтесты». Технология исследования индивидуальной и групповой динамики развития особенностей вербального мышления детей по вариантам методики «Словесные субтесты» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2012. № 1.2.Р; URL: <http://www.es.rae.ru/bulletinpp/164-573>
38. Чупров Л., Сабанин П. Словесно-логическое и наглядно-образное мышление у младших школьников (особенности сельских и городских учащихся). LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014 (2014-06-12) ISBN-13: 978-3-659-55578-7. 52 с.
39. Шванцара Й. и колл. Диагностика психического развития. Прага: Авиценум, 1978. 388 с.

40. Щукин А.С. Библиографический список источников по «Комплексу ПД-триада (Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров, М.С. Певзнер, 1990)» // Наука. Мысль. 2014. № 7. С. 58-62.

References:

1. Akimova M.K., Borisova E.M., Kozlova V.T., Loginova G.P. Osobnosti umstvennogo razvitija uchashhihsja starshego podrostkovogo vozrasta // Psihologicheskie problemy povyshenija kachestva obuchenija i vospitanija. M., 1984. S. 23-35.
2. Akimova M.K., Kozlova V.T. Analiz rezul'tatov diagnosticheskikh metodik, orientirovannyh na normativ // Voprosy psihologii. 1985. № 5. S. 23-35.
3. Al'manah psihologicheskikh testov /Sost.: R.R. i S.A. Rimskie. M.: «KSP», 1995. 400 s.
4. Astapov V.M. Vvedenie v defektologiju s osnovami nejro- i patopsihologii. M.: Mezhdunarodnaja pedagogicheskaja akademija, 1994. 216 s.
5. Burlachuk L.F., Morozov S.M. Slovar' spravochnik po psihodiagnostike. SPb.: Piter Kom, 1999. 528 s.
6. Buharkina O.G., Chuprov L.F. Osobnosti adaptacii uchashhihsja 1 klassa v zavisimosti ot urovnja shkol'noj zrelosti // Aktual'nye problemy podgotovki specialista v VUZe: Materialy III respublikanskih Katanovskih chtenij. Abakan: Izd-vo HGU, 1996. S. 72-73.
7. Zavoevannaja N.S. Ukazatel' «Metodika-avtor»: Kompleks PD-triada (L.I. Peresleni, E.M. Mastjukova, L.F. Chuprov, M.S. Pevzner, 1990) // Nauka. Mysl'. 2014. № 7. - S. 52-57.
8. Zambacjavichene Je.F. K razrabotke standartizovannoj metodiki dlja opredelenija urovnja umstvennogo razvitija normal'nyh i anomal'nyh detej // Defektologija. 1984. № 1. S. 28-34.
9. Kolomic Ju.G. Psihologicheskij monitoring formirovanija UUD v ramkah FGOS// Psihologicheskaja gazeta. URL: <http://psy.su/feed/3996/>
10. Levchenko I.Ju. Patopsihologija: teorija i praktika. - Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2000. 232 s.
11. Lubovskij V.I., Peresleni L.I., Semago M.M. O publikacijah psihodiagnosticheskikh materialov // Voprosy psihologii. 1997. № 1. S. 133-13. URL: http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1997/971/971133.htm
12. Mongush R.D., Chuprov L.F. Opyt razrabotki jeksperimental'noj metodiki issledovanija osobennostej verbal'nogo razvitija detej s tuvinsko-russkim dvujazychiem // Voprosy sovershenstvovanija podgotovki uchitelja v VUZe

- (Materialy I Katanovskih chtenij) / Otv. red. K.H. Kan. Abakan: AGPI, 1993. S. 154-156.
13. Namazov V.N., Zhmyrikov A.N. Psihologo-pedagogicheskie metody issledovanija individual'no-lichnostnyh osobennostej (Uchebno-metodicheskoe posobie dlja prepodavatelej, uchitelej, uchitelej obsheobrazovatel'noj sistemy, rabotnikov kadrovyh sluzhb) / Pod obshh. i nauchn. red. V.N. Namazova. M., 1988. 81 s.
 14. Obuhivs'ka A.G. Dijal'nist' psihologo-mediko-pedagogichnih konsul'tacij v umovah integracii ditej z osoblivimi osvritnimi potrebami - Elektron. dani. - Kiiv, Ukraïns'kij NMC praktichnoï psihologii i social'noï roboti, 2013. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM), 12 sm. ISBN 978-617-7118-06-9.
 15. Peresleni L.I. Psihodiagnosticheskiy kompleks metodik dlja opredelenija urovnja razvitija poznavatel'noj dejatel'nosti mladshih shkol'nikov. M.: Kogito-Centr, 1996. 70 s.
 16. Peresleni L.I., Mastjukova E.M., Chuprov L.F. Osobennosti slovesno-logicheskogo myshlenija mladshih shkol'nikov v aspekte diagnostiki intellektual'noj nedostatochnosti // Zhurnal nevropatologii i psihatrii im. S. S. Korsakova. 1989. Tom 89. Vyp. 3. S. 35-39.
 17. Peresleni L.I., Chuprov L.F. Opredelenie urovnja razvitija slovesno-logicheskogo myshlenija u pervoklassnikov // Voprosy psihologii. 1989. № 5. S. 154-157.
 18. Peresleni L.I., Mastjukova E.M., Chuprov L.F. Psihodiagnosticheskiy kompleks metodik dlja opredelenija urovnja umstvennogo razvitija mladshih shkol'nikov (uchebno-metodicheskoe posobie)/ L.I. Peresleni, E.M. Mastjukova, L.F. Chuprov/- Abakan, AGPI, 1990. 68 c.
 19. Peresleni L.I., Fotekova T.A. Osobennosti poznavatel'noj dejatel'nosti mladshih shkol'nikov s nedorazvitiem rechi i zaderzhkoj psihicheskogo razvitija // Defektologija. 1993. № 5. S.17-23.
 20. Peresleni L., Fotekova T. Opredelenie urovnja razvitija slovesno-logicheskogo myshlenija u devjatklassnikov // Shkol'nyj psiholog. №7. 2002. URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200200711>
 21. Peresleni, L.I. Psihodiagnosticheskiy kompleks metodik dlja opredelenija urovnja umstvennogo razvitija mladshih shkol'nikov [Tekst]: (prakticheskoe posobie) / L.I. Peresleni, E.M. Mastjukova, L.F. Chuprov; pod red. L.F. Chuprova // Psihologicheskaja diagnostika. - 2014. - № 2. - S. 3-66.
 22. Raspopov V.I., Chuprov L.F. Issledovanie urovnja umstvennogo razvitija detej-doshkol'nikov s cel'ju opredelenija stepeni gotovnosti k shkol'nomu obucheniju // Psiholog v detskom sadu. 2014. № 3. S. 61-69.

23. Sabanin P.V., Chuprov L.F. Osobennosti slovesno-logicheskogo i nagljadno-obraznogo myshlenija u detej mladshogo shkol'nogo vozrasta, prozhivajushchih v Moskovskoj aglomeracii / P.V. Sabanin, L.F. Chuprov // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri. 2013. № 4. S. 27-46.
24. Sabanin P.V., Chuprov L.F., Ropot'ko N.V. Issledovanie mezhhregional'nyh osobennostej razvitija slovesno-logicheskogo myshlenija mladshih shkol'nikov // Mezhdunarodna nauchna shkola "Paradigma". Ljato-2015 sbornik nauchni statii v 8 toma. pod red. A.V. Berlov, L.F. Chuprov. 2015. S. 324-328.
25. Sabanin P.V., Chuprov L.F. Vlijanie uslovij obuchenija v sel'skoj shkole na razvitie logicheskikh universal'nyh dejstvij // Aktual'nye problemy social'noj psihologii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Novosibirsk, 26 aprelja 2017 g.) / pod nauch. red. O.A. Belobrykinoj, M.I. Koshenovoj ; Min-vo obrazovanija i nauki RF, Novosib. gos. ped. un-t, f-t psihologii. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2017. S. 196-201.
26. Slovar' spravochnik po psihodiagnostike / Burlachuk L.F., Morozov S.M.; Otv. red. Krymskij S.B. Kiev: Nauk. dumka, 1989. 200 s.
27. Spravochnik psihologa nachal'noj shkoly / O.N. Istratova, T.V. Jeksakusto. Izd. 2-e. Rostov n/D: Feniks, 2006. 442, s.
28. Fotekova T.A., Chuprov L.F. Longitjudnye issledovanija v praktike raboty psihologicheskoi sluzhby shkoly // Aktual'nye problemy podgotovki specialista v pedagogicheskom VUZe: Materialy II respublikanskih Katanovskih chtenij. V 2-h tomah. Abakan: Izd-vo HGU, 1995. T. 2. S. 14-15.
29. Chuprov L.F. Osobennosti proizvol'nogo vnimanija i poznavatel'noj dejatel'nosti mladshih shkol'nikov s zaderzhkoj psihicheskogo razvitija // Defektologija. - 1987.- № 6.- S. 17-22.
30. Chuprov L.F. Osobennosti proizvol'nogo vnimanija mladshih shkol'nikov s zaderzhkoj psihicheskogo razvitija: Diss. ... kand. psihologicheskikh nauk. M.: APN SSSR, 1988. 165 s.
31. Chuprov L.F. Nekotorye aspekty organizacii psihologicheskoi sluzhby v shkole (metodicheskoe posobie). Chast' 1. - Abakan: AGPI, 1992. 57 s.
32. Chuprov L.F. Osobennosti intellektual'noj nedostatochnosti u mladshih shkol'nikov s zaderzhkoj psihicheskogo razvitija iz razlicnyh social'no-pedagogicheskikh uslovij // Zhurnal prakticheskogo psihologa. 2000. № 10-11. S.184-192.
33. Chuprov L.F. Standartizacija metodiki diagnostiki urovnja umstvennogo razvitija pervoklassnikov (Slovesnye subtesty) // Psiholog v shkole. 2001. № 1-2. S. 51-62.

34. Chuprov L.F. «Slovesnye subtesty»: variant dlja obsledovanija detej doshkol'nogo vozrasta // Psiholog v detskom sadu. - 2002. - № 1. - S. 60-69.
35. Chuprov L.F. Metodiki issledovanija verbal'nogo razvitija detej: sravnitel'nyj analiz metodik Je.F. Zambacjavichene i «Slovesnyh subtestov» // Psihologicheskaja diagnostika. 2006. № 1. S. 86-109.
36. Chuprov L.F. «Fedot, da ne tot» ili metamorfozy metodik Je.F.Zambacjavichene i «Slovesnyh subtestov» // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri. 2012. № 1-2. S. 42-61.
37. Chuprov L.F., Narozhnaja L.L. K metodike «Slovesnye subtesty». Tehnologija issledovanija individual'noj i gruppovoj dinamiki razvitija osobennostej verbal'nogo myshlenija detej po variantam metodiki «Slovesnye subtesty» // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri. 2012. № 1.2.P; URL: <http://www.es.rae.ru/bulletinpp/164-573>
38. Chuprov L., Sabanin P. Slovesno-logicheskoe i nagljadno-obraznoe myshlenie u mladshih shkol'nikov (osobnosti sel'skih i gorodskih uchashhihsja). LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014 (2014-06-12) ISBN-13: 978-3-659-55578-7. 52 s.
39. Shvancara J. i koll. Diagnostika psihicheskogo razvitija. Praga: Avicenum, 1978. 388 s.
40. Shhukin A.S. Bibliograficheskij spisok istochnikov po «Kompleksu PD-triada (L.I. Peresleni, E.M. Mastjukova, L.F. Chuprov, M.S. Pevzner, 1990)» // Nauka. Mysl'. 2014. № 7. S. 58-62.

Сведения об авторе:

Сабанин Павел Валерьевич, студент магистратуры Московского финансово-юридического университета (Россия)

Читаем забытую классику...

Предисловие публикатора: Трошин Г.Я. История неврастении (1927)

Костригин Артем Андреевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина;

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. Предисловие публикатора к фрагменту неопубликованной работы Г.Я. Трошина «История неврастении» (1927).

Ключевые слова: классическое произведение, публикация, Трошин, неврастения, неопубликованные произведения, предисловие

Publisher's foreword: Troshin G.Ya. History of neurasthenia (1927)

Kostrigin Artem Andreevich

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art);

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract. It is a publisher's foreword to the fragment of unpublished work of G.Ya. Troshin "History of neurasthenia" (1927).

Keywords: classical work, publication, Troshin, neurasthenia, unpublished works, foreword

Григорий Яковлевич Трошин (1874-1938) является одним из выдающихся российских психиатров и психологов первой половины XX века. Им внесен значимый вклад в разработку концепций в области общей и детской

психопатологии и дефектологии, психологии детского чтения, специальной педагогики и психологии, сравнительной психологии нормального и аномального развития, психофизиологии головного мозга, психологии и психопатологии творчества и др.

Будучи учеником Владимира Михайловича Бехтерева (1857-1927), Трошин до 1922 г. (когда он эмигрировал из России) изучал, в основном, психофизиологические вопросы и проблемы детской психопатологии, создал первую в России клинику для детей с отклонениями психического развития. В эмиграции в Праге к этим ведущим направлениям его научной деятельности добавляются психология творчества и общая психопатология.

Сосредоточивая внимание на последней области, необходимо отметить, что Трошин подготовил несколько работ, в том числе, малоизвестный учебник «Руководство клинической психиатрии» (Прага, 1927), который не был опубликован, но представляет большую ценность. В руководство входят следующие тома: «Строение душевной болезни», «Формы выпадения и исхода», «Церебропатии. Травматический психоз», «Хронико-инфекционные психозы», «Инттоксикационные психозы», «Остроинфекционные психозы», «Dementia praecox», «Параноя», «Психогенные психозы».

В этом пособии Трошин предлагает собственную классификацию психозов, в том числе, обосновывает подход к разграничению психиатрических заболеваний и болезненных проявлений этих состояний, утверждая, что психические болезни могут выражаться в различных формах, и в то же время форма болезни может быть присуща для разных других заболеваний.

Мы публикуем фрагмент из первого тома неопубликованного учебника, который посвящен историко-методологическому введению в проблему неврастения.

В качестве краткого освещения теории Г.Я. Трошина о психиатрической болезни как форме (симптоме) и самостоятельном заболевании приведем его точку зрения по поводу неврастения. Неврастения как самостоятельная болезнь имеет следующие выражения: Врожденная неврастения, раздражительная слабость, нервозность (детская и взрослая), усиление внешних реакций, утомление внутренних реакций, неврастения утомления, неврастения истощения. Как симптом она встречается при шизофрении (на начальной стадии); при травматической, остроинфекционном, психогенном психозах (на конечной фазе).

Конечно, рассмотрению этого вопроса необходимо посвятить отдельную статью, что автор и планирует сделать в ближайшее время.

Сведения об авторе:

Костригин Артем Андреевич, преподаватель кафедры психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

История неврастении¹

Трошин Григорий Яковлевич

Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского

Аннотация. Публикуется по: Ф. Р6019. Оп. 1. Д. 3. Л. 2-5, 12-14. Фрагмент неопубликованной работы Г.Я. Трошина "Руководство клинической психиатрии" (Прага, 1927).

Ключевые слова: классическое произведение, публикация, Трошин, неврастения, неопубликованные произведения

History of neurasthenia

Troshin Grigory Yakovlevich

Comenius Russian Pedagogical Institute

Abstract. It is published on: F. R6019. Op. 1. D. 3. L. 2-5, 12-14. This is a fragment of G.Ya. Troshin's unpublished work "Clinical Psychiatry Textbook".

Keywords: classical work, publication, Troshin, neurasthenia, unpublished works

То, что теперь называется неврастенией, раньше тонуло в общем понятии нервности (нервозность, *neurosine*, *neurosität*). Первый, кто сделал попытку выделить из нервности, как общей материнской почвы, более узкое понятие нервного ослабления, был Beard. Благодарным материалом для него послужила Америка с ее обширной борьбой за существование и погоней за деньгами. Новую болезнь Beard назвал удачным именем неврастении. Он делил ее на церебральную, спинальную, гастрическую, половую, геминеврастению, истероневрастению, т.е. на разновидности, которые для современной точки зрения интереса не представляют. Первое описание Beard'a относится к 1869 году. В Европу его воззрения проникли не сразу – только в начале 80-х

¹ Публикатор – А.А. Костригин (подготовка и редактирование текста).

годов (первое немецкое издание)². Порядочное время ушло на борьбу вновь открытой формы со старыми разновидностями «нервности» и на согласование их между собою. Так, Solly в 1878 отрицает неврастению, полагая, что она поглощается истерией и ипохондрией³. Moebius в 1882 посредством сложных пересекающихся и концентрических кругов изображал отношение неврастения к другим неврозам: самый внутренний и малый круг – неврастения, более широкий концентрирующий – нервозность, пересекающие круги – ипохондрия, меланхолия, паранойя, эпилепсия, слабоумие, бешенство; по его чертежу выходило, что неврастения иногда является самостоятельным неврозом, чаще же, как элемент, входит в другие болезни⁴. Arndt⁵, наоборот, неврастению считал общим источником душевной патологии; в нее, как частности, входят ипохондрия и истерия; прогрессивный паралич, табес, паранойя происходят из неврастения. Концом первоначальной борьбы за неврастению можно считать выступление Krafft-Ebing'a⁶ в 1895: он принял учение Beard'a, в частности, его разделение неврастения почти совпадает с Бирдовским.

Укрепившееся таким образом понятие о неврастении было пока очень сложным, ибо в него входили разнообразные состояния, которые необходимо было выделить. Скорее и легче всего это удалось для навязчивости, благодаря работам Janet⁷: раньше навязчивость сливалась с неврастением и занимала в ней настолько большое место, что для некоторых работ, иногда очень солидных (Binswanger)⁸, нельзя было решить, о чем идет речь – о неврастении или психостении. После Janet это сделалось невозможным и навязчивость (психостения) излагается отдельно от неврастения. Сделано это было по преимуществу немецкой психиатрией: в 1914-1915 гг. Cramer, Aschaffenburg и Kraepelin⁹ разделили неврастению (помимо навязчивости) на нервное истощение (Крепелин и Фшаффенбург, Крамер называет ее экзогенной неврастением) и нервозность (Крепелин, по Ашаффенбургу – энлогенная неруозность, по Крамеру – эндогенная неврастения). Нервное истощение – ясное понятие, совпадающее с неврастением Бирда, происходящее из внешних причин, главным образом – из утомления; могут быть разногласия относительно ее места в классификации душевных болезней (Крепелин,

² Beard: Die Nervenacgwache. Berlin, 1881.

³ Solly: Die Hypochondrie, Ziemeans Handbuch. Leipzig, 1878.

⁴ Moebius: Die Neurosität. Leipzig, 1882.

⁵ Arndt: Die Neurastenie, ihr Wesen, inre Bedeutung and Behandlung. Leipzig, 1885.

⁶ Krafft-Ebing: Neurosität und neurasteniche Zustände. 1895

⁷ Janet: Neurose et idées fixes. Paris, 1896; Les obsessions et la psychastenie. Paris, 1903.

⁸ Binswanger: Die Pathologie und Therapie der Neurastenie. 1896

⁹ Cramer: Die Neurastenie. Levandovskys Handuch, V. 1914.

Aschaffenburg: Die Handlungen des Neurasteniebegriffe. Bonn, 1915.

Kraepelin: Psychatrie. Bd. IV. 1915.

например, неожиданно относит ее к психогенным заболеваниям), но самая сущность определена: это истинная неврастения, истинное истощение, ближе всего к тому, что разумел Бирд и что мало по малу проникло в сознание психиатров под именем неврастении. Нельзя этого сказать о нервозности. Крамер считает ее эндогенной неврастенией и делит на очень пестрые разновидности (простое эндогенное истощение, сложно эндогенное истощение, ипохондрическая неврастения онанистов, эндогенная нервность со страхом, экзаменационная неврастения, навязчивая неврастения, даже неврастения с делирием). Крепелин полагает нервозность в отделе врожденных патологический состояний, т.е. относит ее к дегенерации наряду с навязчивостью, импульсивностью, половыми аномалиями. Дегенеративная природа нервозности или дегенеративная (врожденная) неврастения известна – врожденная истощаемость нервной системы, истощаемость, благодаря которой некоторые люди впадают в состояние истощения скорее и чаще, чем другие. Но врожденная истощаемость, как и вся дегенерация – очень неопределенное понятие, нечто вроде складочного места для всего неясного. Такой же характер имеет и нервозность в описании Крамера и Крепелина. Это – тот слабый пункт в современном учении о неврастении, который требует дальнейшего изучения, расчленения и толкования¹⁰.

За последние десятилетия эта работа и ведется в связи с новым направлением в изучении неврастении вообще. Мы имеем в виду воззрение, по которому неврастения, как самостоятельной болезни, не существует. Даже неврастения истощения, несомненную и заслуженную разновидность, в этиологической классификации надо излагать не как болезнь, а как неврастеническую форму психоза истощения, который может иметь кроме неврастенической много других форм. Рядом с инфекционной неврастенией существует неврастеническая форма артеросклеротического психоза, сифилитического, паралитического, дизаденоидного, маньякодепрессивного и т.д. Дегенеративная (врожденная) неврастения также распадается и мало по малу переходит в abortивные случаи шизофрении, маньякодепрессивного психоза, летаргического энцефалита и т.д. Словом, когда надо подробно изложить какую-либо психическую болезнь (все равно, экзогенной или эндогенной природы), со всеми ее разновидностями, abortивами, фазами (начальной и конечной) – без понятия неврастенической формы обойтись не могут. Все это показывает, что современная психиатрия приходит к убеждению, что неврастении, как болезни, нет, а имеется лишь

¹⁰ Надо заметить, что делении неврастении на врожденную и приобретенную в немецкой психиатрии очень устойчиво: мы его видим в новейшем Funkes Handbuch, Bd. V, ThI, 1928 – статья Stertz'a о экзогенной неврастенической реакции и Schultz'a о конституциональной нервозности.

неврастеническая форма, могущая быть при многих и различных болезненных процессах в той или другой фазе их развития. Эта мысль положена в основу дальнейшего изложения (см. симптоматиологию).

Таким образом, внешняя история неврастении укладывается в три периода: в первом она завоевывает себе самостоятельность, во втором – очищает себя от примесей, в третьем – расчленяется по болезненным процессам, т.е. становится формой.

Внутренняя история неврастении сливается с учением об утомлении. Связь их настолько интимна, что без теории утомления неврастения висит в воздухе. Литература об утомлении появилась в некоторых своих частях раньше самой неврастении, в числе своих представителей имеет мировые имена, необозрима по количеству, ибо входит не только в физиологию и психологию, но и в гигиену, психотехнику, педагогику, даже социологию и политическую экономию. Мы можем использовать ее, конечно, в минимальных размерах, главным образом – данные физиологии и экспериментальной психологии.

Утомлением называется понижение функций органа вследствие сильного и многократного повторения однородной работы. Из опытов над мышечной работой (с эргографом Моссю) известно, что утомление прямо пропорционально работе (растет по мере увеличения поднимаемой тяжести), прямо пропорционально времени (чем длительнее работа, тем больше утомление), прямо пропорционально скорости (быстрая работа скорее утомляет). С некоторыми оговорками те же законы применимы ко всякой работе, в частности, умственной. Некоторые противоречия между физиологическими опытами и чисто волевой работой имеются; так, по опытам несильные раздражения утомляют больше, чем сильные, повседневным опытом это не подтверждается; но и из повседневного опыта мы знаем, что утомление, вызванное мелкой однообразной работой, можно преодолеть усиленным волевым напряжением, т.е. сильным импульсом.

В основе лежит особый химизм – отправление продуктами работы. Правда, этот химизм точно доказан для мышечного утомления, но есть все основания переносить его на всякий другой работающий орган. Продуктами утомленной мышцы являются угольная и молочная кислоты, как крайние звенья окисления органических веществ; кроме того, к утомляющим продуктам принадлежат еще вещества, природа которых точно не определена; раньше их сближали с лейкотоксином, затем стали говорить об особом токсине утомления (кенотоксин Weichardt'ф, который, как антиген, может будто-бы вызвать в организме специфические противотела (антикенотоксин и ретардин). Промыванием мускула и другими приемами можно утомляющие продукты удалить и возвратить мышце свежесть; обратно, впрыснув свежему животному кровь другого, утомленного, можно вызвать утомление у первого. Заслуживает

большого внимание, что мышечное утомление можно вызвать и не работой, а прямым утомлением (введение таких веществ, как углекислота, холин, индол, скатол, желчь, моча и т.д.), что ставит связь утомления с интоксикацией вне всякого сомнения.

<...>

До сих пор мы говорили о физическом утомлении. Что касается психического, которое к неврастению имеет большее отношение, то оно труднее поддается изучению. Мозг, как работающий орган, меньше доступен, чем мускул. Наиболее определенные данные дают психологически опыты. Их можно разделить на три группы: в первой психическое утомление изучается en masse, во второй – его вызывают какой-нибудь отдельной умственной работой, к третьей принадлежит психическое утомление у животных.

Примером первой группы могут служить старые работы Ашаффенбурга и Патрик-Джилберта¹¹. Aschaffenburg изучал психические изменения после ночи усидчивой работы без пищи и сна. Patrick и Gilbert изучали у трех лиц утомление после почти четырехсуточного (90 часов) бодрствования. В том и другом случае психическое состояние дало, с одной стороны, понижение – падение мышечной силы, укорочение времени реакции, плохое запоминание, с другой – обострение, возбуждение внешних чувств, особенно зрения (у Patrick-Gilbert'a были простые зрительные обманы), ассоциации с характером вихря идей, облегчение волевых импульсов. Таким образом, в психическом утомлении мы видим ту же смесь ослабления и обострения, как наблюдается при физическом утомлении.

Многочисленные опыты были сделаны методом сложения однозначных чисел. Впервые он предложен Крепелином, позднее был проверен почти повсеместно. Если этот метод сравнить с физическим утомлением, то он подходит к эргографу Моссо: и там, и здесь мелкая отдельная работа, дающаяся до наступления общего утомления. Этим методом по преимуществу изучали отдельные стороны умственного труда – упражнение, возбуждение, навык, напряжение и т.д. Результаты получились те же, что и при физическом утомлении.

Интересны опыты над психическим утомлением животных. Эта рудная задача до известной степени разрешена условными рефлексам Павлова. Выработка условных рефлексов для собаки – не легкая работа; часто надо десятки, даже сотни повторений, чтобы он укрепился. Особенно трудны условные рефлексы, когда они преследуют какие-либо тонкие различия, например, отличить круг от эллипса с осями 9:8, перевести тормозной не

¹¹ Aschaffenburg: Psychologiasche Arbeit.

Patrick und Gilbert: Psychological reviews. 1896. Из позднейшего времени сюда принадлежат многочисленные опыты над гонщиками при состязаниях, летчиками после рейса и т.д.

дающий слюны раздражитель в положительный, реагировать на какой-нибудь положительный раздражитель и сразу после этого на сходный, но отрицательный, словом, – все условия для психического утомления. Как оно проявляется у животного? Для этого достаточно привести один пример¹²: собака, у которой круг сделан положительным условным раздражителем, т.е. при появлении его выделяется слюна. Затем надо было дифференцировать от круга эллипс. Пока у эллипсов оси были 2:1, 3:2, 4:3, т.е. различие от круга было ярко, дифференцировка удавалась, слюны эти эллипсы не вызывали. Когда дело дошло до эллипса с осями 9:8, собака сначала дала было дифференцировку, а затем забастовала: не стала различать не только эллипса 9:8, но и более легкие, даже эллипса 2:1. При этом у собаки наблюдалось возбужденное состояние в виде сильных оборонительных движений. Павлов этот и подобные случаи считает экспериментальным неврозом, близким к неврастению или неврозу утомления, лечит их бромом или отдыхом от опытов. По нашему мнению, тут невроза нет, а, напротив, имеет очень здоровая реакция отказа-подавления, свидетельствующая о хорошей психической активности животного. Для суждения о психическом утомлении животного данные опыты очень ценны. Они доказывают, что животное действительно психически утомляется и что оно борется с утомлением тем же средством, которое употребляем и мы, особенно в детском возрасте (подавление внимания как средство против перегрузки уроками).

В общем, из работ о психическом утомлении видно, что по существу разницы между ним и физическим утомлением нет – общий закон: нет частичного утомления, а есть одно общее. При психическом, как и при физическом утомлении, главная роль принадлежит количеству, темпу и длительности работы; между этими моментами и утомлением можно установить ясную пропорциональность: чем тяже, быстрее и деятельнее работа, тем больше психическое утомление. Средства борьбы с психическим утомлением те же, что и с физическим: привычка (упражнение), интерес (возбуждение), устойчивость внимания (навык), сознательное волевое усилие (напряжение), его антагонист (подавление), перерыв в работе, перемена занятий и возбуждающие вещества (спирт, кофе). Разницы заключается лишь в том, что в химизм работающего мозга и в тонкие внутренние его функции при утомлении мы не можем проникнуть, как это нам удается на вырезанном нервномышечном препарате лягушки.

¹² Павлов: Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Москва, 1927. С. 264-256.

Не наукой единой...

Тест¹

Сагаловский Наум

Поэт

Аннотация. Публикуется по: Sagalovsky N. Buravchik's Rule. Evanston: OKHO Publishing Company, L.L.C., 2010. 246 p. P. 25-31.

Ключевые слова: стихотворение, тест, юмор

Test

Sagalovsky Naum

Poet

Abstract. It is published on: Sagalovsky N. Buravchik's Rule. Evanston: OKHO Publishing Company, L.L.C., 2010. 246 p. P. 25-31.

Keywords: poem, test, humor

Из серии «Жизнь замечательных людей»

”Мне надо на кого-нибудь молиться”.
Когда-то я молился на вождей,
при жизни их слагая небылицы
из жизни замечательных людей.
Они ушли, коварны и жестоки,
но мы их образ в памяти храним,
и эти поэтические строки
да будут вечным памятником им!

¹ Публикуется с разрешения автора.

Борец за мир, писатель и генсек –
товарищ Брежнев, дай им Бог здоровья! –
большой, как говорится, человек
и вовсе не предмет для острословья.

Они, конечно, речью не грешат,
зато умом крепки и глазом цепки
и планы всевозможные вершат
под знаменем того, который в кепке.
На всех углах – портреты их лица,
о них вещают книги и экраны,
и любят их – ну просто, как отца,
весь наш народ и все сисиськи сраны.

Заходит к ним однажды в кабинет
товарищ А.Косыгин, Пред. Совмина,
больной на вид, весьма преклонных лет,
но тоже представительный мужчина,
и говорит:
– Послушай, Леонид,
тебе ещё писать не надоело?
Кончай свою петрушку, – говорит, –
есть срочно государственное дело.

А наш сидят, не покладая рук –
писать и думать – это не забава! –
и блях на них всего-то восемь штук –
четыре слева и четыре справа.

– Давай, премьер, докладывай, вали!
Мы, чай, давно с тобой не дипломаты.
– Я, – говорит, – объездил пол-земли,
а давеча слетал с визитом в Штаты.
Там, Лёня, крупный правит капитал,
сплошные монополии и тресты,
и мне мой переводчик прочитал,
что там у них повсюду пишут тесты.
Тест, говорю! По-ихнему он – тест,

по-нашему – вопросы и загадки.
Кто теста не напишет – тот не ест,
такие, брат, звериные повадки.
А нам – любое дело по плечу!
Крепи трудом народную державу!
Спасибо Леониду Ильичу
за подвиги, за доблесть и за славу!

На это маршал и герой войны,
решающие важные задачи,
оправили гражданские штаны
и коротко сказали:
– Бред собачий.
Ты, – говорят, – Косыгин, демагог,
и зря тебе народ доверил место.
Я должен заявить, что ты не смог
мне толком рассказать про это тесто.
Ты чётко изложи мне, что к чему,
в спокойной и решительной манере,
пока я это дело не пойму
на личном историческом примере.

Тут Пред. Совмина сделал лёгкий жест,
а именно – кивнул, что он согласен:
– Сейчас я дам тебе хороший тест,
который задают в четвёртом классе.

– Давай, – товарищ Брежнев говорят. –
И мне наука, и тебе наука.

– Сын моего отца, а мне не брат -
кто это? Ты подумай, Лёня, ну-ка!

Генсекретарь партийного ЦК
нахмурили нестриженные брови,
прищурились, покашляли слегка
и стали цвета рыночной моркови.
”Такое дело...” – думают они,

из пачки доставая сигарету.
У них у самого полно родни,
но чтоб не брат, но сын – такого нету.
А ежели задуматься всерьёз –
напрасно им премьер мозги калечит,
поскольку – несущественный вопрос
и этой – как её? – противоречит.
Вот так всегда – забьют какой-то клин...

– Ну что? – спросил товарищ Пред. Совмина.

– Ей-Богу, кто тут брат, а кто тут сын –
не знаю, это просто чертовщина.
Я по другим делам лауреат.

– Сдаёшься?
Те кивнули однократно.

– Сын моего отца, а мне не брат –
так это ж я! Я сам!...

– Теперь понятно!
Ну, ты даёшь, Косыгин! Ну, даёшь!
Действительно, порадовал меня ты!
Я должен заявить, что тест хорош.
Видать, не зря ты съездил в эти Штаты.
Вид у тебя, Косыгин, просто жуть –
детей пугать и прятать за оградой,
но иногда сморозишь что-нибудь,
вот как сейчас, – смешно, хоть стой, хоть падай!..

– Так я пошёл, меня там ждут!
– Добро!
Работай. Будь здоров. Привет старухе.
А в пятницу у нас Политбюро,
доложишь нам ещё в таком же духе!..

...Напрасно злопыхатели твердят,
что все вожди народной диктатуры,

которые страной руководят,
молчат, как пни, и вечно мордой хмуры.
Не надо под одну гребёнку стричь
козла с волком, верблюда и корову!
Товарищ Брежнев Леонид Ильич
 всю жизнь имели страсть к живому слову.
Хотя у них и званье, и года –
они, бывает, по два раза в сутки
и сами крепко шутят иногда,
и очень крепко понимают шутки.
У нашего вождя волнений нет,
с народом – нерушимая согласность,
поскольку есть надёжный Комитет,
блюдящий... нет – блюдуший безопасность.
У них для быстрой связи с КГБ
есть кнопка небольшого габарита
и кабель, проходящий по трубе,
которая секретно в землю врыта.
И так они в делах со всех сторон.

По кнопочке рукой слегка похлопав,
генсек сказали тихо в микрофон:
– Товарища Андропова. Андропов?
Немедля собирайся под арест!
Шучу, шучу, не бойся. Как нагрузка?
Сейчас ты у меня получишь тест.
Да нет, его не пьют. И не закуска.
Косыгин из Америки привёз!
Не ром. Не джин. Не бренди и не виски!
А тест, Андропов, вроде как вопрос,
его там задают сиськи-масиськи.
Придвинь к себе поближе аппарат,
внимательно послушай и ни звука.
Сын моего отца, а мне не брат –
кто это? Шевели мозгами, ну-ка!..
Скажу тебе, Андропов, напрямик:
вы все там, понимаешь, как в болоте –
не пишете художественных книг,
да что там книг! – газеты не прочтёте.
Учу я вас, голубчиков, учу,

а вы чуть что – так сразу бить в ладоши:
спасибо Леониду Ильичу
за то, что он у нас такой хороший

Конечно, он хороший – он не съест!..
Когда-нибудь возьму большую палку,
всех разгоню!.. Давай ответ на тест,
показывай партийную смекалку!
Ну что? Не знаешь? Сам и виноват.
С культурой у тебя, Андропов, глухо.
Сын моего отца, а мне не брат –
так это же Косыгин, понял, тюха?!..

И, выключив секретный телефон,
генсек, Пред. През. Верховного Совета
забыли про здоровье и про сон
и снова что-то пишут до рассвета.
Они себя не мыслят без труда –
таков удел большого коммуниста.

Понятно, до всего у них нужда –
до вас, и до меня, и до министра.
У них нужда до самых дальних стран,
где всё ещё не так живут, как надо.
На этот – как его? – Афганистан
ни танка не жалеют, ни снаряда.
Гуляй себе за стенами Кремля,
на что тебе заботы и усталость?..
А всё же книга ”Малая земля”,
видать, что по большой нужде писалась!..
...Герои поэтической строки,
невольники пожизненного срока –
такие все они, большевики,
которые без страха и упрёка.
Зачинщики высоких скоростей,
творцы коммунистической морали!..
И нету, нету в мире крепостей,
которых бы они не отобрали.

Хроника

Приглашение на Секцию «Философия и история психологии» на Первом Конгрессе Русского общества истории и философии науки «История и философия науки в эпоху перемен» (Москва, 20-21 июня 2018 года)

Invitation to Section “Philosophy and History of Psychology” on First Congress of Russian Society of History and Philosophy of Science “History and Philosophy of Science in Changing Times” (Moscow, 2018, June 20-21)

Уважаемые коллеги!

20-21 июня 2018 г. в Москве в Институте философии РАН состоится Первый Конгресс Русского общества истории и философии науки «История и философия науки в эпоху перемен».

В программе Конгресса пройдет секция «Философия и история психологии», посвященная философским, теоретическим, методологическим и историческим вопросам психологической науки.

Председатели секции

проф., д.пс.н. А. Г. Асмолов (МГУ им. М. В. Ломоносова)

проф., д.пс.н. В. Ф. Петренко (МГУ им. М. В. Ломоносова)

проф., д.пс.н. В. А. Мазилев (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Секретари секции

к.пс.н., доц. И. Н. Карицкий (РГУ им. А. Н. Косыгина)

А. А. Костригин (РГУ им. А. Н. Косыгина, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Предварительный список докладчиков секции: А.Г. Асмолов, В.Ф. Петренко, В.А. Мазилев, В.М. Аллахвердов, Е.В. Бакшутова, С.А. Богданчиков, Л.Я. Дорфман, В.В. Знаков, И.Н. Карицкий, В.В. Козлов, А.А. Костригин, Д.А. Леонтьев, М.Д. Няголова, Ю.Н. Олейник, Т.К. Рулина, Н.Ю. Стоюхина, Э.В. Тихонова, Г.Л. Тульчинский, Т.М. Хусяинов, Н.С. Шадрин.

Также среди секций Конгресса пройдут следующие: Философские проблемы современного естествознания (А. Ю. Севальников), История науки и техники (Д.А. Баюк), Философия математики (В.А. Бажанов), Философские проблемы когнитивных наук (В.А. Лекторский), Философская логика (В.И. Маркин), Философские проблемы нормативных наук (И.Д. Невважай), Логика и риторика науки (И.Н. Грифцова), Этика науки (Б.Г. Юдин), История философии науки (И.Т. Касавин).

Общая информация о Конгрессе и правилах оформления тезисов располагается по адресу: http://rshps.org/?page_id=183

Тезисы докладов необходимо прислать до 1 сентября 2017 года по электронной почте congress18@rshps.org.

Доклады должны вписываться в рамки проблематики секции, будет происходить отбор заявок оргкомитетом.

Приглашаем всех желающих участвовать!

Электронный научный журнал
История российской психологии в лицах: Дайджест
2017
№ 3
259 с.
12,5 п.л.

ISSN 2415-7953